Федору Ивановичу

Шаляпину

на память. Спб. Петербург.

Пенжина,

25 июня 1890 г.

Церковная Историография.

Лекціи

орд. проф.

А. М. Иванцова-Платонова.

Москва
1888

BR
145

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

1211
66

Нашъ курсъ церковной исторіографіи представляетъ не только исторію развитія церковно-исторической науки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и краткое обозрѣніе церковно-историческаго матеріала, обозрѣніе самыхъ памятниковъ, особенно древнихъ вѣковъ христіанства.

Церковно-историческіе памятники.

Памятниковъ этихъ очень много. Чтобы дать понятіе о количествѣ этого матеріала, упомянемъ о Patrologiae Cursus Completus ed. Migne. Это колоссальное собраніе доходитъ до 400 томовъ, въ каждомъ болѣе 1000 страницъ въ 2 столбца. Но и оно далеко не заключаетъ всѣхъ церковно-историческихъ памятниковъ, а только памятники западной церкви до XIII в., а восточной — до XV в., да и то не всѣ, а лишь литературные; памятники каноническіе и литургическіе имѣютъ другія огромныя собранія. Слѣдовательно, церковно-историческаго матеріала много. Причина этого понятна. Наука, въ мірѣ христіанскомъ зародилась въ монастыряхъ, между духовными людьми; главный интересъ былъ церковный; поэтому прежде всего является церковно-историческая наука. Но она касалась и фактовъ политическихъ, и лишь постепенно отдѣлилась отъ нея исторія политическая и другія отрасли исторической науки. Поэтому, изученіе церковно-историческихъ памятниковъ важно и въ томъ отношеніи, что они даютъ матеріалъ не только для церковной исторіи, но и для другихъ историческихъ наукъ.

АНТИКВАРІАТЪ

Не всѣ періоды церковной исторіографіи одинаково богаты памятниками. Самая бѣдная ими — первая эпоха, эпоха зарожденія и распространенія христіанства, первые три вѣка христіанства. Впрочемъ, относительно происхожденія и первоначальнаго распространенія христіанства, мы владѣемъ одинимъ неоцѣненнымъ памятникомъ. Это —

Четвероевангеліе

Кромѣ громаднаго религіозно-нравственнаго, оно имѣетъ научное, чисто-историческое значеніе, такъ какъ это — памятникъ единственный въ своемъ родѣ, почти современный, дающій свѣдѣнія о возникновеніи христіанства.

Памятникъ этотъ, съ внѣшней стороны, несовсѣмъ какъ-будто удовлетворяетъ историка. Хронологія событій, топографія нѣкоторыхъ мѣстностей, характеръ среды, въ которой зародилось христіанство, — все это несовсѣмъ ясно. Описаніе жизни самого основателя христіанства не имѣетъ въ виду частныхъ подробностей, такъ какъ Евангеліе обнимаетъ лишь эпоху общественнаго служенія Спасителя, продолжавшуюся около 3½ лѣтъ. Но за то самое главное, что можетъ насъ интересовать, необыкновенная личность основателя христіанства и смыслъ его ученія представлены такъ ясно, такъ глубоко и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ просто. Въ своемъ изложеніи евангелисты сочетали два трудно соединяющіяся свойства историческаго изложенія: субъективизмъ и объективизмъ; такое сочетаніе есть высшій идеалъ историческаго изложенія. Съ одной стороны, они далеко не безучастно описываютъ свой предметъ; въ нихъ замѣтно не простое сочувствіе къ нему, а восторженно-благоговѣйное отношеніе къ Основателю новаго ученія. Но этотъ субъективизмъ соединяется съ простотой, спокойствіемъ, правдивымъ изложеніемъ событій. Личность самого писателя совершенно не выдвигается на первый планъ; онъ умалчиваетъ о себѣ или нерѣдко представляетъ себя въ несовсѣмъ выгодномъ освѣщеніи, какъ будто намѣренно, чтобы тѣмъ болѣе выдавалась

великая личность Христа. Объективизм исторический здесь сказывается до такой степени, что евангелисты не пытаются далее связывать события и объяснять их; они представляют факты в том виде, как они отразились в их воспоминаниях.

Христиане издавна раздумали и раздумают то убеждение, что этот памятник дошел от первых преемников Христа в том самом виде, как он вышел из их рук. Но в нынешнем столетии, в тридцатых - сороковых годах, на западе, особенно германской наукой, возбуждены были сомнения относительно того, действительно ли эти писания принадлежат тем лицам, которым их приписывают. Возникли сомнения и о времени написания евангелий. Писание относят первое из них ко сороковым годам I-го века, второе и третье к шестидесятым, а Иоанново к последним годам I-го или к самому началу II-го века. Но скептики старались отодвинуть их написание на время позднейшее. Возникли сомнения и в том, сохранились ли эти памятники в том самом виде, как они вышли из первых рук, или они прошли разные редакции, передвижки. — Но, во-первых, все эти сомнения имеют более значения для церковной библиографии, а не для церковной истории, так как Евангелие все-таки остается древнейшим памятником христианской истории. Это памятник незаменимый; рядом с ним нельзя поставить никаких других памятников. Да и все эти сомнения возникли не из чисто-научных побуждений, а из стремления поколебать христианство. Затем, первые нападки по поводу Евангелий были очень ярые, решительные; но потом скептики отказались от многих своих положений и смягчили свои нападки. В настоящее время весь спор между положительными историками и скептиками идет лишь из-за небольшой разницы во взглядах. Написание Евангелий отодвигается теперь уже самими скептиками только десятилетий на два - на три позже церковного предания. — Сомнения все, возбужденные относительно целости, неповрежденности этих памятников не имеют твердых

оснований. Ни одинъ изъ памятниковъ не дошелъ до насъ въ такомъ огромномъ количествѣ списковъ, рукописей; ни одинъ, между тѣмъ, не представляетъ такого согласія, какъ наши Евангелія. Варіанты незначительны. Они касаются лишь перемѣны, пропуска какого-нибудь слова; пропусковъ стиховъ очень мало; особенно значительны лишь два пропуска: въ Евангеліи Іоанна — о усѣнѣ блудницы, отпущенной Христомъ съ миромъ, и заключеніе Евангелія Марка — о явленіяхъ Христа по воскресеніи. За этими немногими заключеніями[1], удивительно сохранился евангельскій разсказъ. Объясняется это религіозно-благоговѣйнымъ отношеніемъ къ Евангелію; но это все самое показываетъ, что предположенія о передѣлкахъ не имѣютъ, въ данномъ случаѣ, реальнаго основанія.

Дѣянія Апостольскія.

Эта книга составляетъ продолженіе Евангелія Луки и изображаетъ первоначальное распространеніе христіанства при апостолахъ, первыхъ преемникахъ Христа. Она представляетъ единственный твердый памятникъ одной изъ самыхъ важнѣйшихъ христіанскихъ эпохъ, памятникъ рѣшительно незамѣнимый. Евангелій четыре; они взаимно пополняютъ другъ друга въ разсказѣ о жизни Христа. Дѣянія Апостоловъ стоятъ одиноко. Тѣмъ важнѣе этотъ памятникъ въ историко-научномъ отношеніи.

Подлинность, время написанія, цѣльность Дѣяній также подвергались сомнѣнію. Высказывалось предположеніе, что это не цѣльный памятникъ, а раздѣляется на двѣ половины, изъ которыхъ лишь вторая принадлежитъ Лукѣ, а первая представляетъ лишь собраніе записокъ, составленныхъ ранѣе другими. Лука ихъ взялъ только въ свой разсказъ. Но если бы и на самомъ дѣлѣ такъ было, если бы первая половина была лишь редактирована Лукой, то все-таки это ни мало не роняетъ значенія этого памятника въ историческомъ отношеніи.

Со внѣшней стороны, этотъ памятникъ представляетъ

[1] Чит. исключеніями.

какъ-бы недостатки въ научномъ отношеніи. Хронологіи почти совсѣмъ нѣтъ; событія изображены быстро, какъ будто они случились въ теченіе немногихъ лѣтъ, хотя въ дѣйствительности разсказаны событія на пространствѣ 30 лѣтъ. Поэтому-то хронологія апостольскаго времени и доселѣ не совсѣмъ твердо установлена. — Затѣмъ, этотъ памятникъ не представляетъ подробностей о проповѣди апостольской. Впрочемъ, онъ и не задается подобной задачей: не событія, а раскрытіе общаго характера распространенія христіанства составляетъ его задачу.

Эта книга представляетъ слѣдующія черты распространенія христіанства: какъ оно первоначально зародилось въ Іерусалимѣ, въ видѣ маленькой общины; какъ оно стало отсюда распространяться въ другія мѣста, сначала ближайшія — по Палестинѣ, Финикіи, Сиріи, потомъ — по Греціи, по берегамъ и островамъ Средиземнаго моря, до Италіи. Это — распространеніе со стороны географической. Со стороны этнографической, мы видимъ процессъ распространенія христіанства сперва между іудеями іерусалимскими, затѣмъ между іудеями другихъ странъ, такъ называемыми прозелитами, самарянами, наконецъ, между язычниками. Книга Дѣяній доводитъ свой разсказъ до того времени, какъ христіанство дошло до главнаго политическаго и культурнаго центра тогдашняго міра, Рима, куда прибылъ ап. Павелъ.

Въ этой книгѣ трудно оторвать событія другъ отъ друга; она представляетъ какъ-бы одинъ сухатый разсказъ; поэтому трудно раздѣлить этотъ памятникъ

Въ самомъ усѣченномъ образѣ представленъ здѣсь процессъ распространенія христіанства: какъ оно изъ религіи незначительной общины стало всемірной религіей. Но этотъ процессъ будетъ понятенъ лишь въ томъ случаѣ, если читать этотъ памятникъ нѣсколько умѣючи. Долгое время имъ пользовались весьма патріархально. Исторія апостольская излагалась по немъ почти буквально; обобщеній

объяснений не дѣлалось. А между тѣмъ, если имъ пользоваться, какъ прочими историческими памятниками, то отъ нихъ можетъ много дать для живаго, осмысленнаго пониманія распространенія христіанства.

Посланія Апостоловъ.

Дѣянія апостоловъ представляютъ внѣшнюю исторію распространенія христіанства; для внутренняго быта христіанскихъ общинъ даетъ очень мало; съ этой стороны ее пополняютъ писанія апостольскія, такъ называемыя Посланія Апостоловъ, письма ихъ къ разнымъ общинамъ или отдѣльнымъ лицамъ: — Всѣхъ посланій 21; изъ нихъ 14 ап. Павла, 7 соборныхъ посланій апостоловъ: Іакова, Петра (2), Іоанна (3) и Іуды. Къ нимъ также причисляютъ Апокалипсисъ, который заключаетъ въ себѣ посланіе св. Іоанна къ Малоазійскимъ церквамъ.

Всѣ эти книги представляютъ много данныхъ для воспроизведенія внутренняго состоянія древнихъ христіанскихъ общинъ. Это очень богатый матеріалъ, но имъ мало пользовались: Долгое время его читали только съ религіозно-нравственною цѣлью; къ нему не относились съ требованіями чисто-научными. А между тѣмъ, эти письма, написанныя по поводу разныхъ возникавшихъ недоумѣній, разныхъ вопросовъ, раскрываютъ догматы споры, изображаютъ интересы, стремленія; нравственное состояніе древнихъ христіанскихъ общинъ; иногда даже внѣшнюю ихъ сторону, обряды, іерархическое устройство. Словомъ, надо только умѣючи пользоваться этимъ источникомъ, чтобы получить изъ него важный историческій матеріалъ.

Однако только въ послѣднее время ученые обратили вниманіе на эту сторону Посланій и разрабатываютъ ее все болѣе и болѣе. Но это стремленіе возникло одновременно съ тенденціозными, отрицательными отноше-

ніемъ къ христіанству. Поэтому извлеченіе данныхъ изъ этого источника носило тенденціозный характеръ. Явилось подозрѣ=ніе относительно подлинности этихъ посланій, ихъ древности, ихъ цѣльности. Особенно много работъ въ этомъ направленіи при=надлежитъ такъ называемой Тюбингенской школѣ. Но и тутъ скептики должны были, съ теченіемъ времени, отказаться отъ многихъ своихъ первоначальныхъ воззрѣній. Бауэръ, стоявшій во главѣ этихъ скептиковъ, и его непосредственные ученики признали подлинными лишь четыре посланія: къ рим=лянамъ, къ коринѳянамъ два, къ галатамъ; остальныя или заподозрѣны и отодвинуты ко второму вѣку. Теперь уже самими скептиками признаются подлинными уже до 8 по=сланій ап. Павла, а посланіе Іакова, которое еще Лютеръ отвергалъ, признается ими за древнѣйшій памятникъ хри=стіанской письменности. — Апокалипсисъ само христіан=ское преданіе считало почти самой поздней книгой Ново=го Завѣта; а теперь наука, даже скептическая, отодви=гаетъ его древность ко времени Нерона, къ 70 мъ годамъ I го вѣка.

Такимъ образомъ, древность и подлинность этихъ па=мятниковъ все болѣе и болѣе утверждается наукой.

Памятники
послѣ-апостольскаго времени.
(I й и первая половина II го вѣка).

Отъ конца I го и первой половины II го вѣка мы имѣ=емъ нѣсколько церковно-историческихъ памятниковъ. Но они стоятъ ниже уже упомянутыхъ нами не только по своему религіозно-нравственному содержанію, но и по науч=ному значенію. И здѣсь — замѣтимъ — замѣчательно это совпаденіе религіознаго значенія памятниковъ съ научнымъ. Чѣмъ выше стоятъ они въ религіозномъ отношеніи, какъ, напримѣръ, Евангеліе, Апостолъ, тѣмъ выше ихъ научно — историческое значеніе.

Писанія мужей апостольскихъ,

т. е. ближайшихъ учениковъ, сотрудниковъ, непосредственныхъ преемниковъ апостоловъ, первыхъ епископовъ древнѣйшихъ и ваустѣйшихъ христіанскихъ церквей. Нѣкоторые изъ этихъ преемниковъ апостоловъ писали сочиненія, большею частью небольшія, большія посланія; нѣкоторыя изъ нихъ дошли до насъ.

Посланіе Варнавы, одного изъ 70 апостоловъ, сотрудника ап. Павла, а потомъ бывшаго проповѣдникомъ христіанства на о. Кипрѣ, принадлежитъ, по содержанію и по мысли, къ посланіямъ ап. Павла къ галатамъ и евреямъ.

Посланія Климента, ученика и сотрудника апостоловъ Петра и Павла. Онъ былъ епископомъ римской церкви и написалъ 2 посланія къ коринѳянамъ по поводу несогласій и раздоровъ въ ихъ средѣ.

Посланія Игнатія, епископа Антіохійскаго, ученика Іоанна Богослова. Передъ своей мученической кончиной онъ написалъ нѣсколько посланій къ разнымъ малоазійскимъ церквамъ.

Посланіе его ближайшаго друга, Поликарпа, епископа Смирнскаго, тоже ученика Іоанна Богослова.

Къ писаніямъ мужей апостольскихъ причисляютъ и книгу „Пастырь", приписываемую какому-то римскому христіанину Ермѣ. Онъ жилъ, по мнѣнію однихъ, въ концѣ I-го, а по другимъ, въ началѣ или даже въ половинѣ II-го вѣка. Его сочиненіе мистическое, аллегорическое, но въ немъ такъ же много черть для воспроизведенія состоянія христіанской общины въ то время.

Писаніе Папія, епископа Іерапольскаго, ученика Іоанна Богослова, не дошли до насъ. Но его цитуетъ Евсевій, писатель IV-го вѣка. Сочиненіе Папія озаглавлено: „Изреченія

Господни". Евсевій говоритъ, что Папій внесъ не мало существенныхъ разсказовъ, но судя по дошедшимъ до насъ отрывкамъ, у Папія также было много историческихъ данныхъ, весьма важныхъ.

Потеряны также сочиненія Егезиппа (II). Этотъ христіанинъ (самъ онъ изъ Палестины) много путешествовалъ по другимъ другимъ церквамъ, собиралъ церковныя преданія о временахъ апостольскихъ и написалъ „Достопамятности церковныя". Въ его сочиненіи было много важнаго церковно-историческаго матеріала. У Евсевія приведено нѣсколько отрывковъ, правда, неважныхъ, почему нѣкоторые ученые и считаютъ Егезиппа не чистокровнымъ христіаниномъ, а принадлежащимъ къ такъ называемой сектѣ іудействующихъ христіанъ.

Къ писаніямъ мужей апостольскихъ относились до послѣдняго времени, и писанія, довольно обширныя, приписываемыя Діонисію Ареопагиту, ученику ап. Павла и первому епископу аѳинскому. Но теперь эти писанія уже болѣе не считаются подлинными. Въ нихъ много такихъ чертъ, которыя относятся скорѣй къ состоянію церкви III-IV вѣка, нежели къ началу V-го. Для того-то времени эти писанія и являются важнымъ историческимъ памятникомъ.

Апостольскія безыменныя произведенія.

Это — произведенія, хотя древнія, но нѣсколько сомнительнаго характера. Къ нимъ принадлежатъ:

а). <u>Ученіе двѣнадцати апостоловъ</u>, на которое часто встрѣчаются указанія христіанскихъ писателей II и III вв. и другихъ греческихъ писателей далѣе до VIII в.; затѣмъ оно забывается, и только три года тому назадъ его рукопись найдена въ одной монастырской библіотекѣ Филосфеемъ Бріенніемъ. Явились изданія, переводы этого памятника; написано множество изслѣдованій по поводу его.

Правда, хотя трудно признать его принадлежность 12-ти апостолам, но все-таки это — очень древний памятник. Его относят к первой четверти или не далее половины II-го века, а некоторые даже к последнему десятилетию I-го века.

Он восполняет, с исторической стороны, данные, даваемые другими церковно-историческими памятниками. Послания апостольские раскрывают внутреннюю сторону христианской общины; это же произведение представляет много замечательных данных относительно обрядов и иерархии церковной в конце I-го или в начале II-го века, в то переходное время — от той эпохи, когда во главе христианских общин стояли апостолы, ко времени позднейшему, собственно иерархическому. Этот-то процесс первоначального развития обрядов и церковной иерархии и представляет этот памятник.

б.) Постановления Апостольские составляют 8 небольших книг. В них излагаются от имени апостолов, в первой части, разные постановления апостольские об обрядах, о внешнем быте христианских общин.

Не смотря на его древность, этот памятник нельзя относить к апостолам. В первые века слову „апостольский" давался более широкий смысл. Так обозначалось все, что было близко ко времени апостолов, что по духу согласовалось с их учением и правилами. — Это памятник составной. Его начало относят ко II-му или концу I-го века и приписывают Клименту, епископу римскому; но церковное предание называет также Ипполита, писателя, епископа римского уже в начале III-го века. Есть черты и более поздние, III-IV вв. Отделить эти черты от других довольно трудно. Поэтому, пользоваться этим памятником надо осторожно.

Когда-то он имел важное каноническое значение; но с развитием церковного права, в эпоху вселенских соборов, значение его все более терялось; на шестом вселенском соборе его исключили из числа канонических памятников, так как формы, к которым он был приурочен, уже устарели. Но

онъ всетаки очень важенъ въ научно-историческомъ отношеніи, какъ свидѣтельство о тѣхъ формахъ церковной жизни, въ которыхъ эта жизнь развивалась во II и III вв.

c.) Каноны, или Правила Апостоловъ. Этотъ памятникъ въ краткихъ, строгихъ формулахъ содержитъ разныя церковныя правила: правила объ обязанностяхъ церковной іерархіи, дисциплинарныя статьи церкви. Его значеніе — церковно-юридическое; онъ обыкновенно полагается въ начало Кормчей книги и вообще сохраняетъ важное каноническое значеніе.

Но онъ имѣетъ и научно-историческое значеніе, ибо свидѣтельствуетъ о порядкахъ христіанской церкви и іерархіи въ древнее время.

Эти правила составлялись постепенно, во II-III в., въ духѣ апостоловъ, а не самими ими. Слѣдовательно, это памятникъ тоже составной.

Мы обозрѣли христіанскую письменность за первые 1½ вѣка. Это самый важный періодъ въ исторіи церкви, но и самый бѣдный историческими памятниками. Впрочемъ, въ немъ надо различать двѣ эпохи. Первая — эпоха появленія христіанства, эпоха жизни его основанія и распространенія его при апостолахъ — представляется болѣе ясно, потому что мы владѣемъ отъ нея важными историческими памятниками, которые, хотя и не подробно, но живо изображаютъ ее. Эпоха же мужей апостольскихъ представляется съ меньшей ясностью, потому что памятники по содержанію ихъ: Писаній мужей апостольскихъ бѣдные и блѣдные, нежели писанія самихъ апостоловъ; они не имѣютъ и твердо установившейся редакціи. Изъ писаній мужей апостольскихъ лишь недавно открыты подлинники посланія Варнавы, 2-е Климента, Ермы. Ученіе 12-ти апостоловъ, и ученые еще пользоваться не могли сразу. Что же касается до Правилъ и Постановленій апостольскихъ, то эти памятники уже давно извѣстны, но несомнѣнно, въ нихъ много позднѣйшихъ наслоеній, которыя

трудно отличить отъ ихъ древнѣйшей части. —

Писанія мужей апостольскихъ переведены на русскій языкъ въ началѣ 60 ыхъ годовъ свящ. Преображенскимъ. Постановленія апостольскія переведены при Казанской Духовной Академіи Правила апостольскія и Ученіе 12 ти апостоловъ переводились даусе нѣсколько разъ.

Памятники II-III вв.

Со второй половины II го вѣка исторія христіанства представляется гораздо яснѣе: является болѣе твердыхъ, несомнѣнныхъ памятниковъ.

а.) Апологіи.

Въ ряду этихъ памятниковъ первое мѣсто занимаютъ произведенія христіанскихъ апологетовъ II го и III го вѣка. Христіанство въ теченіе трехъ вѣковъ находилось подъ гнетомъ преслѣдованій со стороны язычества и нареканій со стороны языческой литературы. Христіанству нужно было оправдать, защитить себя. Отсюда возникла потребность въ апологіяхъ, т.е. въ сочиненіяхъ въ защиту христіанства. Эти апологіи представлялись или императорамъ, преслѣдовавшимъ христіанство, или онѣ обращались къ языческимъ ученымъ, или вообще къ языческому народу. Въ нихъ опровергались разныя предубѣжденія относительно христіанъ.

Первыя апологіи появились при императорѣ Адріанѣ. Онѣ написаны аѳинскимъ епископомъ Кодратомъ и философомъ Аристидомъ. Но ихъ сочиненія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отрывковъ (у Евсевія и въ армянскихъ источникахъ), не дошли до насъ.

Изъ древнѣйшихъ апологій до насъ дошла лишь одна, безъименная: посланіе къ Діогнету, неизвѣстнаго автора и не-

извѣстнаго времени. Это посланіе относятъ обыкновенно къ концу I-го или началу II-го вѣка. Прежде его приписывали Іустину философу, потомъ Кодрату; но все это только предположительно. Это сочиненіе представляетъ живое, выразительное описаніе христіанства того времени.

Затѣмъ слѣдуютъ апологіи самаго извѣстнаго изъ греческихъ апологетовъ, Іустина Философа. Онъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Разочарованный въ языческой религіи и философіи, ища новаго пути къ истинѣ, онъ остановился на христіанствѣ и посвятилъ свою жизнь на распространеніе и защиту этой религіи. Онъ представилъ двѣ апологіи: одну императору Антонину Пію, вслѣдствіе чего, какъ полагаютъ, сначала было при немъ гоненіе на христіанъ; другую — Марку Аврелію, но она не расположила его къ христіанству и, въ конецъ концовъ, Іустинъ самъ былъ казненъ. Онъ написалъ также нѣсколько сочиненій противъ нареканій іудеевъ и язычниковъ на христіанъ. Это —: „Разговоръ съ Трифономъ іудеемъ"; „Увѣщаніе къ Эллинамъ."

Другимъ апологетомъ является Татіанъ, его ученикъ, тоже философъ, уклонившійся потомъ отъ православной церкви и примкнувшій къ одной изъ распространявшихся тогда сектъ. Его апологія старалась оправдать христіанство предъ языческимъ міромъ; но подлинность ея оспаривается.

Рядомъ съ этими слѣдуетъ поставить хорошую апологію со стороны научнаго оправданія христіанства, написанную александрійскимъ философомъ Аѳинагоромъ (вторая половина II-го вѣка).

Затѣмъ идетъ рядъ другихъ апологетовъ: Мелитонъ Сардійскій; Ѳеофилъ Александрійскій, философъ Ермій. Это были, большею частью, язычники, которые, перейдя въ христіанство, становились его защитниками. Въ своихъ апологіяхъ Мелитонъ и Ѳеофилъ раскрывали также отдѣльные христіанскіе догматы, напр. о воскресеніи мертвыхъ. — Книга Ермія озаглавлена: „Осмѣяніе языческихъ философскихъ мнѣній." Въ ней онъ указываетъ, что языческая философія не можетъ удовлетворить серьезной мысли, такъ какъ мнѣнія философовъ противо-

ручать между собой.

Все это апологіи греческія. — На русскій языкъ онѣ переведены Преображенскимъ.

Есть и латинскія апологіи, но болѣе поздніе, относящіяся уже къ началу III-го вѣка. апологія Минуція Феликса и Тертулліана, карѳагенскаго пресвитера. Апологія послѣдняго, можетъ быть, самая серьезная. Въ ней разбираются, со стороны римскаго права, тѣ несправедливыя обвиненія, за которыя преслѣдовали христіанъ. Эта апологія представлена Септимію Северу. Тертулліанъ написалъ и другія апологіи, къ разнымъ языческимъ сановникамъ и ученымъ. Всѣ эти апологіи даютъ много матеріала для воспроизведенія состоянія христіанства въ началѣ III-го вѣка.

Въ то же время усилъ александрійскій ученый Оригенъ. Его апологія, направленная не столько противъ внѣшнихъ преслѣдованій со стороны правительства, сколько противъ предубѣжденій языческихъ философовъ относительно христіанства, называется „Опроверженіе языческаго философа Цельза". Послѣдній, въ своихъ сочиненіяхъ, опровергалъ и догматическую и нравственную основы христіанства.

Послѣдующія апологетическія сочиненія относятся уже къ концу III, къ IV и даже къ V вѣку. Пока языческій міръ былъ силенъ, еще раздавались нареканія на христіанъ, которыя нужно было опровергнуть. Къ этимъ позднимъ апологетическимъ трудамъ относятся нѣкоторыя сочиненія Евсевія Кесарійскаго, Аѳанасія Великаго, Григорія Богослова — въ IV в., Кирилла Александрійскаго и Ѳеодорита Кирскаго — въ V в. Это-греческіе писатели. Изъ позднѣйшихъ латинскихъ писателей назовемъ Лактанція, извѣстнаго ученаго, воспитателя дѣтей Константина Великаго; затѣмъ, знаменитое сочиненіе Августина „De civitate Dei" и написанное въ подражаніе ему, подъ тѣмъ же заглавіемъ, сочиненіе испанскаго пресвитера Орозія. — Но всѣ эти апологіи не имѣли того значенія, какое имѣли апологіи II-III вѣка: язычество уже падало.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ

Но апологетическія сочиненія II и III вв. имѣютъ очень важное значеніе для церковной исторіи, ибо изъ нихъ мы можемъ видѣть, каково было положеніе христіанства среди язычества въ первые вѣка, въ нихъ находимъ опроверженіе клеветъ и небылицъ, распространенныхъ относительно христіанъ въ домѣ обществѣ и въ народѣ. — Въ апологіяхъ христіанскіе писатели стараются выяснить свою вѣру и свой образъ жизни, чтобы показать, что во всемъ этомъ у нихъ нѣтъ ничего предосудительнаго, но о сущности вѣрованій выражаются довольно осторожно: они описываютъ и оправдываютъ только тѣ стороны христіанскаго вѣроученія и образа жизни, которыя были общеизвѣстны, бросались въ глаза, а о задушевныхъ своихъ вѣрованіяхъ и обрядахъ говорятъ вообще очень мало, чтобы не дать ихъ языческому обществу на посмѣяніе. Поэтому, хотя апологіи представляютъ и много матеріала для уясненія чисто христіанскихъ вѣрованій, напр. единобожія въ сравненіи съ политеизмомъ и т. п., но о такихъ высокихъ вещахъ, какъ понятіе о троичности, сущности таинствъ, языческому обществу говорилось немного, и данныхъ этого рода въ апологіяхъ мы почти не находимъ. Но апологіи важны еще съ другой стороны. Сопоставляя свои вѣрованія съ языческими вѣрованіями, съ языческой философіей, апологіи приходилось невольно касаться нравовъ современнаго ей общества, какъ языческаго, такъ и христіанскаго; поэтому мы находимъ здѣсь много свѣдѣній о состояніи языческаго общества, языческой религіи, о его вѣрованіяхъ, обычаяхъ и нравахъ. Притомъ, здѣсь сообщаются такія свѣдѣнія, какія безъ этихъ источниковъ для насъ остались бы навсегда потерянными; именно, приводятся даже отрывки изъ сочиненій древнихъ языческихъ писателей, говорится о древнихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ Грековъ, Египтянъ, Сирійцевъ и другихъ народовъ. Поэтому, хотя апологіи имѣютъ значеніе церковно-историческихъ памятниковъ, но ихъ значеніе велико и вообще для исторіи ихъ эпохи.

Апологіи дошли до насъ въ подлинныхъ текстахъ. Есть и русскій ихъ переводъ, сдѣланной протоіереемъ Преображенскимъ;

599
АРХИВИРОВАНО
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР

есть перевод некоторых сочинений Тертуллиана, Лактанция, принадлежащий г. Карпову, перевод несколько устаревший. Писания Августина теперь переводятся в Трудах Киевской Академии

в.) Ересеологические памятники.

Вслед за сочинениями апологетическими следуют писания, так называемые ересеологические, т. е. имеющие целью опровержение ересей, которые, как известно, явились среди христиан чуть ли не с первого же века по Р. Х. Мы видим, что вместе с борьбою внешнею, с борьбою против язычества, христианству все время приходилось бороться с врагами внутренними, с еретиками и раскольниками; язычество старалось извне одолеть христиан при помощи материальной силы, ересь изнутри старалась поколебать чистоту Христова учения. Эта борьба представляла очень серьезное значение для церкви и потому важна и для церковной истории.

Уже со времен апостолов, в их посланиях и трудах других апостольских мы находим намеки на постоянную борьбу с ересями, но указания тут пока кратки и отрывочны; да и послания сами стараются не столько опровергнуть известную ересь, сколько выяснить истинныя и главныя положения христианскаго учения (может быть, этот способ полемики и есть самый лучший).

Но в половине II-го века появились так называемыя гностическия ереси, получившияся из смешения христианских понятий с учениями древней философии и политеизма вследствие попытки примирить языческия начала с христианскими. Когда эти учения начали развиваться, тогда одновременно появились и сочинения полемическаго характера, направленныя против этой ереси, которыя и положили основу целому ряду ересеологических писаний.

Первыя сочинения такого рода относятся к царствованию Адриана. Против ереси писали тогда Аристид, Касторъ,

Родонъ, Аполлинарій Гераполисскій и многіе другіе. Сочиненія ихъ до насъ не дошли; сохранились лишь отрывки у Евсевія.

Первая попытка сдѣлать полное обозрѣніе ересей, появлявшихся въ христіанской церкви со второй половины I-го и до второй половины II-го вѣка принадлежитъ уже упомянутому нами Іустину Философу. Трудъ его, носившій названіе Σύνταγμα, до насъ тоже, къ сожалѣнію, не дошелъ. Въ нѣмецкой литературѣ была, правда, попытка возстановить на основаніи позднѣйшихъ ересеологическихъ сочиненій содержаніе исчезнувшаго памятника; но попытка эта имѣетъ лишь предположительный характеръ.

За Іустиномъ противъ ереси выступилъ Ириней, епископъ Ліонскій. Ириней былъ ученикомъ Поликарпа, епископа Смирнскаго. Сначала онъ миссіонерствовалъ на западѣ, основалъ съ Пофиномъ въ Ліонѣ церковь и, наконецъ, предпринялъ трудъ опровергнуть всѣ извѣстныя ему еретическія ученія, существовавшія до его времени. Особенно боролся онъ противъ валентиніанъ и маркіонитовъ, поставивъ своею цѣлью опровергнуть ложное знаніе, γνῶσις, которое апостолъ Павелъ называлъ ψευδώνυμος γνῶσις и которымъ такъ хвалились гностики, говоря, что они одни обладаютъ высшимъ знаніемъ. Въ первой книгѣ своего труда Иринеемъ излагается гносисъ въ томъ видѣ, въ какомъ преподавалъ его Валентинъ, и со всѣми измѣненіями, сдѣланными учениками послѣдняго, а также излагается маркіонство, вторую изъ главныхъ ересей, возмущавшихъ въ то время всю церковь; въ слѣдующихъ четырехъ — опровергаетъ всѣ изложенныя выше заблужденія и со строго логическою послѣдовательностью разрѣшаетъ всѣ вопросы, возбужденные ими, стараясь выяснить домматы истиннаго христіанскаго ученія.

Сочиненіе Иринея въ полномъ видѣ сохранилось въ старинномъ текстѣ, писанномъ неправильнымъ латинскимъ языкомъ. Относительно этого текста среди ученыхъ существуютъ два мнѣнія: одни считаютъ этотъ латинскій текстъ дурнымъ переводомъ съ греческаго, такъ какъ отъ греческаго

текста все-же сохранились отрывки; другіе полагаютъ, что Ириней и писалъ на латинскомъ языкѣ и, такъ какъ ему этотъ языкъ былъ чуждымъ (Иринея, полагаютъ, былъ родомъ изъ Малой Азіи), и усвоилъ онъ притомъ среди варварскихъ народовъ, говорившихъ испорченнымъ латинскимъ языкомъ, то неудивительно, что онъ пишетъ языкомъ очень неправильнымъ.

Его сочиненія переведены на новые языки, а также есть и русскій переводъ протоіерея Преображенскаго.

Сочиненія Иринея противъ ересей были не только главнымъ, единственнымъ современнымъ историческимъ свидѣтельствомъ о ересяхъ, но, притомъ, свидѣтельствомъ весьма древнимъ (отъ II-го в.). Въ послѣднее, впрочемъ, время, именно въ 50-ыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, былъ открытъ другой подобный этому памятникъ, если еще не болѣе важный по своему значенію. Онъ носитъ названіе Τὰ φιλοσόφουμενα, т.е. философскія мнѣнія, или обозрѣніе философскихъ мнѣній, и принадлежитъ писателю римскому, Ипполиту. Названіе Φιλοσόφουμενα преимущественно относится къ первой книгѣ этого сочиненія, которая наполнена изложеніемъ основныхъ мнѣній философовъ древней классической школы; что же касается второй, третьей и четвертой книгъ этого сочиненія, то онѣ представляютъ обозрѣніе разныхъ религіозныхъ ученій древняго міра, представляютъ различныя языческія мнѣнія древнихъ мыслителей, математиковъ и астрономовъ, а съ пятой книги сочиненіе имѣетъ уже цѣлью разсмотрѣть и опровергнуть ученія христіанскихъ еретиковъ, потому что, по мнѣнію автора, мнѣнію, можно полагать, справедливому, и вполнѣ оправдываемому наукою, большинство ересей возникло отъ смѣшенія христіанскихъ воззрѣній съ идеями древней философіи или съ древними религіозными системами. Ипполитъ предполагаетъ серьезно опровергнуть еретическія мнѣнія въ корнѣ и потому начинаетъ, какъ мы уже сказали, съ описанія древнихъ философскихъ системъ, постепенно приближаясь къ главной цѣли своего сочи-

ченія. Уже изъ этого видно, какое важное значеніе имѣетъ этотъ памятникъ, сближающій христіанскія ученія съ древней философіей и религіей.

Къ сожалѣнію, памятникъ этотъ не дошелъ до насъ въ цѣломъ своемъ видѣ: I-ая книга существуетъ, II-ая, III-ья и большая часть IV-ой потеряны, а съ V-ой книги сочиненіе это въ цѣломъ видѣ идетъ до конца X-ой книги. Въ концѣ своего труда авторъ предлагаетъ изложеніе православной вѣры.

Затѣмъ это сочиненіе важно не только по общему принципу (именно потому, что старается объяснить еретическое ученіе при помощи древнихъ философскихъ системъ), но замѣчательно и по дальнѣйшему методу изложенія и опроверженія ересей. Методъ этотъ отличается отъ метода Иринея тѣмъ, что Ириней не сближаетъ ересей съ ихъ первоначальными источниками, между тѣмъ какъ авторъ Philosophumena сближеніе такое дѣлаетъ. Правда, сближенія эти выходятъ иногда натянутыми, но дѣло здѣсь не въ томъ; важенъ самъ методъ. Далѣе, Иринеемъ сообщаетъ свѣдѣнія о ересяхъ отъ своего имени, авторъ Philosophumena дѣлаетъ выдержки изъ самихъ еретическихъ сочиненій, а это очень важно, ибо сочиненія еретиковъ утрачены, и, если бы не отрывки, которыя у Ипполита немало, мы имѣли бы очень смутное понятіе объ этой еретической литературѣ. У Ипполита мы находимъ отрывки изъ древнихъ языческихъ писателей: философовъ, поэтовъ, мыслителей, такъ что, напримѣръ, попадаются мѣста изъ Пиѳагора, Анаксагора и другихъ имъ подобныхъ писателей древняго міра; отрывки, неимѣющіе значенія для классической филологіи.

Изъ этого видно, что памятникъ, о которомъ мы только что говорили, имѣетъ очень важное значеніе. Одно только странно, какимъ образомъ до сихъ поръ онъ не былъ обнаруженъ: ибо по сочиненіямъ другихъ древнихъ писателей III и IV вв. мы видимъ, что этотъ памятникъ былъ извѣстенъ и въ раннюю эпоху своего существованія, да и позже все еще не былъ затерянъ, потому что есть свѣдѣнія о его спискахъ, относящихся къ XII-му

вѣку и существовавшихъ въ древнихъ восточныхъ библіотекахъ. Только въ средніе вѣка, наконецъ, памятникъ этотъ былъ забро-шенъ и благодаря этой небрежности былъ открытъ теперь, какъ бы новость. Открытіе это произвело большую сенсацію въ уче-номъ мірѣ; но оставалось неизвѣстнымъ, кто авторъ этого ново-открытаго источника для исторіи церкви. Было сначала пред-положеніе приписать его Оригену, александрійскому ученому III-го вѣка; другіе за автора Философумена предлагали считать Тертулліана, но въ настоящее время всѣми почти учеными признано, что Философумена написано Ипполитомъ, римскимъ писателемъ конца II-го и начала III-го вѣка, римскимъ пресви-теромъ, а потомъ и епископомъ, хотя и не легальнымъ, а столь-шимъ во главѣ оппозиціи, оппозиціи, впрочемъ, чисто нравствен-наго характера, противъ папы Каллиста. Вотъ этимъ по-ложеніемъ автора, вѣроятно, и объясняется, почему Философу-мена были впослѣдствіи заброшены, особенно на западѣ, гдѣ въ слѣдующіе вѣка авторитетъ папы усилился чрезвычайно. Те-перь только истина всѣмъ наружу, и выяснилось, что Иппо-литъ писалъ еще много и что онъ, помимо Оригена Алексан-дрійскаго являетъ плодовитѣйшимъ и даровитѣйшимъ писате-лемъ своего времени; но большая часть сочиненій его затеряна и до сихъ поръ еще не отыскана.

Для исторіи древнихъ ересей важны также труды еще нѣ-которыхъ ученыхъ: Тертулліана (писавшаго противъ секты ва-лентиніанъ и маркіонитовъ, противъ Гермогена и Праксея-гностиковъ), Адамантія, Ираклія, тоже разоблачавшихъ пробив ереетиковъ, отъ IV и V вѣковъ: Епифанія Кипрскаго (конца IV в.) и Ѳеодорита Кирскаго, описавшаго древнія еретическія се-кты.

Вотъ изъ такихъ-то источниковъ находимъ мы для себя свѣдѣнія о различныхъ сектантскихъ ученіяхъ древнихъ временъ христіанства.

с.) Первые памятники христіанскаго богословія.

Опровергая ученія сектантовъ, христіанскіе писатели должны были выяснять положительное, истинное ученіе православной Христовой церкви, и по мѣрѣ распространенія образованности стала являться потребность не довольствоваться одними сердечными вѣрованіями, но и привести ихъ въ научную систему. Такимъ образомъ стали формулироваться начала положительнаго христіанскаго богословія. Начатки его, не говоря уже о писаніяхъ самихъ апостоловъ, находимъ мы у Иринея и Ипполита, но тутъ догматическое изложеніе и доказательства весьма отрывочны и не полны, такъ что это скорѣе матеріалъ для христіанскаго богословія; но затѣмъ богословіе понемногу развивается въ систему и въ III в. является уже полная христіанская богословско-философская школа въ Александріи, этомъ культурномъ центрѣ тогдашняго образованнаго міра, главномъ опорномъ пунктѣ философіи неоплатониковъ, городѣ богатомъ и торговомъ, разноплеменномъ, разновѣрномъ, такъ что здѣсь приходилось христіанству вести настоящую и нелегкую борьбу съ языческими вѣрованіями, вооруженными бронею древней философіи. Поэтому христіанству приходилось опереться также на научную почву, слѣдствіемъ чего и явилась эта школа, достигшая развитія при Климентѣ Александрійскомъ и его ученикѣ Оригенѣ.

Оригенъ положилъ начало богословской наукѣ собственно во всѣхъ ея отрасляхъ: написалъ большую апологію противъ Цельса, сдѣлалъ опытъ изложенія догматическаго богословія, написавши книгу „О началахъ", занимался критикой библейскаго текста, сводя между собой историческіе факты и сверяя различные списки, положилъ начало экзегетикѣ и герменевтикѣ; наконецъ, вмѣстѣ съ Ипполитомъ онъ положилъ начало христіанской проповѣди, потому что проповѣдь, хотя

и существовала прежде, но существовала въ необработанной формѣ, формѣ, такъ сказать, первобытно-естественной: въ литературной формѣ она является впервые лишь у Ипполита и Оригена. Конечно, эти опыты богословія несовершенны, въ нихъ даже попадаются уклоненія отъ твердыхъ правилъ христіанскаго ученія и у Климента, и у Оригена. Климентъ и Оригенъ, желая научно защитить и опредѣлить христіанскіе догматы, должны были пользоваться готовыми средствами, даже брать матеріалъ для доказательства у прежнихъ языческихъ классиковъ, пользуясь ихъ методологіей, научной формой, и даже потому, понятно, увлекались и ошибались. Такъ напримѣръ, Климентъ Александрійскій сдѣлалъ попытку сблизить догматы христіанской религіи съ лучшими идеями древне-греческой философіи. Основною мыслью его труда было, что и въ основаніи твореній древнихъ философовъ лежитъ откровеніе. Оригенъ точно такъ же, создавая христіанское богословіе, облекалъ его въ форму, выработанную языческой философіей. Увлеченіе языческими писателями и нѣкоторыми идеями философіи Платона, чуждыми христіанству, Платона, котораго Оригенъ очень уважалъ и глубоко изучилъ, такъ и сквозитъ въ трудѣ послѣдняго. Слѣдствіемъ такого отношенія къ дѣлу явилось впослѣдствіи много споровъ, признавать ли твореній этихъ александрійцевъ, какъ и труды Тертуліана за надежное руководство въ ученіи христіанскомъ; поэтому, вышеназванные ученые не носятъ высокочтимаго имени Отцовъ церкви, а называются только ея Учителями.

Послѣ Оригена, писавшаго именно въ III вѣкѣ, изъ Александрійской школы вышли еще другіе ученые: Діонисій Александрійскій, Григорій-Чудотворецъ Неокесарійскій, Меѳодій Тирскій, но изъ ихъ сочиненій дошли до насъ только отрывки. Изъ латинскихъ современниковъ ихъ замѣчательны сочиненія епископа Карѳагенскаго Кипріана, сочиненія важныя въ томъ отношеніи, что самая эпоха, когда они появились въ

свѣтъ, была въ высшей степени замѣчательною (около половины III^го вѣка), такъ какъ представляла собою время перехода отъ древняго періода христіанской исторіи къ новому періоду христіанства торжествующаго: во второй половинѣ III^го вѣка становилось замѣтнымъ, что христіанство начинаетъ завоевывать твердое положеніе въ исторіи. Сочиненія Кипріана важны для исторіи церковной іерархіи, такъ какъ онъ проследилъ въ своихъ сочиненіяхъ ея развитіе отъ самаго апостольскаго времени до своей эпохи. Іерархія апостольская весьма отличалась отъ іерархіи позднѣйшей. Но Кипріанъ іерархію эту получилъ твердый, организованный характеръ, и поэтому сочиненія Кипріана, точно обрисовывающія эту организацію, для исторіи церкви незамѣнимы. Вотъ главные и притомъ важнѣйшіе памятники древне-христіанской литературы первыхъ трехъ вѣковъ нашей эры.

Кромѣ того, есть еще письменные памятники, такъ сказать, памятники безличные, авторовъ которыхъ мы не знаемъ. Сюда относятся, такъ называемые Мученическіе Акты.

б) Мученическіе Акты.

Извѣстно, что во времена гоненій въ римской имперіи судъ былъ гласный, и казни производились открыто; поэтому, когда христіанъ допрашивали на судѣ, другіе христіане нерѣдко занимались въ это время записываніемъ вопросовъ судьи и отвѣтовъ обвиняемаго, записывали затѣмъ истязанія, какимъ подвергали упорнаго христіанина, подробности казни и т. п. Вотъ такимъ образомъ и составились мученическіе акты, нѣкоторые изъ которыхъ замѣчательно древни; таковы, напр., Акты мученія бл. Поликарпа, Ліонскихъ мучениковъ, бывшихъ при Маркѣ Авреліи, написанные, вѣроятно, Иринеемъ Ліонскимъ, и многіе другіе. Христіане любили читать эти книги, какъ для религіознаго воодушевленія, такъ и для укрѣпленія въ вѣрѣ

ной вѣрѣ, переписывали ихъ, и, вѣроятно, ихъ было очень много. Затѣмъ акты мучениковъ были любимымъ чтеніемъ и въ позднѣйшіе вѣка и служили для тогдашнихъ христіанъ точно такимъ же образомъ, какъ для старыхъ русскихъ людей Четьи-Минеи. Поэтому самому, отъ частаго обращенія и не имѣя такого важнаго авторитета, какъ Св. Писаніе, Акты не могли сохраниться въ подлинности и въ полной цѣлости. Въ началѣ цѣльными и подлинными считались тѣ, которые устно записать нѣкоторые изъ древнихъ христіанскихъ писателей, напримѣръ, Тертуліанъ, Евсевій Кесарійскій и др. Но съ теченіемъ времени, отъ IV до IX вв., Акты распространились по всему міру, подверглись прибавленіямъ, передѣлкамъ, ихъ наполнили общими мѣстами, разсужденіями, цвѣтами тогдашней реторики, легендами, быть можетъ. Но когда въ средніе вѣка Симеонъ Метафрастъ, греческій ученый, а потомъ позднѣйшіе латинскіе писатели стали собирать эти акты, то они еще болѣе видоизмѣнили ихъ, давши имъ литературную отдѣлку, украсивши ихъ по своему усмотрѣнію, такъ что исказили ихъ еще болѣе.; поэтому, кромѣ памятниковъ, сохраненныхъ Евсевіемъ, кромѣ Акта Мартучит, эти памятники представляютъ такую сложную компликацію, что очень трудно въ нихъ отдѣлить древнее отъ позднѣйшаго, сомнительное отъ несомнѣннаго, хотя, впрочемъ, теперь и дѣлаются попытки, особенно въ Германіи, приняться за такую работу.

е.) Памятники литургическіе.

Кромѣ того, сохранились, хотя и не вполнѣ, различные памятники литургическаго характера, особенно излагающіе древнюю литургію. Извѣстно, что литургія образовалась не зараз, но составилась постепенно, причемъ составители руководствовались словами Іисуса Христа и апостольскимъ преданіемъ; но надо замѣтить, что развивались, такъ сказать, литургіи частныя, а какого-ни-

будь обязательного чина литургіи, держаться котораго было бы обязательно, не существовало; мѣстныя церкви считали себя вполнѣ вправѣ составлять свои особые чины литургіи, конечно, при всемъ томъ, на общемъ апостольскомъ основаніи.

Литургіи эти письменно въ первые вѣка христіанства не излагались, ибо христіане боялись, чтобы списокъ такого рода не попалъ въ руки язычниковъ и чтобы вполнѣ чистый путь христіанскихъ таинствъ не подвергнулся посягательству со стороны языческихъ писателей. Итакъ, говорили мы, чтобы не профанировать самыхъ святыхъ обрядовъ церкви, христіане литургій не записывали, а передавали ихъ устно. Во всякомъ случаѣ, это обстоятельство еще болѣе разнообразило установленія христіанскаго служенія, а тѣмъ увеличивало и число литургій. Уже съ самаго древняго періода христіанства появляется нѣсколько литургій: по преданію, первый епископъ іерусалимскій Іаковъ составилъ такую для Палестины, епископъ александрійскій Маркъ — для Египта, епископъ римскій Климентъ — для римлянъ; эти однако литургіи дошли до насъ далеко не въ своемъ первоначальномъ видѣ, а съ позднѣйшими прибавками и вставками, относящимися ко II, III и IV вѣкамъ.

Число всѣхъ литургій очень значительно; кромѣ только что названныхъ нами, сохранилось еще много другихъ отдѣльныхъ видовъ литургій; на западѣ, напр., существуютъ сборники древнихъ литургій Ассемани, Ренодо, Даніеля; на русскомъ языкѣ есть сборникъ древнихъ литургій, изданный при С-Петербургской Духовной Академіи.

Памятники этого рода важны для изученія исторіи развитія христіанской обрядности, но пользоваться ими очень трудно, ибо различить древнѣйшую основу отъ позднѣйшихъ наслоеній дѣло почти невозможное.

4.) Остатки легендарной письменности.

Затѣмъ, кромѣ памятниковъ чисто православнаго ха-

рактера, существуютъ еще памятники, извѣстные подъ именемъ апокрифическихъ, легендъ; много ихъ дошло до насъ, а еще больше утеряно.

Прежде всего такія сказанія, конечно, составились о жизни Іисуса Христа, потомъ и о жизни апостоловъ. Вмѣстѣ съ подлинными сказаніями, какъ это нерѣдко бываетъ, стали распространяться сказанія легендарныя, сказанія свойства сомнительнаго. Явились апокрифическія евангелія: одни изъ нихъ, относящіяся ко II вѣку, сохранились до нашего времени подъ именемъ евангелія Іакова, Никодима, Ѳомы; позднѣе стало извѣстнымъ арабское евангеліе, два евангелія ап. Матѳея. Затѣмъ, наряду съ истинными „Дѣяніями" апокрифы разсказываютъ массу преданій о проповѣди апостольской въ Индіи, въ Эѳіопіи, въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ извѣстнаго тогда міра*, причемъ описываются приключенія и смерть чуть ли не всѣхъ апостоловъ.

Въ первые вѣка этихъ апокрифовъ была масса; потомъ много изъ нихъ пропало, но вслѣдствіе ихъ интересности, несмотря на преслѣдованія церкви, не менѣе ихъ сохранилось и дошло до нашего времени, до XVII, XVIII и XIX вв., когда ученые стали ихъ собирать и издавать. Первая попытка такого рода сдѣлана была еще въ XVII вѣкѣ; затѣмъ, въ XVIII в. надъ этимъ работалъ Фабриціусъ, въ наше время — Тишендорфъ.

Эти памятники для церковной исторіи, полагаемъ, не очень важны, такъ какъ важныхъ фактовъ изъ жизни Іисуса Христа и апостоловъ передаютъ они мало, ибо они главное вниманіе обращаютъ на мелочи и мелкія прибавки, не дающія ничего серьезнаго, пригодъ, можетъ быть, вторыя, но незначительныя. Евангеліе описываетъ главнымъ образомъ жизнь Іисуса Христа съ того времени, когда Онъ выступилъ на проповѣдь, Его общественную дѣятельность, между тѣмъ какъ апокрифическія сказанія берутъ предметомъ своего повѣствованія Его дѣтство; апостольскія

*) Кстати прочтите о путешествіи ап. Андрея въ южную Русь.

Посланій и Дѣяній даютъ общую картину распространенія христіанства въ мірѣ, апокрифы обращаютъ вниманіе на проповѣдь отдѣльныхъ апостоловъ. Многія изъ этихъ сказаній отличаются полною естественностью и правдивостью, между тѣмъ какъ другія, съ перваго разу очевидно, вымышленны, легендарны и притомъ представляютъ легенды позднѣйшаго времени (IV, V, VI вв.). Однако послѣднія имѣютъ цѣнность въ другомъ отношеніи; они цѣнны не по отношенію къ исторіи древняго христіанства, но по вліянію на развитіе средневѣковой легендарной литературы, такъ какъ эти памятники были распространены всюду.

д) Сектантскія произведенія.

Затѣмъ, кромѣ этихъ памятниковъ, не прямо противныхъ церкви, въ первые вѣка христіанства были еще творенія, правда, христіанскія, но не православныя, а сектантскія, которыя можно было считать не десятками, а сотнями, какъ это видно изъ ихъ перечисленій у Иринея и Епифанія. Для насъ любопытно было-бы познакомиться съ ними побольше; но большая часть ихъ до насъ не дошла, частью оттого, что сами секты, какъ быстро появились, такъ быстро и исчезали, а частью вслѣдствіе преслѣдованія православной церкви, которая впослѣдствіи, уже при помощи правительствъ, преслѣдовала эти сочиненія съ помощью, къ сожалѣнію, насильственныхъ мѣръ, какъ это, напр., было въ IV, V и VI вв. при Юстиніанѣ, истребившемъ громадное ихъ количество. Однако остатки уцѣлѣли, и понемногу въ этой области литературы дѣлаются открытія, все болѣе и болѣе обогащающія наши свѣдѣнія о литературѣ этого рода.

1. Писаніе Вардесана. Въ 50-хъ годахъ настоящаго столѣтія открыто сочиненіе древняго еретика III в. Вардесана, носящее заглавіе: „О Судьбѣ или о нравахъ разныхъ народовъ". По происхожденію Вардесанъ сиріецъ и въ своемъ сочиненіи пытается провести ту мысль, что хотя одинъ Промыслъ управляетъ всѣмъ міромъ, но люди этимъ не менѣе имѣютъ

волю, вследствіе чего является различіе въ нравахъ. Это сочиненіе главнымъ образомъ важно для древней этнографіи.

2. Вѣра-Мудрость. Затѣмъ открытъ еще листаніевскій памятникъ, вѣроятно III-го вѣка, носящій названіе Пѣтѣ бо̀уіѣ и содержащій въ себѣ бесѣды Іисуса Христа съ апостолами и ученками мѵроносицами по вознесеніи Его на небо, бесѣды на Тиверіадскомъ озерѣ и горѣ Елеонской, гдѣ были будто-бы возвѣщены таинственные догматы гномическаго ученія. Памятникъ этотъ представляетъ странное, дикое и грубое смѣшеніе христіанскихъ понятій и вѣрованій съ языческими суевѣріемъ; здѣсь мы находимъ много легендъ, апокрифическихъ гимновъ и псалмовъ. Памятникъ этотъ, существующій и въ латинскомъ переводѣ, разработанъ еще очень мало.

3. Климентины. Есть еще одинъ памятникъ очень древній, на греческомъ и латинскомъ языкѣ, о которомъ трудно сказать, церковный ли онъ или сектантскій. Это такъ называемое сочиненіе „Clementini", приписываемое Клименту Римскому, разсказывающее о судьбѣ Климента, о приключеніяхъ его семьи, имѣвшей очень романическую судьбу, сначала разстянной по различнымъ странамъ тогдашняго міра, а по обращеніи въ христіанство ап. Петромъ соединившейся вокругъ этого апостола; разсказъ этотъ полонъ описаній разныхъ приключеній, разсказовъ о томъ, что происходило, когда Климентъ сопровождалъ Петра и былъ свидѣтелемъ того, какъ Петръ боролся въ разныхъ городахъ съ Симономъ Магомъ. Вообще памятникъ этотъ очень оригиналенъ и любопытенъ по формѣ. Это древній христіанскій романъ со всѣми его аттрибутами: завязкой, развязкой и эффектами; здѣсь есть и любовь, и странствованія вынужденной разлуки въ разныя стороны семьи, и философское искапіе истины, обращенія и обличенія. Кромѣ того, здѣсь встрѣчаются различныя дидактическія поученія, наставленія, описанія христіанскаго быта, и тутъ все по мѣстамъ встрѣчаются объясненія православнаго характера (латинская редакція), по мѣстамъ прибавленія гностическаго характера (греческая редакція). Думаютъ, что сочиненіе

это было написано сначала христианскими православными писателями, а потомъ испорчено гностиками, хотя, конечно, могло случиться и обратное: могъ гностикъ написать, а православный исправить. Несмотря, впрочемъ, на легендарность, памятникъ имѣетъ научное значеніе: онъ представляетъ очень много данныхъ для исторіи и характеристики древняго христіанскаго общества II-го вѣка, хотя нельзя не замѣтить здѣсь прибавки уже отъ вѣковъ III-го и IV-го.

h.) Вещественные памятники эпохи гоненій.

Наконецъ, есть памятники вещественные, катакомбы съ находящимися въ нихъ вещами.

Катакомбы ничто иное, какъ древнія кладбища, усыпальницы, служившія и для богослуженій, когда нельзя было совершать его открыто. Ихъ очень много, особенно около Рима, прежняго центра христіанства, гдѣ христіанство это однако преслѣдовалось очень сурово. Есть катакомбы и въ Александріи и въ Крыму, гдѣ въ концѣ I-го и началѣ II-го вѣка было множество христіанъ, сосланныхъ сюда, такъ что Таврида въ то время представляла собою прямо ссыльную колонію. Здѣсь явились пещерные храмы и катакомбы.

Въ теченіе среднихъ вѣковъ катакомбы были забыты и заброшены, и только съ XVI вѣка стали интересоваться этимъ предметомъ и изучать факты, которые можно было отсюда добыть, а въ нынѣшнемъ столѣтіи благодаря многимъ трудамъ по части раскопокъ мы можемъ уже гораздо ясне прежняго нарисовать картину жизни тогдашняго христіанскаго общества.

Изъ новооткрытыхъ катакомбъ особенно замѣчательны катакомбы Климента (к. I в.) и римскаго же епископа Каллиста (III в.). Здѣсь мы находимъ остатки древне-христіанскихъ надписей, изображеній, остатки вещей, употреблявшихся христіанами при богослуженіи, и можетъ быть и въ домашнемъ быту. Ученый кардиналъ Росси по выпускамъ изданія сочи-

ненiе на итальянскомъ языкѣ, гдѣ описываетъ результаты ихъ раскопокъ. На русскомъ языкѣ относительно этого предмета существуетъ переводъ сочиненiя Фрикена о римскихъ катакомбахъ.

Вотъ и всѣ памятники для церковной исторiи первыхъ трехъ вѣковъ нашей эры.

Мы представили обзоръ древнихъ памятниковъ, принадлежащихъ писателямъ первыхъ трехъ вѣковъ по Р. Х. Въ этихъ памятникахъ, какъ мы уже замѣтили, много матерiала для изученiя развитiя христiанскаго вѣроученiя, для изученiя внутренней жизни христiанъ тѣхъ вѣковъ, борьбы съ ересями и язычествомъ, развитiя богословiя, но тѣмъ не менѣе эти памятники собственно историческихъ сочиненiй изъ себя не представляютъ, и поэтому, понятно, мы здѣсь далеко не находимъ полнаго обозрѣнiя всей эпохи, обозрѣнiя разностороннаго.

Греческая церковная литература.

(IV–VI вв.)

а.) Перiодъ до-средневѣковый.

(IV–VI вв.)

Была попытка сдѣлать сводъ историческихъ извѣстiй, сдѣлать, такъ сказать, общее обозрѣнiе событiй, относящихся къ утвержденiю и распространенiю церкви Христовой; попытка эта была сдѣлана въ половинѣ II-го вѣка; именно палестинскимъ христiаниномъ Эгезиппомъ, составившимъ собранiе извѣстiй подъ названiемъ: „Христiанскiя достопамятности", въ 5-ти книгахъ, но, къ сожалѣнiю, кромѣ отрывковъ, находящихся нынѣ у Евсевiя, отъ этого собранiя Эгезиппа до насъ ничего не дошло.

Въ первой половинѣ III-го вѣка была еще попытка написать нѣчто болѣе полное и связное по исторiи церкви. Попытка эта принадлежала извѣстному тогда писателю Юлiю Африк-

кану. Но, опять-таки, къ сожалѣнію, изъ его „Хронографіи до насъ ничего не дошло. Недавно одинъ нѣмецкій ученый, нѣкто Гельцеръ, на основаніи другихъ, болѣе позднихъ сочиненій, въ которыхъ будто онъ нашелъ много заимствованій отъ Африкана, попытался возстановить его трудъ въ первоначальномъ видѣ, но попытка эта, какъ и всѣ ей подобныя, основана на чрезвычайно шаткихъ основаніяхъ и потому большаго значенія не имѣетъ.

Такимъ образомъ, послѣ Евангелія и Дѣяній Апостольскихъ въ собственномъ смыслѣ историческихъ сочиненій мы не находимъ ни одного вплоть до IV-го вѣка.

Евсевій. Первое значительное историческое сочиненіе встрѣчается намъ въ началѣ IV-го вѣка; оно и понятно почему: не говоря уже о томъ, что съ этого времени стала развиваться христіанская письменность, тѣмъ болѣе, что положеніе христіанъ въ Римской имперіи улучшилось, нельзя не обратить вниманія на то, что христіанство прошло уже цѣлый періодъ историческаго развитія, и пришло время оглянуться назадъ на прошедшее, возникла потребность отдать себѣ отчетъ въ прошедшемъ. Въ это время только что кончились гоненія, и началась новая эпоха болѣе спокойная, время торжества христіанства, когда во главѣ явился и первый историкъ, Евсевій, епископъ кесарійскій, имѣющій по своимъ трудамъ по церковной исторіи полное право носить названіе ея отца.

Сама эпоха, когда онъ жилъ, и положеніе, какое онъ занималъ въ государствѣ, доставили ему всѣ тѣ благопріятныя условія, которыя нужны были для историческаго образованія Евсевія. Евсевій жилъ на рубежѣ двухъ эпохъ: онъ видѣлъ еще гоненія, но видѣлъ и торжество христіанства; во время послѣдняго Діоклитіановскаго гоненія онъ даже самъ потерпѣлъ, а при Константинѣ В. явился уже не только епископомъ одной изъ значительнѣйшихъ восточныхъ церквей, церкви Кесарійской, но и былъ близкимъ лицомъ къ императору, который очень уважалъ и любилъ Евсевія, велъ съ нимъ переписку, въ которой называлъ его другомъ, давалъ ему порученія и т. д.; между прочимъ, Константинъ, по свидѣтельству одного древняго сказанія, дозволилъ ему пересмотрѣть государствен-

ные архивы и выбрать оттуда всѣ документы, какіе относились къ исторіи христіанской церкви.

Евсевій, насколько можно судить по его твореніямъ, является образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени, воспитаннымъ въ духѣ идей Оригена прямо черезъ учениковъ его, особенно епископа Александра Іерусалимскаго и Памфила, пресвитера кесарійскаго. Александръ и Памфилъ замѣчательны тѣмъ, что они собрали у себя значительныя библіотеки, преимущественно собранныя изъ произведеній христіанской письменности первыхъ трехъ вѣковъ по Р.Х. По смерти этихъ двухъ ученыхъ мужей библіотека досталась Евсевію, и онъ имѣлъ полную возможность ознакомиться съ произведеніями древне-христіанской эпохи.

Притомъ Евсевій былъ человѣкъ наблюдательный, любознательный; хотя умъ его и не отличался глубокою философіей, но это былъ умъ живой, съ способностью быстро схватывать факты прошедшей и современной ему жизни; все это ставитъ Евсевія во главѣ церковно-христіанскихъ историковъ.

Евсевій оставилъ послѣ себя много сочиненій. Главное и для насъ болѣе интересное его сочиненіе это — „Исторія христіанской церкви первыхъ трехъ вѣковъ", отъ Р.Х. почти до Никейскаго собора 324 г. Она состоитъ изъ 10^ти^ книгъ. Содержаніе ея очень разнообразно: христіанская жизнь первыхъ трехъ вѣковъ отъ Р.Х. затронута здѣсь со всѣхъ почти сторонъ; но лучшею частью его труда является та, въ которой онъ касается эпохи гоненій и мученическаго героизма преслѣдуемыхъ христіанъ. Здѣсь Евсевій говоритъ о близкомъ ему предметѣ, имѣетъ подъ руками богатый матеріалъ; поэтому разсказъ его становится живые и подробнѣе. Въ другихъ мѣстахъ онъ касается и внутренней жизни христіанъ, даетъ намъ очеркъ христіанскихъ стремленій и интересовъ, богословскаго развитія, описываетъ появленіе ересей и т. п.; но вообще эти части у него гораздо слабѣе той, на которую мы уже указывали ранѣе. Евсевій былъ хорошій наблюдатель; умѣлъ всегда съ успѣхомъ справиться съ описаніемъ извѣстнаго историческаго событія, но не глубокій мыслитель. Поэтому приглядѣться успѣховъ христіанской литературы, развитія богословія и т. д.

онъ не вглядывался въ глубину, такъ сказать, въ сокровенную суть со-
бытій, не следилъ за развитіемъ идеи, а ограничивался лишь внѣш-
нею стороною: такъ напр., говоря о литературѣ, онъ довольству-
ется лишь внѣшнею стороною ея, довольствуется простымъ пе-
речнемъ сочиненій и сообщеніемъ именъ лицъ, которымъ эти сочи-
ненія принадлежали; излагая исторію іерархіи, онъ не выясня-
етъ процесса ея образованія, а только преимущественно разска-
зываетъ о томъ, какой епископъ правилъ извѣстною церковью и
послѣ кого и сколько времени; говоря объ ересяхъ, Евсевій не только
не вникаетъ въ ихъ происхожденіе, но вовсе и не старается пере-
дать въ осмысленномъ видѣ содержаніе извѣстнаго сектантскаго
ученія, излагаетъ это ученіе въ отрывочномъ видѣ, такъ что чи-
тателю смыслъ извѣстной ереси понять трудно, тѣмъ болѣе
что нашъ церковный историкъ старается представить заблуж-
денія еретиковъ въ еще болѣе нелѣпомъ видѣ, чѣмъ каковы они бы-
ли на самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ далеко не вся часть Ев-
севіева труда одинаково обработана; далеко не одинъ носитъ онъ
характеръ. Тѣмъ не менѣе эта исторія отличается очень мно-
гими достоинствами, а именно: по своему спокойному, сравни-
тельно безпристрастному и основательному изложенію Евсе-
вій стоитъ гораздо выше средневѣковыхъ историковъ: онъ дале-
ко не такъ, какъ они легковѣренъ, въ своихъ сочиненіяхъ онъ ссыла-
ется всегда на источники, документы, приводитъ изъ нихъ ин-
тересныя выдержки, не имѣетъ страсти къ описанію чудеснаго; къ
событіямъ сомнительнымъ онъ относится съ критикой, осторож-
но добавляя при этомъ «говорятъ, разсказываютъ». Что же ка-
сается до внѣшней стороны изложенія въ этой первой христіан-
ской исторіи, то она, конечно, примитивная. Евсевій излагаетъ
событія въ хронологическомъ порядкѣ, переходя нерѣдко безъ связи объ
событіяхъ внѣшнихъ къ событіямъ внутреннимъ и наоборотъ, пе-
реходя отъ описанія гоненій и мученическихъ подвиговъ христі-
анъ къ изложенію борьбы съ ересями и къ перечисленію написан-
ныхъ за данную эпоху сочиненій. Вообще говоря, какъ первое со-
чиненіе по церковной исторіи церковная исторія Евсевія дале-
ко не представляетъ великихъ научныхъ совершенствъ, но

только не менѣе она чрезвычайно важна, такъ какъ даетъ первое цѣлое описаніе самой замѣчательной эпохи въ исторіи христіанства, первыхъ трехъ вѣковъ его. Произведеніе это тѣмъ болѣе незамѣнимо, что Евсевій имѣлъ въ рукахъ много историческихъ памятниковъ, которые до насъ не дошли; а онъ, пользуясь ими, былъ въ состояніи сообщить читателю наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія; не ограничиваясь послѣдними, онъ наконецъ выбралъ изъ нихъ наиболѣе замѣчательное и вставилъ въ свою исторію дословно. Поэтому естественно, что трудъ Евсевія всегда ложился въ основаніе всякой церковной исторіи, да и теперь еще какъ историческій матеріалъ не потерялъ своего значенія.

Кромѣ „Церковной исторіи" отъ Евсевія сохранилось еще нѣсколько сочиненій, которыя также имѣютъ значеніе при изученіи исторіи христіанской церкви. Въ дополненіе къ VIII-ой книгѣ своей исторіи, излагающей эпоху гоненій Діоклетіана, Евсевій составилъ еще 13 сказаній о палестинскихъ мученикахъ, пострадавшихъ во время этого жестокаго гоненія на христіанъ. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ эти сказанія соединены съ „Исторіей", въ нѣкоторыхъ помѣщены отдѣльно; но вообще, какъ бы тамъ ни было, объ нихъ смѣло можно сказать, что эти сказанія представляютъ прекрасный матеріалъ для исторіи послѣдняго гоненія, тѣмъ болѣе, что Евсевій самъ былъ свидѣтелемъ, очевидцемъ и участникомъ въ событіяхъ, которыя здѣсь описаны.

Кромѣ того, у Евсевія есть еще значительный трудъ историческаго характера; это — 4 написанныя имъ книги о жизни Константина Великаго. Трудъ этотъ конченъ въ 338 г., т. е. тотчасъ по смерти императора, написанъ, очевидно, подъ вліяніемъ еще свѣжей утраты, которая постигла тогда имперію. Нельзя сказать, чтобы только-что названное наше сочиненіе отличалось какими нибудь высокими научными совершенствами. Вопервыхъ Евсевій, какъ и самъ онъ говоритъ, далеко не имѣлъ намѣренія описывать всѣ дѣянія Константина Великаго, а только хотѣлъ указать на его дѣятельность по отношенію къ христіанской религіи; но это для исторіи церкви и есть самое главное. Затѣмъ отношеніе Евсевія къ Константину Великому было такимъ, что едва ли первый

мочь говорить о второмъ вполнѣ спокойно и безпристрастно. Евсевій всегда находился подъ обаяніемъ, производимымъ недюжинною личностью Константина, оказавшаго столько добра христіанамъ. Евсевій, какъ мы уже сказали, былъ близокъ къ Константину, былъ его любимцемъ, другомъ; отсюда понятно, почему изложеніе исторіи Константина у Евсевія походитъ не на спокойный историческій разсказъ, а скорѣе на панегирикъ. Затѣмъ въ этой исторіи есть еще нѣкоторый недостатокъ. Между церковными соборами, состоявшимися при Константинѣ В., были такіе, о которыхъ Евсевію говорить представлялось нѣсколько щекотливымъ. Извѣстно, что въ послѣдніе годы царствованія Константина В. въ Византіи распространилось аріанство, и Евсевій въ своихъ къ нему отношеніяхъ нѣсколько запутался, вступилъ во вражду съ Аѳанасіемъ Великимъ и поддался обольщеніямъ аріанъ и, хотя не раздѣлялъ всей разности аріанскихъ воззрѣній, но боролся за аріанъ противъ православія. Придворныя интриги, сопровождавшія эту борьбу двухъ партій, православной и аріанской, различныя средства, которыя пускались обѣими партіями въ ходъ при этой борьбѣ, далеко не такъ невинны, чтобы Евсевій, самъ въ нѣкоторой степени замѣшанный въ духъ соперничества аріанъ съ православными, могъ безъ стѣсненія излагать событія такъ, какови они были по истинѣ. Поэтому эта часть труда Евсевія неудовлетворительна и запутанна; многіе факты какъ бы затушеваны. Какъ бы то однако ни было, все же это сочиненіе довольно важно, такъ какъ относится къ личности и событіямъ, имѣющимъ громадное значеніе въ исторіи христіанской церкви.

Въ дополненіе къ „Исторіи Константина В." обыкновенно присоединяется въ изданіяхъ одна рѣчь Евсевія, говоренная имъ Константину при празднованіи его 30-тилѣтняго юбилея, и рѣчь самого императора „О воплощеніи Христа", сказанная Константиномъ при торжественномъ освященіи церкви въ Тирѣ. Здѣсь во главѣ епископовъ стоялъ Евсевій, который и сохранилъ эту рѣчь, представляющую намъ важность въ томъ смыслѣ, что показываетъ, какъ первый христіанинъ – императоръ относился къ самому внутреннему смыслу христіанскаго ученія, къ его основнымъ догматамъ и вѣрованіямъ.

Все упомянутыя сочиненія Евсевія были переведены сначала на латинскій языкъ, потомъ позднѣе на новые языки. Есть и русскій переводъ въ 2 частяхъ, изданной при С.-Петербургской Духовной Академіи.

Кромѣ этихъ сочиненій, прямо относящихся къ церковной исторіи, у Евсевія были еще и другія творенія, значеніе которыхъ для насъ болѣе внѣшнее.

Это, во-первыхъ, его такъ называемая хроника. Написавши исторію церкви, Евсевій хотѣлъ составить и гражданскую исторію и съ этою цѣлью онъ предпринялъ составленіе хроники, въ которой усвоилъ изложить событія общей исторіи отъ сотворенія міра и до 313 года, т. е. до времени изданія Константиномъ и Лициніемъ эдикта о терпимости христіанъ въ римской имперіи и до времени паденія господства язычества. Сочиненіе это въ свое время имѣло важное значеніе въ христіанскомъ мірѣ, представляя матеріалъ для исторіи, но названіе хроники ему принято гораздо болѣе, чѣмъ какому нибудь сочиненію, ему предшествовавшему. Въ своемъ трудѣ Евсевій сводитъ лѣтосчисленія разныхъ народовъ: евреевъ, египтянъ, сиріянъ и другихъ народовъ древняго міра, чтобы, насколько возможно, показать современность различныхъ событій на одно лѣтосчисленіе, и затѣмъ перечисляетъ въ хронологическомъ порядкѣ событія и имена дѣятелей, какія попадаются у грековъ, сиріянъ, египтянъ и тому подобныхъ народовъ древности; онъ перечисляетъ царей, законодателей и законодательства, полководцевъ и войны и другія выдающіяся внѣшнія событія. Правда, изложеніе этихъ событій у Евсевія, конечно, коротко, отрывочно, сухо, но при всемъ томъ сочиненіе это всетаки очень важно, такъ какъ оно представляетъ первую попытку составить что-нибудь въ родѣ всеобщей исторіи, свести событія изъ исторіи отдѣльныхъ народовъ въ одну общую картину міроваго развитія. Древній міръ не имѣлъ всеобщей исторіи: греки имѣли свою исторію, римляне — свою, потому что древніе народы имѣли замкнутую, обособленную исторію. Идея общечеловѣчности явилась имѣ

подъ вліяніемъ христіанства, благодаря лишь развитію христіанскаго міровоззрѣнія, по которому всѣ люди равны, всѣ — братья, поэтому естественно, что мысль составить всеобщую исторію впервые пришла въ голову именно христіанскому мыслителю. Хроника Евсевія имѣла громадное значеніе и въ позднѣйшія времена для средневѣковыхъ писателей, чуть ли не вплоть до XII-го вѣка. Эта Хроника съ дополненіями уже позднѣйшаго характера служила для средневѣковыхъ писателей главнымъ и почти единственнымъ источникомъ историческаго образованія. Въ новѣйшіе вѣка такое значеніе она потеряла, но все же важна, какъ историческій памятникъ, такъ какъ въ ней не мало сводныхъ и отрывковъ изъ недошедшихъ до насъ древнихъ писателей греческихъ, египетскихъ, сирійскихъ и т.п.

Что касается греческаго подлинника хроники, то онъ утерянъ, и до насъ дошли изъ него только отрывки, такъ что всю хронику мы имѣемъ лишь въ латинскомъ переводѣ бл. Іеронима съ разными дополненіями и продолженіемъ, что уже было позднѣйшихъ западныхъ писателей.

Кромѣ того, Евсевій сдѣлалъ попытку составить вспомогательное пособіе къ Священной исторіи, написавъ нѣчто въ родѣ топографіи Палестины, въ которой описываетъ мѣстность Святой Земли, ея города, села, рѣки, горы, которыя упоминаются въ Св. Писаніи. Греческій подлинникъ этого сочиненія до насъ не дошелъ тоже, а есть также латинскій переводъ все того же Іеронима, носящій названіе „Горіса".

Кромѣ историческихъ сочиненій и пособій къ исторіи, у Евсевія было много сочиненій и другаго характера: онъ былъ вообще писатель плодовитый, но эти сочиненія, гдѣ главную роль играетъ уже не исторія, отличаются экзегетическимъ и полемическимъ характеромъ: Особенно важны его „Praeparationes Evangelicae"; это сочиненіе выясняетъ, какъ подготовлялось все къ появленію христіанства, а вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, насколько всѣ древнія ученія до-христіанскія уклонялись отъ истины и блуждали среди мрака язычества. Это своего рода апологія христіанства противъ язычества,

апологія, стремящаяся доказать превосходство перваго надъ послѣдними. Важно главнымъ образомъ оно потому, что сообщаетъ много свѣдѣній и даетъ много отрывковъ изъ недошедшихъ до насъ древнихъ сочиненій, знакомитъ съ древней философіей и языческой миѳологіей.

Изъ всего предыдущаго можно уже сдѣлать заключеніе, что въ историческомъ отношеніи сочиненія Евсевія занимаютъ чрезвычайно важное мѣсто въ средѣ другихъ источниковъ этого рода. Сочиненія эти въ свое время имѣли громадное вліяніе и на современниковъ, и уже въ 20-хъ или 30-хъ годахъ V-го столѣтія въ греческой литературѣ явились продолжатели дѣятельности Евсевія. Явились новые историки, усвоившіе и писавшіе почти одновременно, именно: Сократъ Схоластикъ, Эрмій Созоменъ, Филостогій и Ѳеодоритъ Кирскій и другіе.

Всѣ эти историки поставили своею цѣлью продолжать трудъ Евсевія и дѣйствительно начинали свое повѣствованіе съ того пункта, на которомъ остановился Евсевій, именно со времени Никейскаго собора и до своего времени, т. е. до 20-хъ или 30-хъ годовъ V-го столѣтія. Сочиненія эти сохранились до нашего времени въ цѣльномъ видѣ и представляютъ очень важный источникъ для исторіи христіанской церкви IV-го вѣка, особенно для исторіи борьбы православія съ аріанствомъ.

Важнѣйшимъ является сочиненіе Сократа. Это — довольно сухое, не особенно связное изложеніе событій христіанской церковной исторіи IV-го вѣка, касающееся, какъ мы указали выше, преимущественно борьбы православія съ аріанствомъ; но при всей своей сухости трудъ Сократа имѣетъ много и почтенныхъ качествъ: спокойствіе, сдержанность, основательность въ сужденіяхъ, постоянное стараніе держаться документальныхъ источниковъ, которые нерѣдко онъ вводитъ въ свою исторію. Далѣе, при изложеніи бурныхъ споровъ между православными и сектантами Сократъ старается относиться къ дѣлу спокойно; будучи сторонникомъ православія, онъ тѣмъ не менѣе не бросаетъ грязью и въ представителей аріанства,

напротивъ, относится съ нѣкоторымъ даже сочувствіемъ къ одной изъ тогдашнихъ сектъ, именно новаціанству, и вообще старается въ своемъ сочиненіи провести ту христіанскую точку зрѣнія, что въ христіанствѣ главное не частности, не обряды, но общая основа, духъ христіанскаго ученія и главное — доброе, братское отношеніе между христіанами. Затѣмъ, этотъ историкъ къ фактамъ, болѣе или менѣе возбуждающимъ сомнѣніе, относится съ большой осторожностью, избѣгаетъ по возможности различныхъ легендъ и сказаній, изъ которыхъ приходится что нибудь заимствовать, то излагаетъ съ оговорками. Сравнительно съ Евсевіемъ Сократъ однако историкъ, такъ сказать, тяжелый, ибо Сократъ главнымъ образомъ излагаетъ событія внѣшнія, мало входя во внутреннюю жизнь описываемой имъ эпохи: такъ, напр., онъ даже не касается христіанской литературы. Мы уже замѣтили, что эта сторона слаба и у Евсевія, — у Сократа ея нѣтъ совсѣмъ.

Что касается до сочиненія современника Сократа Созомена, то его значеніе гораздо менѣе. Созоменъ просто передѣлалъ трудъ Сократа, разбавивши его риторикой, напыщенностью, вымученнымъ, искусственнымъ слогомъ, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Сократъ приводитъ безхитростно отрывки изъ своихъ источниковъ — документовъ, Созоменъ отрывки эти опускаетъ и старается въ красивомъ видѣ передать все такъ, какъ будто этихъ отрывковъ и не бывало. Но есть одна сторона, гдѣ Созоменъ, такъ сказать, дополняетъ Сократа. Дѣло въ томъ, что Сократъ въ своемъ повѣствованіи описываетъ преимущественно событія, имѣвшія мѣсто въ главной церкви, Константинопольской, а Созоменъ касается и другихъ восточныхъ церквей: Палестинской, Александрійской и пр., а также и западной, Римской; разсказываетъ о событіяхъ, происходившихъ среди христіанскихъ обществъ внѣ предѣловъ Римской имперіи, именно въ Персіи. Исторія Созомена дополняетъ исторію Сократа еще въ томъ отношеніи, что сочувственно описываетъ распространеніе монашества и аскетизма въ хри-

стіанской церкви, аскетизма, который имѣлъ большое значеніе среди тогдашняго христіанскаго общества и подъ вліяніемъ котораго воспитывался самъ Созоменъ.

Третье сочиненіе, еще меньшее по объему, чѣмъ труды Сократа и Созомена, но тѣмъ не менѣе полезное, такъ какъ дополняетъ собою сочиненія выше названныхъ историковъ церкви, — это Исторія церкви Ѳеодорита, имѣвшая цѣлью описать событія и документы, на которые не обратилъ вниманія Сократъ. Затѣмъ, исторія Ѳеодорита замѣчательна тѣмъ, что у него гораздо болѣе, чѣмъ у только-что названныхъ авторовъ, связи, стройности, осмысленности. Оно и понятно, почему: Ѳеодоритъ былъ образованнѣйшимъ христіаниномъ своего времени, притомъ человѣкомъ высоко развитымъ и даровитымъ, обладавшимъ прекраснымъ и благороднымъ характеромъ. Его церковная исторія занимаетъ не особенно значительное мѣсто между многими его сочиненіями, важными для христіанства по своему богословскому интересу и направленными преимущественно противъ различныхъ еретическихъ ученій.

Такимъ образомъ, въ 20-хъ и 30-хъ годахъ V-го столѣтія явились три новые историка: Сократъ, Созоменъ, Ѳеодоритъ. Это православные историки, но въ то же время былъ историкъ ріанскій, по имени Филостогій, который въ противуположность православнымъ историкамъ задался цѣлью изобразить ту же эпоху съ ріанской точки зрѣнія, и это сочиненіе могло быть очень важнымъ для исторіи церкви, потому что многіе факты и событія представлялось бы намъ въ свѣтѣ, чѣмъ находимъ это у Сократа, Созомена и Ѳеодорита, но, къ сожалѣнію, оно до насъ не дошло, хотя мы и находимъ много у него отрывковъ, именно у Фотія, константинопольскаго патріарха и писателя IX-го вѣка, и у нѣкоторыхъ другихъ; отрывки эти представляютъ характерныя и замѣчательныя свѣдѣнія о дѣятельности ріанской партіи.

Отъ первой половины VI-го вѣка, отъ эпохи Юстиніана, дошелъ до насъ лишь отрывокъ изъ церковной исторіи, написанной Ѳеодоромъ, чтецомъ константинопольскимъ. Этотъ

Феодоръ продолжалъ трудъ своихъ предшественниковъ, начавши отъ Ефесскаго собора до эпохи Юстиніана, приблизительно, слѣдовательно, до 30-хъ годовъ VI-го столѣтія, но сочиненіе его въ цѣломъ видѣ, какъ мы сказали, не дошло до насъ.

Затѣмъ, отъ времени Юстиніана сохранилась исторія церкви, принадлежащая поборнику и сторонику монофизитской ереси Іоанну, епископу Ефесскому, бывшему въ очень близкихъ отношеніяхъ къ Юстиніану въ послѣдніе годы его царствованія, когда императоръ этотъ подпалъ подъ вліяніе представителей монофизитства. Епископъ Іоаннъ былъ отъ императора порученіе обращать на востокѣ язычниковъ въ христіанство, т.е. въ монофизитскую ересь; объ этихъ-то своихъ подвигахъ на поприщѣ миссіонерства, и повѣствуетъ Іоаннъ въ самомъ началѣ своего труда, подвигахъ нерѣдко жестокихъ, въ духѣ нехристіанскомъ и недостойномъ представителя Христовой церкви, какимъ долженъ былъ быть епископъ ефесскій.

Отъ конца VI вѣка и начала VII столѣтія мы имѣемъ еще одну церковную исторію, которая является продолженіемъ предшествующихъ, именно Эвагрія, софиста антіохійскаго. Она излагаетъ событія съ императорства Константина В. по преданнымъ источникамъ, датымъ повѣствованіе ея со времени около V-го столѣтія становится самостоятельнымъ и доводится до конца VI-го вѣка. Это время борьбы православія съ сектою Несторія и монофизитами и описано главнымъ образомъ у Эвагрія. Но по достоинствамъ своимъ исторія Эвагрія ниже всѣхъ предыдущихъ, ибо еще менѣе входитъ во внутреннія стороны жизни христіанскаго общества, а описываетъ лишь одни внѣшнія событія, мало отличія событія церковныя отъ придворныхъ интригъ и политики.

Эта церковная исторія Эвагрія Антіохійскаго является послѣдней изъ спеціальныхъ церковныхъ исторій въ греческой литературѣ въ древне-христіанскую эпоху съ IV до VII вѣка.*)

*). Упомянутые греческіе историческіе памятники существуютъ и въ русскомъ переводѣ, изданномъ при Петерб. Духовной Академіи.

в.) Византійская средневѣковая церковная историографія.

После Евагрія специальная церковная исторія уже не встрѣчается. Есть только общія хроники, въ которыхъ главнымъ образомъ описываются событія общей жизни государственной, но иногда въ нихъ входитъ много и событій церковной жизни. Характеръ этихъ позднѣйшихъ, такъ называемыхъ, византійскихъ хроникъ болѣе или менѣе извѣстенъ. Онѣ преимущественно касаются событій внѣшней жизни: описываютъ придворныя интриги и войны, а изъ церковной жизни — отношенія іерархіи ко двору, внѣшнюю сторону споровъ. Онѣ отличаются отсутствіемъ критическаго отношенія къ своему предмету: стремясь описать какъ можно больше событій, онѣ не разбираютъ, какія изъ этихъ событій болѣе вѣроятны, какія менѣе; иногда описаніе чудесъ носитъ у нихъ странный, фантастическій характеръ. Со внѣшней стороны эти средневѣковыя хроники, за исключеніемъ немногихъ, отличаются напыщенностью, витіеватостью, а такъе — сухостью и безжизненностью.

Во главѣ этихъ византійскихъ хроникъ стоятъ 2 большія хроники патріарха константинопольскаго Никифора и монаха Ѳеофана. Онѣ важны для исторіи греческой церкви VII–VIII вв., особенно подробно и усердно описываютъ иконоборческое движеніе и монофелитство. Хроника Ѳеофана сдѣлалась какъ бы оффиціальной хроникой Византійской имперіи и имѣла цѣлый рядъ продолжателей.

Со второй половины IX-го вѣка появляются новыя византійскія хроники: Симеона Магистра, Генесія, Георгія Амартолы, Льва Грамматика, Константина Порфирородного, Льва Дьякона, Константина Манасіи; нѣкоторыя изъ нихъ важны и для начальной русской исторіи. Отъ XI-го вѣка дошли двѣ самыя большія византійскія хроники: Кедрина и Зонары. Впрочемъ, онѣ

представляютъ большею частью извлеченія изъ предшествовавшихъ хроникъ.

Хроники XII-го вѣка, эпохи Комненовъ, отличаются тѣмъ, что писались самыми высокопоставленными лицами. Это — хроники Анны Комненъ, ея мужа Никифора Вріенній, византійскаго полководца Іоанна Киннама и Никиты Хоніата. Послѣдняя хроника, описывающая паденіе Византіи при династіи Ангеловъ и завладѣніе Византіею крестоносцами, едва ли не самая лучшая. Она отличается благородствомъ взглядовъ и живымъ изложеніемъ.

Далѣе, по завладѣніи Константинополя крестоносцами, греческая имперія и патріаршій престолъ переносятся въ Никею. Эта, такъ называемая, никейская эпоха описана Георгіемъ Акрополитой, вліятельнымъ сановникомъ. По возвращеніи Палеологовъ, царствованіе перваго изъ нихъ описано Георгіемъ Пахимеромъ и Никифоромъ Григоросомъ.

Отъ XIV-го вѣка — хроника императора Іоанна Кантакузена, описывающая первое вторженіе турокъ въ юговосточную Европу. Послѣднія хроники — Іоанна Дуки, Георгія Лаонкондила и Георгія Францы.

По этимъ хроникамъ можно прослѣдить исторію греческой церкви до паденія Константинополя. Впрочемъ, подъ конецъ XIV-го вѣка, опять встрѣчается спеціальная церковная исторія, въ 23 книгахъ, Никифора Каллиста. Но большая часть ея затеряна; сохраненная же часть содержитъ описаніе I—IV вв., т.е. то, что намъ менѣе нужно; впрочемъ, она сообщаетъ нѣкоторыя новыя подробности.

Сохранилась еще на арабскомъ языкѣ одна церковная исторія X-го вѣка, принадлежащая александрійскому патріарху Евтихію. Это — краткая, сухая и весьма поверхностная исторія, но сравнительно съ другими она подробнѣе

описываетъ состояніе восточныхъ патріаршествъ, подпавшихъ власти Арабовъ.

Кромѣ этихъ трудовъ, для ознакомленія съ греческой христіанской исторіей среднихъ вѣковъ, можно указать также на много дополнительныхъ источниковъ. Рядъ ихъ представляетъ вся средневѣковая церковная литература, очень обширная. Она, главнымъ образомъ, находится въ уже упомянутомъ собраніи Migne'a.

Въ ряду памятниковъ византійской литературы видное мѣсто занимаютъ памятники догматико-полемическіе. Первые вѣка исторіи Византіи прошли въ спорахъ православія съ ересями; поэтому написана была масса богословскихъ сочиненій по поводу ересей, возникавшихъ въ византійской имперіи съ V-го до IX-го вѣка. Затѣмъ, въ IX-мъ вѣкѣ начинается рядъ полемическихъ отношеній къ западной церкви.

Споры съ ересями прежде всего встрѣчаются въ произведеніяхъ знаменитыхъ учителей греческой церкви IV-V вв.: Аѳанасія Великаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго, Кирилла Іерусалимскаго (IV в.), Кирилла Александрійскаго и Ѳеодорита Кирскаго (V в.). Главнымъ образомъ, они даютъ матеріалъ для исторіи борьбы съ аріанствомъ и несторіанствомъ, а также для исторіи развитія самаго христіанскаго богословія.

Въ слѣдующіе вѣка, когда византійская литература уже становится бѣдные и слабые, все-таки появляются новыя полемическія сочиненія: въ VII в. — Максима Исповѣдника, Софронія Іерусалимскаго, Анастасія Синаита; въ VIII в. — Іоанна Дамаскина, Ѳеодора Студита, патріарховъ: Германа, Тарасія и Никифора; въ IX в. — патріарха Фотія.

Съ IX в. идетъ рядъ писаній противъ церкви латинской. Къ XI-XII вв. относятся труды Никиты Пектората, Евѳиміи Зигабена; къ XIV в. — Григорія Паламы и Николая Кавасилы; къ XV в. — Марка Ефесскаго, ско-

лария Геннадія, Сильвестра Сарапульск. Но въ греческой литературѣ существуетъ также такое богословское направленіе, которое хотѣло не только смягчить, но и оправдать латинскія нововведенія. Это — особенно писанія греческихъ богослововъ XIV в. послѣ такъ называемой Ліонской уніи: Іоанна Векка, Іоанна Каллиста, Георгія Метохита и др.

Встрѣчаются сочиненія и противъ другихъ заблужденій — Ѳеодора Абукары, восточнаго писателя противъ магометанъ. Нѣкоторыя сочиненія направлены противъ ереси богомильской и павликіанской: патріарха Фотія, Петра Сицилійскаго (IX в.), пресвитера болгарскаго Козьмы (X в.), византійскаго писателя Евѳимія Зигабена (XI-XII вв.), противъ армянъ — Никона Черногорца.

Весьма важное значеніе также имѣютъ дошедшіе до насъ Акты Соборовъ. Всѣхъ вселенскихъ соборовъ (IV-VIII вв.) было 7 и нѣсколько помѣстныхъ. Отъ соборовъ IV вѣка-Никейскаго и Константинопольскаго, подробныхъ описаній не дошло. Правда, въ послѣднее время не разъ были обнародываемы акты Никейскаго собора, то на коптскомъ, то на сирскомъ языкѣ, но они оказались подложными. Подлинные акты идутъ лишь съ III^го вселенскаго собора. Это — точныя записи соборнаго порядка и рѣчей, произносимыхъ на соборѣ. Эти акты дошли частью въ греческомъ подлинникѣ, частью въ латинскомъ переводѣ. Русскій переводъ ихъ изданъ при Казанской Духовной Академіи.

Сохранились также акты помѣстныхъ соборовъ. На Западѣ существуютъ громадныя изданія Acta conciliorum. Особенно замѣчательныя изданія Гардуина (XVIII в.) и Манси (XIX в.)

Всѣ эти акты соборные даютъ весьма важный матеріалъ не только для исторіи церковнаго управленія, но и вообще для исторіи церкви. Они живо представляютъ характеристику тѣхъ эпохъ: нравы, оффиціальные порядки, характеръ духовныхъ лицъ.

Вмѣстѣ, на соборахъ, кромѣ подробныхъ протоколовъ

совѣщаній соборныхъ, составлялись и краткія постановленія. Это, такъ называемыя, Правила Соборовъ. Они важны не только для каноническаго права, но и для церковной исторіи, ибо они знакомятъ насъ съ характеромъ церковнаго управленія. Эти правила вмѣстѣ съ апостольскими составляютъ Кормчія книги, Номоканоны. Къ нимъ присоединяются также постановленія греческихъ императоровъ, начиная съ Константина Великаго, относительно церкви. Еще съ VI-го вѣка явился обычай составлять такія собранія. Первое принадлежитъ Іоанну Схоластику. Постановленія императоровъ собирались Ѳеодосіемъ Младшимъ, Юстиніаномъ Младшимъ, Василіемъ Македоняниномъ и Львомъ Мудрымъ.

Затѣмъ слѣдуютъ комментаріи этихъ правилъ церковныхъ: Аристина, Вонары, Вальсамона, — византійскихъ писателей XII-го вѣка. Толкованія эти особенно цѣнны для каноническаго права. Московское Общество Любителей Духовнаго Просвѣщенія издало собранія ихъ правилъ на греческомъ, славянскомъ и русскомъ языкахъ. Такимъ образомъ, юридическая сторона греческой церковной старины имѣетъ довольно матеріала для своего разъясненія въ упомянутыхъ нами сочиненіяхъ и собраніяхъ.

Гораздо менѣе матеріала можно найти въ греческой богословской литературѣ для изученія нравственнаго состоянія византійскаго общества въ средніе вѣка. Но и по этой части нѣкоторые матеріалы можно найти въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ и письмахъ церковныхъ учителей. Правда, большая часть проповѣдей отличается сухостью, мало знакомитъ съ чертами современной общественной старины, но всетаки были проповѣдники, которые ярко воспроизводятъ картину современныхъ нравовъ. Особенно важны, въ этомъ отношеніи, проповѣди и письма нѣкоторыхъ учителей IV-го вѣка: Василія Великаго, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго и, всего болѣе, Іоанна Златоуста. Изъ V-го вѣка выдаются особенно письма Ѳеодорита Кирскаго и одного

аскета, зорко наблюдавшаго и за современной жизнью, — Исидора Пелузіота. Изъ позднѣйшей эпохи — письма Ѳеодора Студита (въ иконоборческую эпоху), патріарха Фотія (IX в.). Изъ XII вѣка — обличительныя проповѣди Евстафія Ѳессалоникскаго, весьма ученаго, одного изъ лучшихъ комментаторовъ Гомера въ средніе вѣка.

Для исторіи монашества съ IV вѣка до среднихъ вѣковъ существуетъ довольно матеріала. Съ началомъ его исторіи знакомятъ отдѣльныя жизнеописанія нѣкоторыхъ отшельниковъ: Антонія Великаго, Пахомія. Затѣмъ идутъ сборники разсказовъ о замѣчательныхъ подвижникахъ: сборникъ елеопольскаго епископа Палладія (VI в.) — „Лавсаикъ", сказанія о подвижникахъ VI вѣка — „Лимонарь", т. е. „Лугъ духовный" Іоанна Мосха; разные патерики: синайскій, египетскій и т. д.

Для изученія самыхъ воззрѣній аскетическихъ даютъ матеріалъ произведенія аскетовъ: Антонія Великаго, Пахомія, Макарія Египетскаго, Нила Синайскаго, Исаака Сирина, Іоанна Лѣствичника и другихъ.

Для монашеской средневѣковой жизни важны монастырскія записи, грамоты на имя монастырей византійскихъ императоровъ (хрисобулы).

Въ дополненіе къ каноническимъ актамъ упомянемъ также о позднѣйшихъ законодательныхъ актахъ. Это — окружныя посланія константинопольскихъ патріарховъ и императорскія грамоты. Большая часть ихъ пропала, часть сохраняется въ монастыряхъ и представляетъ почти еще непочатый матеріалъ. Впрочемъ, время отъ времени они извлекаются изъ монастырскихъ архивовъ и издаются новогреческими учеными. Изъ западныхъ ученыхъ Тейнеръ и Миклошичъ издали рядъ такихъ актовъ, но съ нѣкоторыми особенными тенденціями.

Теперь укажемъ на источники для исторіи развитія греческихъ церковныхъ обрядовъ.

Обрядъ устанавливается не столько письменно, сколько

на практикѣ, путемъ преданія. Поэтому въ письменныхъ памятникахъ мы мало найдемъ на него указаній. Такія указанія, впрочемъ, встрѣчаются въ писаніяхъ Кирилла Іерусалимскаго (IV в.) его „тайноводныя поученія", гдѣ встрѣчаются первыя извѣстія о совершеніи таинствъ.), въ разныхъ уставахъ греческихъ монастырей: палестинскомъ, аѳонскомъ, студитскомъ. Разныя толкованія по этому предмету встрѣчаются въ сочиненіяхъ Максима Исповѣдника (VII в.), Софронія Іерусалимскаго. Обрядность развилась въ греческой церкви особенно въ VIII – IX вв., въ эпоху иконоборства, въ силу реакціи. Къ этому-то времени относится большая часть церковныхъ гимновъ, молитвъ, выработка церковнаго устава. Къ этому направленію примыкаютъ сочиненія Іоанна Дамаскина, Ѳеодора Студита, патріарха Германа. Еще важное для обрядности имѣетъ значеніе сочиненіе митрополита Симеона Солунскаго (XIV в.) — „Толкованіе установившихся обрядовъ."

Затѣмъ укажемъ на сочиненія, важныя для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отраслей церковной жизни въ средніе вѣка.

Древнѣйшее сочиненіе по географіи и топографіи Палестины — Козьмы Индикоплова (V в.) имѣло большое вліяніе и на средневѣковую литературу. Къ X вѣку относится важное для церковной статистики сочиненіе греческаго архимандрита, жившаго въ Сициліи, Ѳомы Доксопатра, подъ заглавіемъ „Учрежденіе восточныхъ патріархійскихъ престоловъ"; оно представляетъ перечень восточныхъ епископствъ. — Значительный интересъ, въ церковномъ отношеніи, представляютъ такіе писанія извѣстнаго греческаго императора Константина Порфирородная, писателя очень плодовитаго и многосторонняго. Его сочиненія: „De imperio administrando", знакомитъ насъ со взглядами того времени на церковное и государственное управленіе. Другое его сочиненіе: „De ceritoniis aulae byzantinae", описываетъ церемоніи византійскаго двора, а также и нѣкоторыя церковныя, напр., въ Вербное Воскресеніе, Пасху и т. д.

Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о нѣкоторыхъ особыхъ произведеніяхъ средневѣковой греческой литературы, весьма важныхъ и для церковной исторіи.

Это, во-первыхъ, „Библіотека", или „Мріобиблонъ" (Тысячекнижіе) патріарха константинопольскаго Фотія (IX в.). Онъ былъ ученѣйшій человѣкъ своего вѣка: и философъ, и богословъ, и математикъ, писатель даже сочиненій по медицинѣ. Онъ устроилъ въ своемъ домѣ ученый кружокъ, гдѣ читались отчеты о прочитанныхъ рукописяхъ. Такимъ образомъ и составилось это огромное произведеніе*). Оно представляетъ библіографическое собраніе, разбирающее до 280 кодексовъ, а число всѣхъ описываемыхъ сочиненій доходитъ до 1000. Сочиненія эти по всѣмъ отраслямъ знанія; встрѣчаются и самыя рѣдкія сочиненія древнихъ языческихъ писателей. Но отчеты составлены неравномѣрно; иногда о незначительныхъ писателяхъ слишкомъ подробные отчеты, и наоборотъ. Но этимъ-то именно и важно для насъ это собраніе, такъ какъ иногда оно даетъ подробные отчеты о тѣхъ писателяхъ, которые не дошли до насъ въ цѣломъ видѣ или вовсе остались неизвѣстны. До 80 авторовъ подобнаго рода встрѣчается въ этой библіотекѣ. Часто только по указаніямъ Фотія находили неизвѣстнаго автора какого-нибудь сочиненія. Такъ Философумена приписываются Ипполиту, именно только по указанію Фотія.

Далѣе, для исторіи церкви имѣетъ также большое значеніе „Сборникъ успѣзнеописаній святыхъ", составленный въ половинѣ IX вѣка, подъ руководствомъ византійскаго сановника Симеона Метафраста, бывшаго великимъ логоѳетомъ. Собравъ изъ различныхъ мѣстъ болѣе 500 рукописей, представлявшихъ успѣзнеописанія разныхъ святыхъ, онъ, къ сожалѣнію, не довольствуясь этимъ, собралъ ученую коммиссію для передѣлки ихъ. Она начала ихъ измѣнять, украшать, подводить подъ общій шаблонъ. Большая часть мучениковъ неизвѣстнаго времени отнесена къ гоненію

*) Въ собраніи Migne'a оно занимаетъ 2 т.

Декія и Діоклетіана. Въ уста мучениковъ вкладывались напыщенныя, витіеватыя рѣчи. Словомъ, первоначальныя усѣченія переиорчены въ значительной степени. Много, впрочемъ, и цѣнныхъ фактовъ; надо только умѣть отдѣлить первоначальную редакцію отъ позднѣйшей. У Міпе'а это собраніе занимаетъ 3 громадныхъ тома. Оно имѣло большое вліяніе на составленіе позднѣйшихъ усѣченій святыхъ. Имъ, между прочимъ, пользовался и Димитрій Ростовскій для своихъ усѣченій.

Наконецъ, «Догматическое вѣроученіе» (Παγοπλία δογματική) Евѳимія Зигабена, византійскаго монаха XII в. Оно касается исторіи ересей. Тогда сильно распространялась богомильская ересь, отрасль павликіанской. Изученіе ея очень важно въ церковной исторіи, ибо она представляетъ остатокъ древнѣйшихъ христіанскихъ ересей, которыя зародились изъ смѣшенія христіанскихъ воззрѣній съ языческими идеями. Эта ересь явилась сначала въ Малой Азіи, подъ именемъ павликіанизма; затѣмъ, въ X вѣкѣ, распространилась въ Сербіи и Болгаріи, подъ именемъ богомильства, и распространилась далѣе на Западъ, подъ именемъ катарской ереси. Катары, въ свою очередь, стали родоначальниками всѣхъ средневѣковыхъ сектъ: вальденсовъ, ломбардовъ и т. д. Въ началѣ XII вѣка, одинъ изъ учителей богомильства, нѣкто Василій, сталъ распространять въ Византіи это ученіе. Притворившись, что интересуется этимъ ученіемъ, императоръ Алексѣй Комненъ выпытывалъ отъ него всѣ подробности; между тѣмъ, въ другой комнатѣ всѣ слова Василія записывались. Затѣмъ императоръ приказалъ сжечь этого богомила и поручилъ Зигабену составить опроверженіе этой ереси. Въ первыхъ частяхъ своего труда Зигабенъ перечисляетъ древнія ереси; затѣмъ онъ очень подробно останавливается на павликіанизмѣ и богомильствѣ и даетъ весьма важныя о нихъ показанія.

Вотъ наиболѣе важные памятники греческой церковной литературы отъ IV до XV вѣка.

Древняя и средневѣковая западная церковная исторіографія.

Латинская церковная письменность, древняя и средневѣковая, представляется бѣдные греческой, по своему содержанію и по значенію для исторіи. Въ ней менѣе критики, менѣе оригинальности, чѣмъ въ восточной; иногда она представляетъ только подражаніе этой послѣдней. Правда, въ средніе вѣка она болѣе самостоятельна, но эта самостоятельность слу-житъ ей не въ пользу. Самое начало западной церковной ли-тературы относится къ болѣе позднему времени, нежели на-чало греческой церковной литературы.

Въ первые два вѣка латинской церковной письменности совсѣмъ не было. Писатели на западѣ, Климентъ, Ермa, Ип-политъ и вѣроятно Ириней, писали на греческомъ языкѣ.

Первыми латинскими писателями являются уже упо-минаемые писатели начала III-го вѣка Минуцій Феликсъ и Тертулліанъ. Но до конца IV и почти до начала V вѣка латинская письменность представляется очень бѣд-ной, незначительной; а по исторіи дальше до XVI вѣка нѣтъ въ ней ничего значительнаго и самостоятельнаго. Въ III-мъ вѣкѣ нѣтъ ни одного историческаго сочиненія. Въ IV-мъ яв-ляются лишь переводы и передѣлки. Пресв. Руфинъ Аквилейскій перевелъ церковную исторію Евсевія съ нѣ-которыми дополненіями и довелъ ее почти до 2-го вселенскаго собора. Нѣкоторыя изъ этихъ прибавокъ имѣютъ цѣнность. Но уже въ этомъ сочиненіи вкрались нѣкоторыя тенденціи, неточности, въ которыхъ выразился духъ западной церкви. Уже у Руфина встрѣчается та легенда, что символъ, которой употребляетъ римская церковь, есть собственно апостольскій, формулированъ апостолами; между тѣмъ, на востокѣ были и другіе символы, называвшіеся апостольскими, конечно, по своей основѣ, а не по изложенію. Такъ же въ первый разъ встрѣчает-

ся у Руфина предание о томъ, что Петръ основалъ римскую церковь и былъ въ ней епископомъ 25 лѣтъ.

Далѣе, въ V-мъ вѣкѣ встрѣчаются такіе компиляторскіе и неособенно значительные труды по церковной исторіи, какъ Кассіодорія, епископа при Остъ-готскомъ дворѣ и писатель, составившій по Сократу, Созомену и Осодориту свою церковную исторію: Historia tripartita. Но въ ней нѣтъ самостоятельнаго.

Въ началѣ V-го вѣка галльскій пресвитеръ Сульпицій Северъ составилъ священную исторію (Historia sacra). Она написана на хорошемъ латинскомъ языкѣ, но краткая, элементарная несамостоятельная исторія.

Нѣкоторое значеніе для исторіи имѣетъ такое сочиненіе римскаго монаха Діонисія Малаго „Cursus paschalis" (Пасхальный кругъ). Это — первая попытка установить христіанское лѣтосчисленіе. Прежде христіане пользовались языческимъ лѣтосчисленіемъ; собственно христіанскаго у нихъ не было. Этотъ монахъ опредѣлилъ, при помощи астрономическихъ соображеній, время празднованія пасхи въ каждомъ году и установилъ то христіанское лѣтосчисленіе, которое и донынѣ принято. Правда, оно не совсѣмъ точно. Теперь ученые отодвигаютъ Р. Хр. года на 4 назадъ. Но это, конечно, ни мало не касается религіи; это чисто-научный вопросъ.

Съ конца V-го вѣка еще менѣе можно отыскать чего-нибудь новаго, важнаго въ латинской церковной исторіографіи. Какъ извѣстно, тогда произошелъ развалъ западной римской имперіи. Стали называться новыя національности, образовываться новыя государства. Идеи папства и христіанской имперіи еще не выработались. Христіанскій міръ находился въ хаосѣ; не было цѣльности, никакого единства. Это сказалось и въ церковной исторіографіи. Далѣе идея объ общей христіанской исторіи исчезаетъ въ сознаніи западныхъ народовъ. Являются только лишь

ныя, національныя хроники. Таковы: — Исторія франкской церкви — Григорія Турскаго, англійской — Беды Досточтеннаго (Venerabilis), исторія первыхъ вѣковъ христіанства въ Германіи — Адама Бременскаго.

Общей церковной исторіи не встрѣчается до IX-го вѣка, когда уже образуется новый центръ — папство. Попытка къ ея возстановленію принадлежитъ Анастасію Библіотекарю, аббату и библіотекарю въ Ватиканѣ, усвоившему въ Римѣ по бывавшему и на востокѣ. Его церковная исторія (Chronographia tripartita) основана главнымъ образомъ на византійскихъ хроникахъ Георгія Синкела, Ософана, Никифора. Слѣдовательно, это трудъ компилятивный. — Большое значеніе имѣетъ другое сочиненіе Анастасія: Liber pontificalis. Это — собраніе фактовъ для исторіи папства. Въ римской церкви былъ обычай уже съ первыхъ вѣковъ вести записи о папахъ и ихъ дѣяніяхъ. Такъ какъ со времени Анастасія папы получаютъ большое значеніе, то и эти записи получаютъ болѣе историческаго значенія.

Епископъ галло-римскій Гайлонъ въ IX вѣкѣ составилъ краткую и сухую общую церковную исторію; далѣе, уже въ XIV и XV вѣкахъ являются исторіи Одерика Виталиса, Бартоломея Лукскаго (Лисса), Антонина Флорентійскаго. Но эти труды не имѣютъ почти никакого значенія, какъ и вообще почти вся церковная исторіографія западной церкви до XVI вѣка. Церковно-историческія свѣдѣнія въ западномъ мірѣ въ то время находились на самой низкой степени. Нѣкоторыя свѣдѣнія для средневѣковой церковной исторіи черпаются главнымъ образомъ изъ средневѣковыхъ хроникъ, которыя даютъ иногда значительный матеріалъ и для церковной исторіи, особенно для эпохи основанія христіанства въ Германіи, для эпохи крестовыхъ походовъ. Изъ этихъ хроникеровъ назовемъ Адама Бременскаго, Оттона Фрейзингенскаго, Ламберта Гернфельдскаго, Вильгельма Турскаго и т. д.

Но въ нихъ незамѣтно исторической критики. На западѣ уровень этой критики былъ еще ниже, чѣмъ на востокѣ. Поэтому самые легендарные разсказы находятъ тамъ себѣ вѣру. Вспомнимъ такой чудовищный подлогъ, какъ Лже-Исидоровы Декреталіи (IX в.). Тамъ папы первыхъ трехъ вѣковъ цитируютъ по Вульгатѣ, появившейся только въ V вѣкѣ. Римскіе императоры, которые извѣстны какъ гонители христіанъ, издаютъ указы, благопріятные для церкви Христовой. Папа Конрадъ II вѣка переписывается съ александрійскимъ патріархомъ Ѳеофиломъ конца IV вѣка. Сотни самымъ грубымъ образомъ сфабрикованныхъ документовъ въ этомъ собраніи встрѣчены съ полнымъ довѣріемъ. Только съ XV вѣка они встрѣчаютъ протестъ: Виклифа въ Англіи, Лаврентія Валлы — въ Италіи. Но мнѣнія этихъ ученыхъ были приняты за необыкновенный либерализмъ.

Этотъ фактъ показываетъ, что въ западной церкви, въ средніе вѣка, не было благопріятныхъ условій для развитія церковной исторіографіи. Какіе матеріалы можно найти для церковной исторіи въ западной богословской литературѣ вообще?

а) Литература Карѳагенской церкви.

Западная богословская литература начинаетъ развиваться съ начала III вѣка и въ первое время не въ тѣхъ странахъ, гдѣ теперь господствуетъ христіанство, а тамъ, гдѣ нынѣ христіанства уже не существуетъ, въ стѣ. Керрикѣ, въ Карѳагенской церкви.

Здѣсь въ первыя вѣка христіанства успѣло весьма даровитое племя, но потомъ, къ несчастію, задавленное разными политическими обстоятельствами. Среди него впервые въ III вѣкѣ зародилась латинская христіанская литература. Здѣсь писали Минуцій Феликсъ и Тертулліанъ. Произведе-

ния Минуція, одного изъ лучшихъ христіанскихъ апологетовъ, но довольно краткаго, не имѣютъ особеннаго историческаго значенія. Но труды Тертулліана имѣютъ большое значеніе для христіанства первыхъ 3-хъ вѣковъ. Его апологія къ Септимію Северу, его сочиненія противъ нѣкоторыхъ еретиковъ – Маркіона, Праксея, Гермогена и общее сочиненіе противъ всѣхъ ересей (de praescriptione hereticorum), его нравственныя обличенія, – все это показываетъ большое знакомство Тертулліана съ духомъ и обстоятельствами того времени. Правда, въ воззрѣніяхъ этого писателя нельзя видѣть чистаго выраженія правильныхъ христіанскихъ воззрѣній. Онъ часто вдается въ излишнюю строгость, доведшую его до увлеченія пуританизмомъ Монтана. Но всетаки эти сочиненія даютъ важный матеріалъ для исторіи церкви III-го вѣка.

Затѣмъ, въ половинѣ того-же вѣка жилъ другой знаменитый карѳагенскій писатель, епископъ, св. Кипріанъ. Въ своихъ трактатахъ и письмахъ онъ также даетъ много матеріала для изученія христіанства того времени, особенно коваціанскихъ волненій и церковной дисциплины.

Къ началу IV в. относится Лактанцій, замѣчательный христіанскій стилистъ, „христіанскій Цицеронъ", выработавшій для христ. письменности латинскую рѣчь, воспитатель дѣтей Константина Великаго. Онъ написалъ: Divinae institutiones и De morte persecutorum. Въ сочиненіи „О смерти гонителей христіанства" онъ проводитъ, хотя нѣсколько натянуто, ту мысль, что всѣ наиболѣе выдающіеся гонители христіанства умирали какой-нибудь позорной смертью, и даетъ важный матеріалъ для эпохи гоненій на христіанство, особенно въ концѣ III-го вѣка, и свѣдѣнія о переходѣ христіанства изъ состоянія гонимаго въ торжествующее.

Особенное развитіе карѳагенская церковная литература получаетъ къ концу IV и началу V вѣка. Въ это время появляется бл. Августинъ, епископъ Гиппонскій, самый замѣчательный учитель зап. церкви, знаменитый церковный писатель. Его же можно назвать первымъ схоластическимъ богословомъ. Но при его высокомъ умѣ, въ его произведеніяхъ, больше сказались лучшія стороны схоластики, и менѣе худшія.

Что такое западная средневѣковая схоластика? какія ея отличительныя черты, напр. отъ греческаго богословія первыхъ вѣковъ? – Во-первыхъ,

греческое церковное богословіе всегда держалось на твердыхъ, болѣе реальныхъ основахъ въ своихъ мудрованіяхъ. Греческіе богословы превосходятъ знаніемъ св. Писанія и свободой его толкованія. Во вторыхъ, греческое богословіе обладало хорошимъ, конечно для своего времени, знаніемъ церковной исторіи. Греческіе богословы постоянно справлялись съ отцами церкви прежнихъ временъ. — Въ западномъ богословіи этого очень мало. Даже у Августина знаніе Св. Писанія довольно слабо; почти никакого знанія церковной исторіи; толкованія натянуты. За то западное богословіе въ своихъ разсужденіяхъ отличается малою самостоятельностью; оно только перекладываетъ на латинскую рѣчь воззрѣнія греческихъ отцовъ. Если западные богословы пускаются въ самостоятельныя сужденія, то они отличаются необыкновенной самоувѣренностью, изъ которой развился потомъ западно-европейскій рационализмъ. Они стараются путемъ разсужденія дѣлать выводы изъ догматовъ и считаютъ твердыми только тѣ догматы, которые можно доказать какими-нибудь соображеніями. Но это чисто рационалистическія стремленія.

Въ нихъ содержанія, мыслей гораздо меньше; но внѣшняя, логическая, формальная стройность у западныхъ писателей болѣе, чѣмъ у восточныхъ. У послѣднихъ — богатство мыслей, высота богословскаго созерцанія, у западныхъ-же — стройное развитіе мысли. Еще начиная съ Тертулліана, западное богословіе отличается строгостью логики. Но эта логика доходитъ часто до крайностей, до пустой игры ума. Правда, эта крайность развилась поздно, но страсть къ этому уже сказывается съ самаго начала, даже у Тертулліана и Августина. При преобладаніи формальнаго развитія надъ содержаніемъ, иногда они развиваютъ мысль, въ основаніи вѣрную, но до того односторонне, что доходятъ до утрировки, до ложнаго утвержденія. Это замѣчается, напр., въ спорѣ Августина съ Пелагіемъ о свободѣ человѣческой и благодати. Благодаря строгой логичности, Пелагій дошелъ почти до отрицанія божественной благодати, а Августинъ — до отрицанія свободы, до ученія о безусловномъ предопредѣленіи. (Этотъ вопросъ волнуетъ и наше время; онъ только перенесенъ въ философскую область и поставленъ такъ: что имѣетъ большее значеніе въ жизни человѣческой — природа, внѣшніе факторы или свобода? но постоянно забываютъ, что благодаря строгой логичности приходили то къ одной крайности, то къ другой.) Эта же крайность односторонняго формальнаго развитія сказывается уже у Тертулліана

и привела его къ грубому монтанизму. Вообще западная богословская мысль часто впадаетъ въ крайности; нѣтъ у ней умѣренности. Затѣмъ, другая черта западнаго богословскаго развитія, гдѣ также сказывается крайность, замѣчается въ рѣшеніи вопроса объ отношеніи религіознаго развитія къ обществу. И тутъ нѣтъ у большей части представителей западной мысли золотой середины. Напримѣръ, у древнихъ христіанскихъ писателей запада замѣтно: или излишнее увлеченіе языческой культурой, или полное отвращеніе отъ нея, какъ у Тертуллиана. Еще такая черта западнаго богословія: собственно основными христіанскими вопросами оно занималось неохотно, напр., разъясненіемъ догмата Троицы, Воплощенія. Главнымъ образомъ оно разбирало вопросы объ отношеніи Божества къ человѣку, о природѣ человѣка, о свободѣ воли и т.п. Словомъ, оно мало интересовалось чистой теологіей; оно занималось сотеріологіей и антропологіей христіанской.

Глубина мысли, правда, встрѣчается и у западныхъ учителей, но не въ общихъ выводахъ, а въ частностяхъ; но мысль все-таки болѣе односторонняя; въ Средніе Вѣка она еще болѣе мельчаетъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ различіе западной богословской мысли отъ первоначальной греческой.

Теперь возвратимся къ бл. Августину.

Онъ былъ, повторимъ, величайшимъ изъ западныхъ богословскихъ учителей. Его произведенія и досель сохраняются въ огромномъ количествѣ. У Міgне они помѣщены въ 20 огромныхъ томахъ. Но собственно для исторіи у него очень мало. Правда, есть у Августина короткое сочиненіе о ересяхъ. Но это компиляція, довольно плохая, изъ писаній греческаго ересеолога Епифанія Кипрскаго. Нѣкоторое историческое значеніе имѣютъ его полемическія сочиненія: противъ Донатистовъ, Манихеевъ, Пелагіанъ. Въ нихъ встрѣчаются довольно цѣнныя историческія данныя; приводятся цѣликомъ нѣкоторыя манихейскія сочиненія.

Большое историческаго значенія имѣетъ его знаменитое апологетическое сочиненіе: „De civitate Dei". Оно написано въ началѣ V в. по поводу тѣхъ нареканій, которыя образованные язычники дѣлали христіанству. Всѣмъ въ то время становилось ясно, что Римская Имперія близится къ концу, и язычники говорили, что виною этому христіанство. Нѣкоторые христіанскіе писатели пытались отвѣчать на эти упреки. Но самая лучшая попытка принадлежитъ Августину. Онъ

не закрываетъ глазъ отъ той опасности, которая угрожаетъ Римской Имперіи; онъ прямо признаетъ, что всѣ ея нравственныя и общественныя основы расшатаны, но виновно въ этомъ не христіанское ученіе, а тѣ языческія начала, которыя издавна проникали римское государство и вліяніе которыхъ христіанство не могло искоренить. Но признавъ близость паденія имперіи, Августинъ утѣшаетъ христіанъ тѣмъ, что этимъ паденіемъ ничего слишкомъ не потрясается, - что всѣ царства возникаютъ и падаютъ; но люди мыслящіе подъ этими переворотами открываютъ то, что въ мірской жизни есть вѣчнаго, неизмѣннаго. Подъ всѣми этими смѣнами государствъ земныхъ развивается одно вѣчное царство Божіе; и всѣ эти государства являются настолько прочными, насколько они соотвѣтствуютъ идеаламъ этого царства. Это была первая попытка философіи исторіи, но конечно фактическаго матеріала она давала мало.

И въ другіе и новые вѣка это сочиненіе находило подражателей: въ V вѣкѣ испанскій пресвитеръ Орозій (De Providentia) подражалъ ему, а французскій писатель Bossuet въ XVII-мъ. Послѣдній, въ своей Discours sur l'histoire universelle, проводитъ ту мысль, что въ человѣческой исторіи проходитъ идея Промысла Божія; то государство болѣе крѣпко, которое полнѣе осуществляетъ идеалы вѣчнаго Царства.

Назовемъ также еще одного писателя карѳагенской церкви, Оптата Милевитскаго (IV). Въ своей „Schisma Donatistarum", онъ описалъ эту секту, особенно волновавшую тогда карѳагенскую церковь.

Но уже въ первой половинѣ V вѣка карѳагенская церковь пала. Область была завоевана Вандалами-аріанами, а въ VII вѣкѣ ее опустошили арабы.

в) Литература итальянской церкви.

Рядомъ съ карѳагенской отрасью западной христіанской литературы стала развиваться итальянская отрасль.

Первые христіанскіе писатели появляются въ Италіи съ III в. Но ихъ писанія не имѣютъ значенія, кромѣ сочиненія Новаціана, пресвитера, основателя новаціанской секты „о Св. Троицѣ".

Въ IV в. выдается нѣсколько писателей, но не особенно самостоятельныхъ: Амвросій Медіоланскій, богословъ, ораторъ, гимнологъ, замѣчательный администраторъ, но не самостоятельный писатель, подра-

жатель восточных писателей; Павлинъ Нолянскій, церковный поэтъ; переводчикъ исторіи Евсевія Руфинъ и особенно Іеронимъ. (Августинъ и Іеронимъ стоятъ во главѣ западной церковной мысли. Но Іеронимъ болѣе образованъ, болѣе знакомъ съ церковной исторіей.) Онъ родился въ Далмаціи, много путешествовалъ, участвовалъ во всѣхъ важныхъ религіозныхъ вопросахъ того времени. Главный его трудъ, латинскій переводъ Библіи, такъ называемая „Вульгата", написанъ хорошимъ языкомъ, но вовсе не боговдохновенный, какъ это утверждаетъ католическая церковь.- Онъ также написалъ много толкованій Св. Писанія. Но историческое значеніе имѣютъ его полемическія сочиненія противъ либераловъ западной мысли того времени: Гельвидія, Іовеніана, Вигиланція. Его письма, очень многочисленныя, даютъ хорошій матеріалъ для характеристики общественнаго состоянія тогдашняго запада, какъ письма Златоуста – для востока. Но у Златоуста все въ мѣру, все спокойно и разумно; западный-же писатель, при развитіи нравственныхъ идеаловъ христіанства доходитъ часто до утрировки, риторики, преувеличенія. Іерониму-же принадлежитъ первый опытъ христіанской библіографіи: „Каталогъ церковныхъ писателей" (Catalogus scriptorum ecclesiasticorum sive. De viris illustribus). Онъ хочетъ тутъ устранить упреки, будто христіанство подорвало научное развитіе общества. Онъ говоритъ, что христіанство еще очень молодо, чтобы его литература могла сравниться съ языческой; однако и у христіанъ есть писатели, написавшіе очень цѣнныя сочиненія. И онъ начинаетъ перечислять этихъ писателей отъ временъ апостольскихъ до конца IV вѣка. Всего 135 писателей. Въ самомъ концѣ онъ перечисляетъ свои произведенія. Это краткій, сухой перечень, безъ изложенія содержанія, безъ оцѣнки. Но все-таки онъ имѣетъ значеніе какъ самый древній памятникъ христіанской библіографіи. Каталогъ — это не то, что Библіотека Фотія, но онъ гораздо древнѣе. На русскій языкъ переведенъ въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи.

Затѣмъ изъ V-VI в. писателями являются римскіе папы: Иннокентій I, Левъ I, Геласій, Григорій Великій (Двословъ). Декреты и письма первыхъ трехъ имѣютъ важное историческое значеніе. А Григорій Великій написалъ „Діалогъ о жизни италійскихъ подвижниковъ", за что и прозванъ Діалогистомъ, или Двословомъ. Это

сочиненіе важно въ томъ отношеніи, что приводитъ много народныхъ легендъ о святыхъ. Этотъ папа извѣстенъ также, какъ устроитель западно-церковнаго богослуженія.

c) Литература Галликанской церкви.

Третья отрасль западной христіанской литературы – Галльская, или Галликанская. Она имѣетъ особое направленіе, ибо церковь галликанская основана была во II вѣкѣ малоазійскими миссіонерами и сохранила большую близость къ греческой церкви. Эта литература занимаетъ средину между латинской и греческой.

Вотъ выдающіеся писатели этой литературы: въ IV в. – Иларій Пуатьерскій, писавшій сочиненія противъ ріанъ, но не особенно самостоятельныя; въ V – Проспе́ръ Аквитанскій, Аполлинарій Сидоній, письма котораго очень важны для характеристики тогдашняго общества*; аскеты Мартинъ Турскій и Іоаннъ Касьянъ, положившіе начало монашеству въ Галліи; наконецъ, Викентій Лиринскій. Въ своемъ сочиненіи Commonitorium, онъ касается весьма важнаго вопроса о церковномъ развитіи: что считать въ христіанствѣ неизмѣннымъ и что подлежащимъ развитію. Этого касался еще Иринеи, но онъ считалъ неизмѣннымъ все то, что основано на преданіи. Это слишкомъ общій отвѣтъ. Викентій же утверждаетъ, что въ христіанствѣ должно признавать основнымъ, вѣчнымъ, все то, что всегда во всѣ времена и всѣми было признаваемо. Этой формулы держались потомъ почти всѣ богословы, и средневѣковые и новаго времени.

Упомянемъ еще о Геннадіи Марсельскомъ, продолжавшемъ историческія сочиненія Іеронима, Руфина и др.

Къ Галликанской литературѣ примыкаетъ испанская.

d) Христіанская литература въ Испаніи.

Въ Испаніи, до владычества Вестъ-Готовъ, была довольно развитая церковь, имѣвшая свою литературу.

Упомянемъ Орозія, замѣчательнаго гимнолога, Пруденція, восто-

*См. монографію профес. Елпевскаго.

вавшаго подвиги мучениковъ, а изъ позднѣйшихъ – Исидора (VII) Испалійскаго (Севильскаго), положившаго начало, вмѣстѣ съ Діонисіемъ Малой, каноническимъ сборникамъ на западѣ. Но въ IX в. его сборникъ папскихъ декретовъ (декреталій) былъ искаженъ и только часть его принадлежитъ Исидору.

Средневѣковые матеріалы для западной церковной исторіографіи.

Въ предшествовавшей лекціи мы говорили о древнѣйшей латинской церковной литературѣ, съ III до VII вѣка. Большаго значенія, сравнительно съ греческой литературой, она не имѣетъ для христіанскаго богословія, а тѣмъ болѣе для церковной исторіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ писателей африканской, италіянской, галликанской и испанской церкви.

Еще меньше значенія имѣетъ литература средневѣковая, схоластическая, церковная литература съ VII–XV в. Ея произведенія занимаютъ у Migne до 200 т.; но немногія изъ этой огромной массы имѣютъ историческое значеніе. Всѣ эти писанія „херувимскихъ", „серафимскихъ", „божественныхъ", „непреодолимыхъ" средневѣковыхъ докторовъ имѣютъ весьма скромное значеніе для общаго христіанскаго богословія, еще меньше для церковной исторіи, такъ какъ въ Средніе Вѣка ею занимались до крайности слабо.

Наибольше историческаго значенія имѣютъ въ Средніе Вѣка памятники каноническіе; папскія распоряженія (буллы), постановленія и самые акты средневѣковыхъ соборовъ – Ліонскаго, Латеранскаго, Констанскаго, Базельскаго. Собраніе ихъ сдѣлано Мансіемъ. Имѣютъ историческое значеніе и такъ наз. сборники западнаго каноническаго права; corpus juris canonici. Начало ихъ положено въ VI–VII в. Первое собраніе принадлежитъ уже упомянутымъ Діонисію Малому и Исидору Севильскому. Затѣмъ извѣстны Лже-Исидоровы Декреталіи (IX в.), въ которыхъ, на ряду съ подлинными каноническими актами, много подложныхъ. Въ XII в. монахъ Граціанъ составилъ Decretum Gratiani. Въ XIII–XIV в. папа Григорій V издалъ 5 каноническихъ книгъ (Libri Quinti), а затѣмъ еще Liber Sextus; папа Климентъ V составилъ Clementina. Въ XV–XVI вв. къ нимъ присоединялись позднѣйшія кано-

нические постановления, такъ наз. Extravagantia.

Эти сборники и составляютъ corpus iuris canonici на Западѣ. Такъ какъ такое каноническое развитіе было выдающейся стороной церковной жизни, то и изученіе средневѣковыхъ каноническихъ памятниковъ запада имѣетъ большое значеніе для исторіи.

Также имѣютъ значеніе переписки какъ съ государями, разныя дипломатическія донесенія римскаго двора и т.д. Это нужный, но еще недостаточно разработанный матеріалъ. Въ Ватиканской библіотекѣ болѣе 2000 рукописныхъ кодексовъ подобнаго рода. Ими недавно воспользовался отчасти Pertz для своей германской исторіи и набралъ подобныхъ актовъ болѣе, чѣмъ на 20 книгъ.

Такимъ образомъ, важный историческій интересъ представляютъ акты, записи разныхъ монашескихъ западныхъ орденовъ. Особенно много такого матеріала находится въ бенедиктинскихъ и іезуитскихъ монастыряхъ, но онъ мало разработанъ.

Во всякомъ случаѣ, средневѣковая западная письменность представляетъ лишь матеріалъ для исторіи, болѣе или менѣе нужный; обработка же этого матеріала въ Средніе Вѣка совершенно не встрѣчается.

Западная церковная исторіографія XVI–XVII вѣка.

Собственно разработка церковно-историческаго матеріала началась на западѣ лишь въ XVI вѣкѣ. XVI вѣкъ представляетъ новую эпоху въ развитіи нашей науки. Новое научное движеніе (гуманистическое) коснулось и церковной исторіи.

Уже въ концѣ XV в. началъ пробуждаться интересъ къ церковно-историческимъ памятникамъ. Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія стали издаваться тексты Св. Писанія, Творенія Отцовъ Церкви; появились нѣкоторыя слабыя, еще очень нерѣшительныя попытки церковно-исторической критики.

Большій толчекъ все это получило въ XVI в., съ возникновеніемъ протестантства. Когда начались споры между протестантами и католиками, то тѣ и другіе стали искать для себя опоры на исторической почвѣ. Протестанты упрекали католиковъ въ искаженіи древняго церковнаго преданія средневѣковыми вымыслами. Католики, напротивъ, упрекали протестантовъ въ отступленіи отъ

древняго преданія. Тѣ и другіе указывали на идеалы древней церкви, древне-церковныя преданія. Необходимо, поэтому, было стать на историческую почву. Но эта необходимость не была сознана сразу. Первые споры мало обращали вниманія на историческіе факты; они вращались на отвлеченной, догматической почвѣ. Впрочемъ, уже и тогда указывались иногда исторические факты. Но цѣльнаго изложенія христіанской исторіи еще не было въ первой половинѣ XVI вѣка.

Магдебургскія центуріи.

Подобная попытка является лишь во вторую половину XVI вѣка. Сперва выступаютъ протестантскіе ученые. Въ 1552 г. магдебургскій ученый Матѳѣй Фласій Иллирикъ, протестантъ, собралъ цѣлое общество ученыхъ для изслѣдованія церковной исторіи. Это общество пользовалось покровительствомъ протестантскихъ нѣмецкихъ князей. Ученые отправились по разнымъ странамъ для осмотра архивовъ, библіотекъ, въ которыхъ находились важные церковные памятники. Затѣмъ эти ученые рѣшились свести и обработать этотъ собранный матеріалъ, постепенно, шагъ за шагомъ объясняя эти памятники. Работа началась по вѣкамъ. А затѣмъ, чтобы работа шла скорѣе, успѣшнѣе, они раздѣлили этотъ матеріалъ по рубрикамъ, на которыя можно было разложить церковно-историческіе факты. Напр., первая рубрика указывала географическое положеніе церкви въ извѣстномъ вѣкѣ; вторая — распространеніе церкви въ новыхъ мѣстахъ; третья — препятствія, встрѣченныя при распространеніи христіанства; далѣе — внутреннее состояніе церкви: обряды, учители церкви, соборы и т.д. Всѣхъ рубрикъ было 16. Послѣдняя заключала расколы, ереси, которые разсматривались какъ нѣчто стоящее внѣ церкви, какъ дополненіе церковной жизни; поэтому и помѣщались въ послѣдней рубрикѣ.

Такимъ образомъ раздѣливъ церковно-историческій матеріалъ, эти ученые стали издавать обозрѣнія церковной исторіи. Изданіе это продолжалось 15 лѣтъ, съ 1559—1574 г. Издано 13 частей, въ которыхъ обозрѣны XIII вѣковъ христіанской жизни. Такъ составились Centuriae Magdeburgenses. Это первая замѣчательная церковная исторія въ новые вѣка.

Трудъ этотъ, конечно, имѣетъ свои недостатки. Во-первыхъ, непол-

пота источниковъ; обращено вниманіе лишь на первые попавшіеся подъ руку матеріалы. Затѣмъ, трудъ этотъ предпринятъ не съ чисто научно-исторической цѣлью, а главнымъ образомъ съ полемической. Составители этихъ центурій искали факты для обличенія католицизма и оправданія протестантства. Слѣдовательно, трудъ этотъ тенденціозный, односторонній, пристрастный. Методъ ихъ былъ самый примитивный. Это только подборъ фактовъ съ предвзятой точки зрѣнія. Само раздѣленіе церковно-историческихъ фактовъ по вѣкамъ представляетъ свои неудобства. Не всегда извѣстное историческое событіе можно уложить въ рамки только одного вѣка. Еще болѣе неудобно изложеніе церковно-историческаго матеріала по отдѣльнымъ рубрикамъ. Не въ каждомъ вѣкѣ можно наполнить всѣ рубрики. Отсюда являются натяжки, стремленіе наполнить извѣстный отдѣлъ мелочами, за недостаткомъ болѣе важнаго матеріала. Затѣмъ, иногда въ разныхъ рубрикахъ, по необходимости, является повтореніе одного и того же, совпаденіе содержанія нѣкоторыхъ рубрикъ, напр. объ ученіи, учителяхъ, соборахъ, ересяхъ и т.д. Такая раскладка матеріала могла быть полезна лишь какъ справочное пособіе. Излагать же такимъ образомъ исторію – это значитъ разрывать живую жизнь механически, по кускамъ.

Но Центуріи имѣютъ также свое значеніе. Онѣ возбудили церковно-историческое сознаніе, побудили ученыхъ къ разработкѣ церковно-историческихъ фактовъ. Католики должны были выступить въ оппозицію этому труду, протестанты – поправлять его. Поэтому Центуріи имѣли большое историческое значеніе. Послѣ ихъ переработали и сократили протестантскій ученый Лука Озіандеръ.

Католики на первыхъ порахъ были озадачены этимъ колоссальнымъ опроверженіемъ католицизма. Они считали Магдебургскія Центуріи самымъ опаснымъ произведеніемъ и называли ихъ Центуріями Сатаны. Однако, они скоро выступили въ борьбу съ протестантствомъ на церковно-исторической почвѣ.

Католическая церковная исторіографія XVI–XVII в.

Уже въ 70-хъ годахъ XVI в. неаполитанскій монахъ Бароній задался цѣлью представить церковную исторію съ католической точки зрѣнія,

для опроверженія протестантства. Онъ шелъ почти шагъ за шагомъ вслѣдъ за Магдебургскими Центуріями, разбирая по вѣкамъ и по рубрикамъ, съ той только разницей, что тутъ работало не нѣсколько рукъ, а одинъ Баронiй. 30 лѣтъ работалъ онъ и составилъ произведеніе болѣе значительное, нежели Магдебургскія Центуріи. За это далъ ему кардинальскій санъ. Его произведеніе обнимаетъ XII вѣковъ христіанской исторіи, т.е. нѣсколько меньшій періодъ, нежели Центуріи.

Но трудъ Баронія стоитъ выше Магдебургскихъ Центурій. Во-первыхъ, матеріалъ полнѣе; собрано много новыхъ памятниковъ. Во-вторыхъ, болѣе осторожное отношеніе къ дѣлу. Правда, у Баронія цѣль тоже полемическая, но она искусно замаскирована. Конечно, онъ часто оправдываетъ тѣ факты, которые Центуріи ставятъ въ упрекъ папству. Напр., когда дѣло касается X вѣка, самой позорной эпохи папства, эпохи порнократіи и симоніи, онъ находитъ, что нельзя закрывать глаза на эти стороны папской исторіи; но тѣмъ то, по мнѣнію Баронія, и велико папство, что хотя отдѣльныя личности папъ являются очень мелкими, позорными, однако папство всетаки устояло, имѣло великое значеніе на исторію. – При изложеніи документовъ, Баронiй нерѣдко обнаруживаетъ подтѣлки, вдается въ историческую критику, хотя самъ иногда ссылается на весьма сомнительные документы. Но во всякомъ случаѣ, это былъ болѣе значительный трудъ, нежели Центуріи.

Католики были очень обрадованы этому труду. Послѣ Баронія новые католическіе ученые продолжали его по дальнѣйшимъ вѣкамъ. Наконецъ, въ римской церкви постановлено, чтобы черезъ каждые 25 лѣтъ поручать какому-нибудь ученому писать продолженіе этой исторіи, что дѣлается и до нашихъ дней. Изъ прежнихъ продолжателей Баронія назовемъ Рейнальда, Бзовія, Спонзана; послѣднимъ былъ ватиканскій библіотекарь, ученый Тейнеръ.

Такимъ образомъ, этотъ трудъ получилъ важное значеніе, особенно въ римской церкви. Въ передѣлкахъ, переводахъ, сокращеніяхъ, онъ появился и въ протестантскихъ странахъ, и въ православныхъ. У насъ сдѣланъ переводъ Баронія, по повелѣнію Петра В., съ сокращеннаго польскаго изданія.

Вотъ два главныхъ церковно-историческихъ труда, появившихся еще подъ конецъ XVI в. Въ этихъ трудахъ выразилась новая обработка

церковно-исторических фактов. Уже в самом начале разработка церковной истории получила не научный, а вероисповедный характер, так как факты этой истории близко касаются вероисповедных вопросов. Каждый ученый, в исследовании церковно-исторических фактов, являлся с своей тенденциозной точкой зрения. Поэтому и доселе эта наука не может стать на твердую, вполне объективную точку зрения. Поэтому-то тем странам, которые мало сделали своего в церковной истории, нельзя остановиться на трудах западных ученых; ибо все они имеют свои интересы, тенденции, носят характер известного направления или вероваания.

Сначала на западе эта разработка пошла в двух направлениях, католическом и протестантском. Но это слишком обще. С развитием религиозной жизни, там стали появляться различные религиозные направления, как в протестантстве, так и в католичестве.

Католицизм, не смотря на свое стремление к единству, далеко не единаков в различных западных странах. Еще в XVII в. в нем стало высказываться 2 направления: итальянское (ультрамонтанское) и галликанское (умеренное). Первое направление отличается крайними взглядами; оно развивает идеи папского абсолютизма, непогрешимости, строгого церковного единства. Второе же направление старается ограничить, сдержать папский абсолютизм, отстоять против него права местных, национальных церквей; в столкновениях папства с государственной властью, оно принимает сторону последней. В XVII в. главными представителями этих двух направлений в богословии являются Беллярмин и Боссюэт. Конечно эти направления нельзя приурочить к известному месту. Только по преимуществу одно направление развивается в Риме, итальянскими учеными, а другое во Франции.

Вот эти 2 главные направления сперва сказались в чистой, теоретической богословской области, а затем уже в церковно-исторических трудах. Барониий был первым представителем ультрамонтанства в этой последней области. Но в XVII в. являются больше замечательные труды по умеренному направлению. Во 2-й половине XVII в. еп. вежеский Годо написал на французском языке историю первых семи веков христианства. - В 70-80-х гг. появляется огромное издание французского ученого Александра Натальиса, опи-

савшаго въ огромныхъ 24 томахъ исторію первыхъ 16-ти вѣковъ христіанства. Написана она неплавно, сухо, очень схоластически, растянуто. Но въ ней много матеріала, и она довольно безпристрастна. Натамись далеко не питаетъ такой преданности къ папству, какъ Барроній; онъ отстаиваетъ западныхъ государей, боровшихся съ папами въ XI – XII вв., а также западные соборы XV в., старавшіеся ограничить папскій абсолютизмъ. Поэтому въ Италіи недоброжелательно посмотрѣли на этотъ трудъ; онъ былъ запрещенъ папской цензурой, внесенъ въ Index librorum prohibitorum.

Съ 90-хъ годовъ XVII в. до 20-хъ XVIII в. издавалась церковная исторія аб. Клода Флёри, духовника Людовика XV. Она замѣчательна по болѣе осмысленному и безпристрастному изложенію историческихъ фактовъ. Правда, онъ излагаетъ еще по вѣкамъ; но въ началѣ каждаго вѣка представлены общія характеристики. Обращено вниманіе не на одну только внѣшнюю сторону церковной жизни, но и на развитіе нравственной жизни христіанскаго общества. Изложеніе складное, взглядъ безпристрастный, благородный.

Къ этимъ уже церковнымъ историкамъ примыкаетъ и излагатель общей политической исторіи, но съ религіозной точки зрѣнія, Боссюэтъ, извѣстный богословъ, проповѣдникъ и защитникъ правъ галликанской церкви противъ папства. Общая мысль его исторіи та, что Промыслъ Божій управляетъ судьбами царствъ и народовъ. – Это краткая книжка, написанная прекраснымъ языкомъ.

Затѣмъ, во 2-й половинѣ XVII в. явилось новое направленіе въ католицизмѣ, такъ сказать, побочное. А именно, возгорѣлся споръ по поводу изданной въ это время книги ум. епископа Іансенія, озаглавленной „Бл. Августинъ". Она была направлена противъ правилъ іезуитской морали и, по настоянію іезуитовъ, запрещена папой. Но все-таки она нашла многочисленныхъ почитателей. Близъ Парижа, въ монастырѣ Порроялъ, образовалось общество іансенистовъ, къ которому примкнулъ, между прочимъ, извѣстный математикъ и философъ Паскаль. Отношеніе этого общества къ Риму было довольно неопредѣленное. Оно не хотѣло отдѣлиться отъ церкви; іансенисты считали себя католиками, какъ же отвергать ихъ.

Это общество выставило въ XVII в. нѣсколько даровитыхъ ученыхъ. Себастіанъ Тильмонъ. Онъ былъ французскій дворянинъ. Церков-

ной исторіей онъ занимался изъ любви къ наукѣ. Всю свою жизнь онъ провелъ въ уединеніи и скромности. Онъ далеко былъ отъ того, чтобы что-нибудь писать или печатать. Уже друзья убѣдили его не оставлять подъ спудомъ своихъ громадныхъ знаній и трудовъ. Онъ написалъ нѣсколько изслѣдованій по Церковной Исторіи. Онъ началъ писать Мемуары по Церковной Исторіи, обнимающіе первые шесть вѣковъ: онъ остановился на первомъ десятилѣтіи VI в. Въ этихъ Мемуарахъ находится чрезвычайно много важныхъ и интересныхъ изслѣдованій по исторіи христіанства. Здѣсь затронуты самыя различныя стороны; но преимущественно онъ занимается литературой, т.е. сочиненіями христіанскихъ писателей первыхъ пяти вѣковъ. – Трудъ этотъ отличается необыкновенной объективностью и безпристрастіемъ. О спорныхъ вопросахъ онъ отзывается чрезвычайно скромно и осторожно. Личныхъ сужденій онъ высказываетъ очень мало и даже уклоняется разсказать дѣло своими словами, онъ большею частію дѣлаетъ извлеченія и разсказываетъ языкомъ самихъ памятниковъ. Поэтому трудъ этотъ имѣетъ мозаичный характеръ. Но всетаки онъ имѣетъ внутреннее единство и получаетъ характеръ складнаго и цѣльнаго изложенія. При всей скромности Тильмона въ немъ обнаруживается такой умъ, онъ иногда высказываетъ такія критическія замѣчанія, съ которыми наука считается и до настоящаго времени. Тильмонъ слишкомъ далеко опередилъ своихъ современниковъ. Онъ разъяснялъ такіе вопросы, которые затронуты уже въ XVIII и нынѣшнемъ столѣтіи.

Такимъ образомъ видно, какъ далеко впередъ шагнула католическая наука въ XVII в. До половины XVII в. у нихъ не было никакой критики. Но когда начала разрабатываться наука у протестантовъ, то католики ушли неизмѣримо далеко впередъ сравнительно съ ними. Католическіе ученые XVII и XVIII вв. представили такія громадныя научныя работы, на которыя съ уваженіемъ и подражаніемъ должно оглядываться и наше время. Эти работы выражаются не только въ составленіи цѣльныхъ и полныхъ изложеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ созданіи множества частныхъ отраслей при разработкѣ Церковной Исторіи, во множествѣ частныхъ изслѣдованій, оказавшихъ услугу въ изданіи памятниковъ, изданіи не поспѣшномъ и не случайномъ, но показывающемъ ученость и имѣющемъ громадную научную

ученность. Съ XVII в. начали обрабатывать частныя стороны Церковной исторіи. Здѣсь выступилъ извѣстный Іезуитскій орденъ, который не однѣми интригами старался противодѣйствовать протестантизму, но явился во всеоружіи учености. Первыми учеными были іезуиты. Ихъ такъ много, что невозможно перечислить всѣхъ наиболѣе знаменитыхъ между ними.

Іезуитъ Сирмондъ въ началѣ XVII в. положилъ начало изслѣдованіямъ по исторіи дѣяній христіанскихъ соборовъ. И до него были попытки въ этомъ отношеніи, но неудачныя. Сирмондъ выбиралъ изъ Ватиканской библіотеки относящіяся къ этому вопросу рукописи и издавалъ ихъ съ греческимъ подлинникомъ и переводомъ на латинскій языкъ. Изданіе это имѣетъ чисто ученый характеръ. Предъ изданіемъ актовъ какого-нибудь собора Сирмондъ предпосылаетъ ученое изслѣдованіе, касающееся исторіи этого собора. Этимъ онъ положилъ начало изданію этихъ важнѣйшихъ историческихъ памятниковъ, такъ называемыхъ Актовъ и Правилъ Соборныхъ. – Въ XVIII в. Бинній и Лаббей издали десять томовъ Соборныхъ Актовъ. Коссартъ и Балузій послѣ нихъ продолжали это дѣло, такъ что издали 17 томовъ. Парижскій іезуитъ Гардуинъ издалъ Acta Conciliorum, Луккскій епископъ Мансі издалъ ихъ уже въ 31-ой книгѣ. – Изданія эти имѣютъ чрезвычайную важность для Церковной Исторіи.

Діонисій Петарій положилъ начало такъ называемой исторіи догматовъ. До него этотъ вопросъ разсматривали большею частію по методу схоластическому; брали извѣстное положеніе, развивали его, совершенно необращая вниманія на историческія основы. Прежде не приводили цитатъ изъ Свящ. Писанія. Діонисій Петарій начинаетъ приводить тексты изъ Свящ. Писанія и основываетъ догматическое ученіе на исторической почвѣ. Онъ написалъ сочиненіе: De theologi dogmatibus. Въ немъ очень много свидѣтельствъ изъ Св. Писанія, изъ Отцовъ и Учителей Церкви, Соборовъ, – въ этомъ сочиненіи Петарій обнаружилъ чрезвычайную начитанность. Этотъ трудъ, поставившій догматику на историческую почву, имѣетъ такую научную цѣнность, что имъ пользуются и протестанты.

Католики же обратили серьезное вниманіе на изученіе нашей Восточной Церкви, т. е. Греческой и Русской, – вообще на изученіе Христіанскаго Востока. Начало изученію памятниковъ по исторіи Восточной

Церкви положено въ Римской коллегіи pro propaganda fidei, основанной папой Григоріемъ XIII. Въ этой коллегіи приготовлялись миссіонеры для всѣхъ странъ свѣта и для обращенія въ католичество изъ всѣхъ религій, гдѣ, между прочимъ приготовлялись миссіонеры и для тѣхъ христіанскихъ странъ, которыя не были въ союзѣ съ Римскою Церковью. Учреждена была особая коллегія Св. Аѳанасія для обученія Грековъ, Поляковъ, Русскихъ для воспитанія ихъ въ католическомъ, именно въ уніатскомъ духѣ. Здѣсь образовалось много замѣчательныхъ ученыхъ, которые по возвращеніи на родину начинали проповѣдывать католичество. Много такихъ ученыхъ появилось въ Польшѣ, въ юго-западной Россіи. Другіе отправлялись на родину и на мѣстѣ начинали изучать памятники, но съ фальшивою цѣлью, съ цѣлью католической пропаганды. Замѣчательные изъ нихъ: Петръ Аркудій, Маймбургъ и Левъ Аллаціи. Они проводили ту мысль, что будто бы Восточная Церковь находилась прежде въ союзѣ съ Римской, признавала господство Римскаго папы, но нѣкоторые смутьяны въ родѣ фотія патріарха Константинопольскаго или Московскаго митрополита Іоны воспротивились этому и вотъ почему произошло отдѣленіе Восточной Церкви отъ союза съ Римскою. Но на самомъ дѣлѣ эта церковь продолжаетъ будто-бы исповѣдывать тѣ же догматы, что и Римская Церковь, продолжаетъ признавать главенство папы, что доказывали тѣмъ, что и досель въ Восточной Церкви есть восхваленія Римскихъ папъ. Въ самомъ дѣлѣ у насъ есть службы нѣкоторымъ папамъ Римскимъ, жившимъ до раздѣленія церквей и признаваемыхъ святыми. Замѣчательно сочиненіе: De perpetua consentione ecclesiarum, т.е. о постоянномъ согласіи Восточной и Западной церквей. Эта мысль не оставлена и до настоящаго времени и проводилась въ Русской литературѣ Русскими реегатами: Гагаринымъ, Мартыновымъ и въ позднѣйшее время Влад. Соловьевымъ.

Но не ограничиваясь этимъ они начали издавать памятники — въ концѣ XVI в. и началѣ XVII. Самый ученый изъ нихъ Левъ Аллаціи написалъ до 40 изслѣдованій, и все съ своей точки зрѣнія, т.е. доказывалъ ту мысль, что прежде Восточная Церковь признавала свою зависимость отъ Римскаго папы. Самое капитальное сочиненіе его: Graeciae Orthodoxae Scriptores, — изданіе, въ которомъ приводятся греческіе писатели, выражавшіе склонность къ латинству. Въ XVII в. во времена

Лионскаго собора и въ XV в. во времена Флорентійскаго нѣкоторые Греческіе писатели старались подслужиться подъ духъ папизма и заискать расположеніе Византійскаго Императорскаго Двора; а можетъ быть и искренне желали содѣйствовать соединенію Церквей. Эти писатели: Іоаннъ Векхъ, Никифоръ Влеммидъ, Константинъ Мелиссиніотъ, Іоаннъ Каллека, Виссаріонъ Никейскій, Исидоръ митрополитъ Русскій и приводятся въ этомъ изданіи; приводятся сохранившіяся письма. Вотъ за изданіе ихъ и принялись католическіе ученые.

Но и сами католическіе ученые признали, что это направленіе фальшивое, что издатели ложно, тенденціозно перетолковываютъ памятники, фальсифицируютъ ихъ, подслуживаютъ и т.д. Въ XVII в. явились болѣе безпристрастные изслѣдователи Христ. Востока, напр. Голяръ издалъ Евхологіонъ Восточной Церкви, т.е. описаніе ея богослужебныхъ обрядовъ. Они принялись за изученіе памятниковъ, сочиненій церковныхъ и политическихъ историковъ, такъ называемыхъ Византійскихъ хронографовъ. Эти ученые: Вольферъ, Скалигеръ, Лямбецкій стали издавать эти памятники, такъ что въ XVII в. явилось Венеціанское изданіе. Затѣмъ явилось большое изданіе, сдѣланное Нибуромъ: „Собраніе Византійцевъ". Самое замѣчательное изданіе представляетъ изъ себя „Греческій Словарь" французскаго ученаго Дюканжа. Этотъ словарь содержитъ не только значеніе словъ и ихъ филологическое объясненіе, но и реальныя свѣдѣнія. Гандурій написалъ Imper. Orientale. Лекенъ: Oriens Christianus, въ которомъ содержится описаніе 4хъ Восточныхъ патріаршествъ. Въ XVIII в. французскій ученый Лебо составилъ самую полную исторію Византіи. Такимъ образомъ очень много ученыхъ занимались исторіею Восточныхъ Церквей. Но подъ конецъ XVIII в. и въ началѣ XIX в. это изученіе значительно упало и болѣе всего упало въ наше время. Ученый Мулласъ заявлялъ о настоятельной необходимости хотя переиздать Словарь Дюканжа, но это заявленіе не подѣйствовало, и этотъ Словарь сдѣлался теперь библіографическою рѣдкостью.

Кромѣ того стали образовываться общества для изслѣдованія сектантскихъ обществъ на Востокѣ: Монофизитовъ, Сирскихъ Маронитовъ и др. Римское правительство постаралось и эти секты

привлечь къ себѣ. Кромѣ Грековъ, Поляковъ въ Италіи въ XVII и XVIII в. явились знаменитые ученые и изъ среды Сирскихъ Маронитовъ: Ренодо и Ассемани. Они написали свои изслѣдованія, касающіяся Сирскихъ памятниковъ, Яковитовъ. Они издали много памятниковъ не только Сирскихъ, но и вообще памятниковъ Христ. Востока, въ особенности они издавали Восточныя литургіи. Ассемани издалъ собраніе литургій всего свѣта. Эти изданія и теперь считаются самыми важными при изученіи исторіи Христ. Востока.

Къ этимъ колегіямъ присоединилась колегія Армяно-уніатская. Основали монастырь Св. Лазаря, гдѣ образовалось ученое общество подъ названіемъ Мехитаристъ Съ 18го в. и далѣе затѣмъ они начали издавать памятники древне-армянской литературы. Эти памятники очень важны для изученія Востока.

Вотъ тѣ ученыя общества, которыя образовались въ Италіи подъ вліяніемъ Іезуитовъ и которыя имѣли громадное вліяніе на изученіе Востока.

Изъ среды Іезуитской науки нужно еще упомянуть объ одномъ самомъ громадномъ предпріятіи, начало которому положилъ въ половинѣ XVII в. Голландскій іезуитъ Росвейде. Онъ составилъ планъ издать жизнеописаніе святыхъ всего христіанскаго міра. Онъ составилъ нѣсколько жизнеописаній чисто научнаго характера, т.е. представилъ не легенды, а чисто историческія, критическія данныя въ сочиненіи Vitae Sanctorum и началъ издавать Календарь. Іезуитъ Болландъ, ученикъ Росвейды, сталъ приводить это дѣло въ систему, составилъ ассоціацію для составленія жизнеописаній, разсылалъ членовъ общества по всему свѣту, писалъ ученыя изслѣдованія, предисловія; издавалъ слова, рѣчи, проповѣди святыхъ, издавалъ похвальныя слова въ честь святыхъ и присоединялъ ихъ къ своему изданію. Это громаднѣйшее, ученѣйшее изданіе, которое длилось около полутораста лѣтъ (съ 1644 г. по 1789 г.); оно называется Acta Sanctorum и представляетъ изъ себя богатѣйшій матеріалъ по Церковной исторіи. Это дѣло велось въ Антверпенѣ; въ 80хъ годахъ прошлаго оно прекратилось. – Славу Іезуитскаго ордена стали завидовать другіе католическіе ордена. Когда наступили революціонныя волненія, неблагопріятствующія вообще никакому изученію, то это изданіе прекратилось на 14мъ Октября. Издано было 53 громадныхъ фоліанта. – Съ 40хъ годовъ нынѣшняго вѣка это изда-

ніе возобновлено было въ Брюсселѣ и издано было еще 7 томовъ съ 15-го по 22-е Октября. Болландисты ведутъ жизнеописанія по мѣсяцамъ и числамъ. Изданіе увеличилось настолько, что описаніе жизни Святыхъ, приходящихся въ одинъ день, заключается въ одномъ громадномъ томѣ! Позднѣйшіе томы не имѣютъ такого достоинства какъ первые, обработанные Болландистомъ Яннингомъ и др. Все это ведется черезъ или въ средѣ Іезуитовъ или Армяно-уніатовъ, Сиро-уніатовъ, Греко-уніатовъ и др.

Протестантская церковная исторіографія XVII–XVIII в.

Протестантская наука церковной исторіи до половины XVIII в. не могла сравниться съ католической, ни по самостоятельнымъ изслѣдованіямъ, ни по изданіямъ древнихъ христіанскихъ памятниковъ. Протестантство только на первыхъ порахъ показало научное возбужденіе, выразившееся, въ церковно-исторической области, появленіемъ „Магдебургскихъ центурій". Но затѣмъ лѣтъ на 150, наука богословская и церковно-историческая въ протестантствѣ падаетъ и самый религіозный интересъ ослабѣваетъ. Вмѣсто изслѣдованія фактовъ церковной исторіи и разъясненія основныхъ догматовъ, протестантскіе ученые вдаются въ полемику между собой и посвящаютъ свои занятія на разныя мелочи и ненужныя разномыслія, такъ что въ XVII в. протестантская наука становится безплодной, сухой, схоластической, подобно католической до XVI в. Только одна богословская отрасль болѣе успѣшно разрабатывается протестантами. Это – изученіе Св. Писанія, такъ какъ Библія положена въ основу ихъ вѣрованій. У нихъ создается, поэтому, библейская критика и библейская филологія. Въ этой области и въ XVII и въ XVIII вв. у нихъ явились важныя сочиненія.

Въ церковной исторіографіи протестанты долго довольствовались только Магдебургскими Центуріями. Поэтому, въ XVII в. является еще нѣсколько произведеній по церковной исторіи, стоящихъ, впрочемъ, гораздо ниже католическихъ. Швейцарскій реформаторъ Геттингеръ написалъ въ родѣ подражанія Магдебургскимъ Центуріямъ. Затѣмъ, уже ко второй половинѣ XVII в. относятся произведенія голландскихъ протестантовъ: Спанхейма (Summa Historiae Ecclesiae) и Баскажа. Эти сочиненія важны, главн. обр., въ тѣхъ частяхъ, гдѣ критикуютъ „Анналы" Баронія.

Въ самомъ концѣ XVII в., въ 1699 г., является довольно выдающееся и оригинальное произведеніе по церковной исторіи въ средѣ протестантства, но не между главными его отраслями: оно выходитъ изъ одного частнаго, побочнаго направленія въ протестантствѣ, извѣстнаго подъ именемъ піетизма. Это — „Безпристрастная исторія церкви и ересей" Готтфрида Арнольда. Это первое сочиненіе по церковной исторіи на нѣмецкомъ языкѣ; до него и даже послѣ него (въ 18 вѣкѣ писали на латинскомъ языкѣ). Затѣмъ, это сочиненіе замѣчательно по своимъ оригинальнымъ взглядамъ и пріемамъ. Въ немъ выразился духъ піетизма.

Это направленіе въ протестантствѣ основано двумя извѣстными богословами того времени, Шпенеромъ и Франкомъ, въ видѣ реакціи господствующему схоластическому богословію. Тогда протестантскіе богословы вдавались въ пустое резонерство; большая часть сочиненій посвящалась разработкѣ разныхъ мелкихъ разногласій между лютеранами и реформатами. Эти сухія разглагольствованія на схоластическія темы, наконецъ, надоѣли всѣмъ. Поэтому нѣкоторые для оживленія религіознаго чувства стали выдвигать на первый планъ нравственную сущность христіанства и стали составлять отдѣльныя религіозныя собранія, собесѣдованія, которыя назывались: Collegiae pietatis. (Отсюда и названіе „піетисты".) Здѣсь старались возбудить религіозныя чувства чтеніемъ Библіи и взаимнымъ назиданіемъ. Но это общество впало въ ошибки. Оно старалось доводить свои благочестивыя стремленія до крайности, до смѣшныхъ проявленій. Затѣмъ, оно обратило вниманіе исключительно на нравственную сторону христіанства, съ пренебреженіемъ относясь къ догматической. Поэтому на это общество его противники стали смотрѣть недовѣрчиво и непріязненно, насмѣхались надъ его крайними благочестивыми тенденціями, а затѣмъ стали преслѣдовать піетистовъ. Тогда среди послѣднихъ стала обнаруживаться особая тенденція; они стали сочувствовать всѣмъ преслѣдуемымъ направленіямъ и сектамъ. Это отразилось и въ трудахъ Арнольда.

Въ своей исторіи, состоящей изъ 4^хъ частей, онъ задается цѣлью обозрѣть не столько внѣшнюю, сколько внутреннюю, нравственную сторону церковной жизни. Онъ вѣритъ въ изложеніе фактовъ теплое чувство. Затѣмъ, до него исторія ересей излагалась до крайности поверх-

ностно, небрежно. Она рѣдко бывала предметомъ самостоятельнаго изслѣдованія. Происхожденіе ересей объяснялось случайными причинами. Личности основателей разныхъ сектъ, нравственная жизнь этихъ сектъ, у прежнихъ писателей изображались въ самомъ темномъ видѣ. Самое ученіе сектантское представлялось отрывочно, безсвязно, неточно. Г. Арнольдъ рѣшается дать этому дѣлу другую постановку. Его заслуга та, что онъ первый занялся болѣе серьезно вопросомъ о происхожденіи сектъ, доказывая, что онѣ образовались не случайно, не по какимъ-нибудь частнымъ, мелкимъ интересамъ, а являлись большею частью реакціей односторонности направленію въ самой церковной жизни и наукѣ. Но насколько прежніе историки осуждали секты, настолько Арнольдъ впалъ въ противоположную крайность. Какъ прежніе историки старались представить основателей сектъ интриганами, честолюбцами, такъ Арнольдъ выставляетъ ихъ людьми сильными, благородными, свободомыслящими, съ особымъ негодованіемъ отзываясь о преслѣдованіяхъ сектантовъ со стороны церкви. Но въ этой тенденціи выразилась несомнѣнная крайность. Нельзя всѣхъ основателей сектъ представлять геніями, героями; нѣкоторыхъ изъ нихъ къ образованію сектъ побуждали извѣстныя интриги, честолюбивые планы. Невѣрно и то, что еретики были всегда гонимыми, а церковь гонительницей. Въ древней церкви, иногда отношеніе между господствующей церковью и сектами было обратное. Церковь, напр., преслѣдовала: въ IV в. ріанъ, въ V–VI монофизиты, въ VIII–IX иконоборцы. Итакъ, это направленіе, заявленное Арнольдомъ, во всякомъ случаѣ, новое, оригинальное, вдается въ крайность, но главная заслуга Арнольда въ томъ, что онъ далъ новую постановку сектантскому вопросу.

Этотъ трудъ, какъ уже сказано, отно-сится къ самому концу XVII в. Въ первую половину XVIII вѣка значительныхъ церковно-историческихъ трудовъ въ протестантствѣ не появлялось. Но во вторую половину является важный трудъ Мозеймма: „Руководство къ церковной исторіи" (Institutiones Historiae Ecclesiae). Это сочиненіе написано на латинскомъ языкѣ, но потомъ переведено на нѣмецкій. Оно написано отчасти на старыхъ схоластическихъ началахъ, съ раздѣленіемъ церковной жизни по вѣкамъ, на разныя рубрики. Но за этими схоластическими пріемами оказался новый духъ, новое научное воззрѣніе, которое стало съ этого времени характеризовать новое церковное раз-

бытіе протестантства. Это – болѣе спокойное, объективное и глубокое изслѣдованіе церковно-историческихъ фактовъ. Прежніе историки разсматривали событія церковной жизни пристрастно; Мозеймъ-же разсматриваетъ ихъ безпристрастно, хотя, конечно, отдаетъ предпочтеніе своему вѣроисповѣданію. Но онъ безпристрастно относится къ средневѣковой католической исторіи и признаетъ вообще положительныя стороны ея развитія. Такимъ образомъ, по изложенію фактовъ эта исторія представляетъ значительный шагъ впередъ.

Затѣмъ, во второй половинѣ XVIII в., является еще нѣсколько протестантскихъ церковныхъ исторій, а именно: Тофаффра и Баумгартена. Но въ ихъ произведеніяхъ спокойное объективное направленіе, высказанное Мозеймомъ, переходитъ въ холодное, равнодушное отношеніе къ фактамъ.

Въ концѣ XVIII в. явилась законченная уже въ XIX в. исторія Шрекка (Schreck). Это самая обширная церковная исторія, состоящая изъ 45 томовъ. Она довольно объективна, но не глубока, поверхностна. Въ сущности, это сводъ, компиляція изъ предшествовавшихъ исторій. Но Шрекъ обратилъ большое вниманіе на мало изслѣдованныя стороны церковной исторіи. Такъ, у него сравнительно большія мѣста отведено исторіи восточной средневѣковой церкви, которая обыкновенно почти совершенно игнорируется западными учеными. Но теперь его исторія потеряла значеніе, потому что въ нынѣшнемъ вѣкѣ выдвинулись болѣе серьезныя церковно-историческія произведенія.

Кромѣ этихъ крупныхъ церковныхъ исторій между протестантами въ XVII вѣкѣ, а особенно въ XVIII в., выдвигается нѣсколько писателей, сочиненій по частнымъ отраслямъ науки церковной исторіи. Назовемъ изъ нихъ Будэя, Вальха, Фабриціуса.

Будэй оставилъ сочиненіе по библейской исторіи*, а также нѣсколько монографій о христіанствѣ и сектантствѣ первыхъ вѣковъ. – Вальхъ написалъ обширное сочиненіе по исторіи древнихъ ересей, въ 11 частяхъ. Конечно, онъ не могъ пользоваться источниками, которые были открыты уже послѣ него (напр. философумены), но все, что тогда было извѣстно, онъ свелъ, разобралъ всѣ мнѣнія, такъ что это обширная справочная книга относительно того, что было сдѣлано до Вальха по изу-

*Имъ пользовался митроп. Филаретъ для своей „Библейской Исторіи".

ченію сектантства. Но это сочиненіе написано крайне сухо, растянуто. - Самымъ замѣчательнымъ и даровитымъ является Фабриціусъ, извѣстный особенно своими трудами по церковной литературѣ. Въ своихъ изданіяхъ – Bibliotheca Graeca и Bibliotheca Latinitatis Mediiaevi – онъ собралъ все то, что уже было сдѣлано относительно древнихъ христіанскихъ писателей. Эти изданія далеко оставляютъ за собой даже труды превосходныхъ католическихъ патрологовъ: Сенье, Дюпена и др. Не только всѣ сохраненныя патрологическія сочиненія описаны Фабриціемъ, но даже и утраченныя подверглись изслѣдованію.

Изъ среды англійскихъ протестантовъ особенно выдаются: Кавѣ и Грабѣ – по изданію церковно-историческихъ памятниковъ, Бингамъ – своими Origines Historicae Ecclesiae, которыми онъ положилъ начало церковной археологіи. Бингамъ первый обратилъ вниманіе на развитіе обрядовой стороны въ христіанствѣ, на внѣшнее развитіе церковной организаціи, на совершеніе таинствъ, литургіи и т. п. Замѣчательно, что первый подобный трудъ появился въ протестантствѣ, которое такъ невысоко ставитъ церковную обрядность; но впрочемъ, Англиканизмъ относится къ ней съ большимъ сочувствіемъ, нежели другія отрасли протестантства. - Трудъ Бингама переведенъ въ сокращеніи на русскій языкъ Вѣтринскимъ. Другіе церковные археологи (XIX в.) – протестантъ Августи и католикъ Бинтеримъ примыкаютъ лишь къ Бингаму.

Раціонализмъ въ церковной исторіи XVIII в.

До половины XVIII в. церковная исторіографія развивается въ двухъ главныхъ направленіяхъ, католическомъ и протестантскомъ, съ разными подраздѣленіями и оттѣнками. Такимъ образомъ, на всѣхъ церковно-историческихъ работахъ лежалъ оттѣнокъ конфессіональный, вѣроисповѣдный; только въ трудахъ наиболѣе ученыхъ эта точка зрѣнія была нѣсколько мягче. Но со второй половины XVIII в. является новое направленіе, не только враждебное къ всякимъ отличіямъ церковнымъ, но и къ самой религіи, направленіе крайняго религіознаго скептицизма.

Это направленіе въ церковно-исторической наукѣ находится въ

связи съ общимъ направленіемъ литературы во 2-ю половину прошлаго вѣка. Оно прежде всего стало высказываться въ великосвѣтскихъ гостиныхъ, среди аристократіи, въ легкой литературѣ – сатирѣ. Первоначальные корни этого направленія были житейскіе, а не научные. Высшее общество въ Англіи и Франціи, гдѣ это направленіе зародилось, уже давнымъ давно открылось на практикѣ отъ болѣе серьезныхъ требованій религіи и морали и хотѣло только того, чтобы сбросить съ себя всякій авторитетъ и въ области мысли и совѣсти, желая болѣе простора, свободы. Сюда же присоединились новыя научныя открытія и философскія идеи, развивавшіяся въ сторонѣ отъ религіознаго сознанія и приходившія къ выводамъ, которые не совпадали съ религіозными преданіями. Отсюда возникло столкновеніе между научно-философской и религіозной областью.

Этому направленію помогали и самые представители церкви, въ рукахъ которыхъ христіанство обратилось въ сухую доктрину, и которые высказывали равнодушіе къ потребностямъ времени и даже фанатизмъ. Наконецъ, во 2-ю половину XVIII в. сильно обнаружилось стремленіе къ ниспроверженію стараго политическаго строя, а онъ былъ тѣсно связанъ съ церковнымъ строемъ во многихъ странахъ, даже протестантскихъ. Поэтому, нападки направились и на церковь. Доходили до крайностей, не разбирая злоупотребленій отъ сущности религіи; ради злоупотребленій нѣкоторыхъ представителей церкви, изъ вражды къ духовенству, переносили эту вражду и на самую идею церкви. – Такъ сталъ созрѣвать это направленіе, враждебное и къ самой сущности церкви и религіи.

Это направленіе зародилось въ Англіи, потомъ перешло во Францію. Въ каждой странѣ оно имѣло особый характеръ. Въ Англіи оно было либеральнѣе, глубже, крѣпче чѣмъ во Франціи; но тамъ оно не дошло до такихъ крайнихъ результатовъ, какъ во Франціи, гдѣ оно обнаружилось въ попыткѣ совершеннаго ниспроверженія христіанства. Въ наукѣ и литературѣ это направленіе имѣло легкій, поверхностный, хотя и самоувѣренный характеръ. Рѣдко можно было встрѣтить какое-нибудь серьезное отношеніе къ христіанству. Были лишь отрывочныя нападенія, въ видѣ остротъ, на наиболѣе слабыя стороны, на злоупотребленія, а отъ нихъ они переносились и на самую сущность христіанской религіи. Въ области церковной исторіи, во

Франціи и Англіи это направленіе почти ничьмъ не заявило себя; но мы должны назвать нъсколько сочиненій, не столько богословскихъ, сколько свътскихъ, въ которыхъ сказалось отношеніе къ церковной исторіи. Прежде всего назовемъ „Исторія упадка и разрушенія Римской Имперіи" Гіббон'а (1776-88). Это главнымъ образомъ политическая исторія римской и византійской имперіи; авторъ касается также судьбы другихъ, сопредъльныхъ странъ и народовъ. Христіанской исторіи здъсь посвящается лишь нъсколько главъ, главнымъ образомъ гл. XV-XVI. Но собственно въ этихъ-то главахъ авторъ полагаетъ весь центръ тяжести своего сочиненія, въ чемъ онъ и самъ сознается. Чтобы отстранить отъ себя научную отвътственность за все, что онъ говоритъ тутъ, Гиббонъ мъстами оговаривается, что онъ по церковной исторіи не спеціалистъ. Въ той части, гдъ онъ говоритъ о развитіи догматовъ, онъ какъ бы намъренно высказываетъ свое невъжество и равнодушіе къ этой сторонъ дъла. Но это замъчаніе лишь читателю, вооруженному критикой и свъдущему въ церковной исторіи; читателя же поверхностнаго Гиббонъ можетъ поразить своей начитанностью и оригинальностью.

Отношеніе къ христіанству у Гиббона осторожное. Прямаго несочувствія онъ нигдъ не высказываетъ; онъ даже дълаетъ различіе между сущностью христіанства и его пропитьемъ. Онъ самъ говоритъ, что намъренъ разсматривать христіанство не въ той небесной чистотъ, какимъ оно сошло на землю, а въ толъ испорченномъ видъ, какъ оно сказалось въ исторіи. Но онъ и останавливается лишь на этой испорченной сторонъ. Повидимому, у него есть даже личные счеты съ христіанствомъ, какая-то тенденція писать противъ христіанства. Онъ самъ сознается, что первая мысль написать это сочиненіе зародилась у него въ Римъ, на форумъ, когда онъ вспоминалъ о лучшихъ временахъ Рима и сравнивалъ ихъ съ его современнымъ запущеннымъ состояніемъ. Тогда онъ пришелъ къ тому убъжденію, что виной этому христіанство, что оно внесло разложеніе въ римское государство, и онъ задался цълью изобразить, какъ христіанство способствовало упадку Западной Римской Имперіи и особенно Византійской, исторію которой онъ доводитъ до IV в. Такимъ образомъ, исторія Гиббона, несомнънно, носитъ характеръ пристрастія; но это

пристрастіе онъ старается замаскировать и представить подъ покровомъ, повидимому, научныхъ пріемовъ. - Частные пріемы Гиббона состоятъ въ слѣдующемъ. Касаясь исторіи христіанства, онъ вездѣ выставляетъ наиболѣе слабыя стороны. Но брать только испорченныя стороны - это не научный пріемъ. Чтобы объяснить великіе историческіе факты - а такимъ, во всякомъ случаѣ, остается христіанство - историкъ долженъ обратить вниманіе на положительныя стороны. Но еще болѣе пристрастенъ тотъ пріемъ, что Гиббонъ старается представить самыя идеальныя, свѣтлыя стороны христіанской жизни въ мрачномъ видѣ. Напр., говоря о мученикахъ - этомъ, до того времени еще небываломъ проявленіи героизма, преданности идеѣ - Гиббонъ старается это стремленіе къ мученичеству свести къ самымъ низменнымъ мотивамъ, объяснить какою-то повальной экзальтаціей, или мелкимъ тщеславіемъ. А затѣмъ онъ старается уменьшать и самый объемъ этого явленія, доказывая, что число мучениковъ не было такъ велико, какъ это описываютъ первые христіанскіе историки. - Вездѣ Гиббонъ старается свести высокое, нравственное на низкое, грубое. Напр., излагая характеристику великихъ учителей церкви, признавая за многими изъ нихъ великій умъ, тѣмъ не менѣе ихъ дѣйствія въ пользу церкви онъ старается объяснить мотивами невысокаго происхожденія: честолюбіемъ, упрямствомъ и т.д. Напр. самую мученическую смерть св. Кипріана онъ объясняетъ его тщеславіемъ! - Говоря о теоретической сторонѣ христіанства, о развитіи христіанскаго богословія, Гиббонъ старается выказать небрежность къ этой сторонѣ дѣла, говоря, что все это пустая схоластика. Конечно, многіе богословы, древніе и особенно средневѣковые, вдавались въ крайности, въ схоластическія тонкости, но все же историку нельзя было не отнестись серьезно къ основной сущности дѣла. Говоря о развитіи аскетической жизни, Гиббонъ старается самую сущность аскетизма представить въ противоестественномъ, грубомъ видѣ.

Если же подобныя явленія встрѣчаются внѣ христіанства, то онъ съ сочувствіемъ останавливается на нихъ. Напр., то же самое стремленіе къ разрѣшенію высшихъ религіозныхъ вопросовъ, тотъ же самый аскетизмъ, встрѣчая его у древнихъ неоплатониковъ, онъ съ уваженіемъ превозноситъ. Твердость убѣжденій, преданность сво-

лишь идеями, которую онъ старается низвести съ высокаго пьедестала въ христіанскомъ мученичествѣ, Гиббонъ превозноситъ, если она встрѣчается между язычниками. То же самое высказывается изъ сопоставленія разныхъ характеристикъ, напр. при сопоставленіи Константина и Юліана, Аѳанасія и Арія. Далѣе о варварскихъ народахъ Гиббонъ говоритъ съ бо́льшимъ сочувствіемъ, чѣмъ о христіанской Византіи, такъ что очевидно, что онъ прилагаетъ неодинаковую мѣрку къ разнымъ историческимъ событіямъ.

Затѣмъ, что касается до сверхъестественныхъ фактовъ, то большая часть ихъ совсѣмъ обходится имъ съ усмѣшкой, а другіе онъ старается свести на простые, естественные факты.

Увлекаетъ Гиббонъ довольно поверхностнаго читателя тѣмъ, что онъ не высказываетъ рѣзко порицаній, а набрасываетъ маску высокомѣрнаго отношенія къ тѣмъ фактамъ, которымъ онъ не сочувствуетъ и значеніе которыхъ старается уронить. Это писатель, во всякомъ случаѣ, умный, талантливый, живо изображающій событія, поражающій громадностью и разносторонностью своей эрудиціи, хотя, впрочемъ, и не самостоятельной, не изъ первыхъ источниковъ. По отношенію къ христіанской исторіи онъ потому производитъ впечатлѣніе, что касается почти всѣхъ сторонъ древней христіанской исторіи и на все даетъ готовую точку зрѣнія въ раціоналистическомъ духѣ. Такимъ образомъ, его сочиненіе представляетъ какъ бы арсеналъ готовыхъ нападокъ на исторію христіанства.

Недавно это сочиненіе появилось и на русскомъ языкѣ. Въ русскомъ переводѣ отношеніе къ христіанству высказывается болѣе рѣзко, потому что нашъ переводчикъ выбралъ для себя такое англійское изданіе, въ которомъ издатель старался, въ своихъ примѣчаніяхъ, утрировать и преувеличивать взгляды Гиббона. Русскій переводъ вялый, мѣстами туманный; при недостаточномъ пониманіи была со стороны переводчика.

Затѣмъ, въ Англіи же, явилось сочиненіе меньшаго объема, но спеціально посвященное исторіи христіанства, подъ заглавіемъ: „<u>Исторія искаженія христіанства</u>". Но въ чемъ состоялъ первоначальный христіанскій идеалъ? Это остается неяснымъ. Къ искаженію, между прочимъ, относится и вѣра во Христа какъ Бога, вѣра въ

Троицу. Это сочинение принадлежитъ англійскому ученому Пристлей (Priestley) (ум. въ Вашингтонъ, 1804).

Въ 70–80-хъ годахъ прошлаго вѣка раціонализмъ сталъ проникать и въ Германію, въ ту, именно, эпоху, когда эта страна стала уже освобождаться отъ чужеземнаго, главнымъ образомъ французскаго вліянія. Такимъ образомъ, самостоятельное развитіе Германіи совпало съ проникновеніемъ раціонализма. Но здѣсь онъ получилъ болѣе серьезный характеръ, подобно тому, какъ это было въ XV–XVI вѣкахъ съ гуманизмомъ. Въ Италіи гуманизмъ носилъ легкій характеръ и не обращалъ серьезнаго вниманія на нравственные и религіозные вопросы. Въ Германіи же онъ высказалъ серьезное отношеніе къ этимъ вопросамъ. Точно также, въ прошломъ вѣкѣ, въ Германіи не было замѣтно такого легкаго отношенія къ религіи, какъ это было во Франціи; здѣсь внимательно относились къ религіи и церковно-историческимъ фактамъ. Если и появлялись тутъ крайнія раціоналистическія сочиненія, то они исходили изъ среды іудеевъ, которые рады были воспользоваться случаемъ высказать свою давнюю ненависть къ христіанству во имя науки; но эти сочиненія большой цѣнности не имѣютъ. И здѣсь иногда высказывались отдѣльныя нападки на христіанство со стороны представителей свѣтской литературы (Лессингъ, Реймарусъ, Гердеръ, Шиллеръ, Кампе, Базедовъ). Но вообще раціоналистическое направленіе тутъ вскорѣ обособилось въ отдѣльныхъ богословскихъ и церковно-историческихъ изслѣдованіяхъ.

Первымъ основателемъ и проводникомъ раціонализма въ библейской и церковной исторіи былъ Іоаннъ Земмлеръ; профессоръ въ Галле. Онъ главнымъ образомъ занимался не исторіей, а христіанской экзегетикой и догматикой; но отъ него осталось также нѣсколько монографій по исторіи первыхъ вѣковъ христіанства, а затѣмъ во всѣхъ его сочиненіяхъ мы находимъ множество раціоналистическихъ идей по церковной исторіи. Бауеръ высказался о его сочиненіяхъ, что „они представляютъ площадь, гдѣ навалены неразобранный мусоръ и цѣнный матеріалъ". Земмлеръ мимоходомъ высказалъ много краткихъ замѣчаній, которыя были весьма плодотворны для послѣдующаго развитія раціонализма: Между прочимъ, онъ проводитъ 2 основныя идеи, въ сущности вѣрныя, но которыя, при односторонности развитія, могутъ быть доведены до крайняго раціонализма. 1. Идея историческаго развитія

религіи; религія хотя и есть вѣчное достояніе человѣчества, развивается однако въ связи съ другими явленіями человѣческой жизни. 2. Самое основаніе христіанства, Св. Писаніе, мы не можемъ принимать въ чуломъ видѣ. Божественное Откровеніе являлось въ формѣ человѣческаго слова; на немъ долженъ былъ лежать отпечатокъ человѣческой личности, извѣстной среды, времени, общества; слѣдовательно, оно носитъ много человѣческихъ прибавокъ. Несомнѣнно, что религія, твердая въ своей сущности, подлежитъ развитію; что на священныхъ книгахъ лежитъ характеръ извѣстнаго времени; что необходимо въ духѣ религіи различать вѣчную сторону отъ измѣняющейся и основную истину отдѣлять отъ человѣческихъ чертъ. Но это отдѣленіе очень трудно; обѣ стороны религіи, временная и вѣчная, находятся въ органическомъ сочетаніи; нужна большая осторожность и особая преданность религіи, чтобы не отбросить чего-либо важнаго изъ ея содержанія, какъ это случилось при дальнѣйшемъ развитіи раціонализма.

Изъ дальнѣйшихъ германскихъ раціоналистовъ назовемъ: Михаэлиса, Эйхгорна, Паулуса — въ XVIII, Де-Ветте — въ началѣ XIX вѣка. Они главнымъ образомъ работали въ области библейской критики. Здѣсь раціоналистическія тенденціи совпали съ новымъ направленіемъ науки въ Германіи во 2-ю половину XVIII вѣка. Открыто было, что существуютъ разныя редакціи памятниковъ; что въ нихъ бываютъ позднѣйшія наслоенія; что многія произведенія не принадлежатъ, въ дѣйствительности, тѣмъ, кому они приписываются, или принадлежатъ иногда нѣсколькимъ авторамъ, или даже цѣлому народу. Изъ общей критики эти принципы были перенесены въ библейскую критику, гдѣ они должны были бы имѣть менѣе мѣста по самому существу религіозныхъ памятниковъ. 1. Эти памятники находились подъ большимъ контролемъ. Ветхозавѣтныя книги находились подъ строгимъ наблюденіемъ у раввиновъ, новозавѣтныя подъ наблюденіемъ церковныхъ пастырей. 2. Никакой памятникъ не сохранился въ такомъ множествѣ списковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такимъ согласіемъ, какъ Библія; есть только второстепенные варіанты. Но раціонализмъ сталъ давать критическимъ пріемамъ большіе размѣры въ библейской области, даже большіе, чѣмъ для другихъ памятниковъ. Но этимъ самымъ разрушалось протестантское богословіе. Протестантство утверждается на одной Библіи; поэтому оно должно было тверд-

до держаться ея. А когда появилось скептическое отношеніе къ Библіи, то должна была разрушиться и вся область протестантскаго богословія.

Въ собственно церковной исторіи этотъ раціонализмъ высказался въ 80-хъ годахъ. Въ 1782 г. явилось небольшое сочиненіе по церковной исторіи, написанное Шпиттлеромъ*; оно талантливо написано, но въ раціоналистическомъ духѣ, на что указываютъ уже самыя первыя слова его: „Никогда въ исторіи не происходило такого великаго переворота, какъ тотъ, который произвелъ одинъ іудей, по имени Іисусъ". Но книга эта написана сдержанно. Какъ школьное руководство, она имѣла большое вліяніе.

Затѣмъ, послѣ этого сдержаннаго, мягкаго сочиненія, въ 1788 г. явилось другое сочиненіе по церковной исторіи, очень большое, оконченное только въ 20-хъ годахъ. Оно принадлежитъ Генке, гельмштедтскому профессору. Въ этой исторіи раціонализмъ высказался, можно сказать, въ какомъ то рѣзкомъ характерѣ. Приведемъ 2 отзыва объ этой исторіи. Шаффъ, извѣстный протестантскій богословъ и историкъ, сказалъ, что у Генке церковь представляется какимъ-то заведеніемъ для душевно-больныхъ; а Нагенбахъ выразился, что у Генке вся исторія церкви получаетъ видъ развитія человѣческихъ слабостей и заблужденій, а факторами, изъ которыхъ сложилась церковная жизнь, являются: фанатизмъ, мизеріи, подлость, помѣшательство и т.д.

Протестантская церковная исторіографія XIX в.

1. Положительное направленіе.

Въ XIX в. разработка церковной исторіи стала на высшую ступень сравнительно съ прежними вѣками. Правда, по изданіямъ церковно-историческаго матеріала нашъ вѣкъ далеко уступаетъ XVII или XVIII-му, но со стороны разработки историческаго матеріала, критическаго отношенія къ памятникамъ и обобщенія фактовъ, по стремленію представить цѣльное и осмысленное освѣщеніе христіанской исторіи,

---

*Вюртембергскимъ министромъ.

XIX вѣкъ занимаетъ самое выдающееся мѣсто.

Главнымъ образомъ разработка церковной исторіи велась въ Германіи, потому, конечно, что Германія въ XIX в. была долгое время передовой страной; а отчасти потому, что здѣсь особенно развивалась философія, филологія и исторія литературы, развитіе которыхъ всегда находилось въ связи съ богословской и церковно-исторической наукой.

Въ области германской церковной историографіи, протестанты стояли впереди католиковъ, особенно въ первую половину XIX вѣка; только со 2-й половины эти отношенія начинаютъ мѣняться. – Среди нѣмецкихъ протестантовъ наука церковной исторіи развивалась въ двухъ направленіяхъ: въ положительномъ, относящемся сочувственно къ христіанству, и скептическомъ, раціоналистическомъ. Впрочемъ, въ раціонализмѣ XIX в. уже не замѣчается прежней рѣзкости, запальчивости. Что же касается до церковнаго, положительнаго направленія, то оно не такъ замкнуто, какъ прежде, оно пользуется всѣми критическими пріемами и усваиваетъ себѣ результаты научныхъ работъ, даже отрицательнаго направленія, если только встрѣчаетъ въ нихъ что-либо цѣнное. У отрицательнаго направленія, какъ мы уже сказали, нѣтъ такого задора, рѣзкости, какъ у раціонализма XVIII вѣка. Оно съ серьезностью и уваженіемъ относится къ христіанству, какъ къ великому историческому факту; оно уже не бросаетъ отдѣльныхъ нападокъ на частныя слабыя стороны христіанской исторіи, до какихъ были охотники раціоналисты XVIII в.; раціоналисты XIX в. сосредоточили всѣ свои нападки только на нѣсколькихъ важныхъ пунктахъ. Теперь мы обратимся къ важнѣйшимъ работамъ того и другого направленія въ области протестантской церковной исторіографіи XIX в.

Между положительными историками 1-й половины XIX в. назовемъ Неандера и Гизелера.

Неандеръ былъ еврей, въ молодости обратившійся въ христіанство и всю жизнь свою посвятившій изученію христіанской исторіи. Въ 1813 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ Гейдельбергскаго университета, а въ 1814 – Берлинскаго, гдѣ и занималъ каѳедру до 1850 г. т.е. до самой своей смерти. Сперва онъ издалъ нѣсколько монографій: о св. Златоустѣ, св. Бернарѣ, Тертулліанѣ, Юліанѣ Отступникѣ, о гностицизмѣ. Онъ избиралъ такіе пункты изъ христіанской исторіи, которые имѣ-

ютъ наибольшее значеніе. Такъ его изслѣдованіе о Златоустѣ представляетъ типъ христіанскаго пастыря IV вѣка; монографія о св. Бернарѣ рисуетъ характеристику среднихъ вѣковъ; монографія объ Юліанѣ рѣшаетъ весьма важный вопросъ объ отношеніи язычества къ христіанству; монографія о Тертулліанѣ разсматриваетъ монтанистическое движеніе; наконецъ, монографія о гностицизмѣ изслѣдуетъ переходъ языческихъ идей на христіанскую почву.

Затѣмъ, Неандеръ, который всегда имѣлъ въ виду не только научное изслѣдованіе церковной исторіи, но и нравственное ея вліяніе на общество, въ 20-хъ годахъ предпринялъ популярное изданіе: „Достопримѣчательности изъ исторіи христіанской церкви".

Наконецъ, съ 1824 г. начала выходить его „Общая исторія христіанской церкви", продолжавшаяся до самой его смерти. Онъ издалъ 11 небольшихъ книгъ, которыя потомъ составили 2 большихъ тома. Въ этомъ трудѣ онъ излагаетъ исторію христіанства съ самаго начала до 1414 г., т.е. до Констанцскаго собора. Отъ этого главнаго труда Неандеръ отрывался только въ концѣ 30-хъ годовъ, когда сильно стало высказываться новое раціоналистическое направленіе, когда Штраусъ и Бауръ произвели переполохъ въ обществѣ. Тогда онъ издалъ 2 книги: одну — „о жизни Христа", другую — объ исторіи апостоловъ, чтобы противодѣйствовать поспѣшнымъ выводамъ отрицательной школы.

Но главный трудъ Неандера — „Общая церковная исторія", по которой его имя стало во главѣ новыхъ германскихъ церковныхъ историковъ. Она отличается большими достоинствами. Главное — необыкновенная эрудиція, затѣмъ — точность и добросовѣстность и высоко-нравственное направленіе этого труда. Эрудиція Неандера признается всѣми учеными. Хотя онъ и мало дѣлаетъ ссылокъ, цитатъ, но читая его исторію, чувствуешь, что здѣсь каждая строка основана на внимательномъ изученіи памятниковъ. Онъ перечиталъ въ подлинникѣ почти всѣхъ учителей церковныхъ. Поэтому его самого называютъ иногда „послѣднимъ отцемъ церкви". Затѣмъ, его трудъ поражаетъ своимъ высоко-нравственнымъ и искренне-христіанскимъ направленіемъ. Неандеръ приступилъ къ церковной исторіи, какъ къ великому научному и вмѣстѣ съ тѣмъ религіозному подвигу и старается провести ту главную мысль, что значеніе христіанства въ исторіи объясняется евангельской притчей о закваскѣ. Съ этой-то точки зрѣнія

т.е. со стороны прогресса, онъ и разсматриваетъ церковную исторію. Онъ оптимистъ но въ христіанскомъ смыслѣ. По его словамъ, историкъ должен съ благоговѣніемъ останавливать свое вниманіе на всѣхъ, такъ сказать, слѣдахъ Основателя христіанства въ исторіи. Христіанскому богословцу и церковному историку недостаточно быть только ученымъ человѣкомъ, но и нравственнымъ. „Христіанскаго богослова дѣлаетъ не столько умъ, сколько благочестіе чувства." Наконецъ, исторія его поражаетъ своей объективностью и безпристрастіемъ. У него нѣтъ того задора, рѣзкости, съ какой прежніе протестантскіе историки относились къ Среднимъ Вѣкамъ, особенно къ католичеству. Главнымъ образомъ онъ рисуетъ свѣтлыя стороны христіанской жизни, но не закрываетъ глаза и на слабыя, темныя стороны. Но отношеніе темныхъ сторонъ къ свѣтлымъ у него таково, что темныя стороны не заслоняютъ свѣтлыхъ. Замѣчательно также его безпристрастіе къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ и древне-христіанскимъ сектамъ; въ послѣднемъ случаѣ, онъ даже преувеличиваетъ дѣло.- Вотъ главныя достоинства исторіи Неандера.

Но въ ней есть и серьезныя слабыя стороны. Вопервыхъ, но это, впрочемъ, зависитъ не отъ Неандера, а скорѣй отъ характера протестантства, подъ вліяніемъ котораго онъ воспитывался и писалъ: у него же совсѣмъ тверда идея церкви христіанской. Онъ какъ бы раздѣляетъ сущность религіи христіанской и жизнь церкви христіанской. Какъ протестантъ онъ цѣнитъ главнымъ образомъ теоретическую часть христіанства. Поэтому-то исторія христіанскаго богословія самая лучшая часть его труда. Но въ изложеніи развитія церковнаго управленія и обрядовой стороны у него болѣе легкости. Затѣмъ, особенной глубины въ его изложеніи нѣтъ. Онъ былъ только мыслитель-историкъ, а не философъ-историкъ.- Неандеръ вездѣ даетъ живое, но не художественное изложеніе; въ его описаніяхъ нѣтъ картинности, живыхъ характеристикъ. Мѣстами замѣтна сухость, растянутость, монотонность, иногда сантиментальность.- Недостатки почти всякаго книжнаго изложенія.

Второй замѣчательный церковный историкъ, профессоръ Гёттингенскаго университета, Гизелеръ. Онъ позже Неандера вступилъ на ученое поприще, но уже съ 20-хъ годовъ начала выходить его исторія. Умеръ

онъ въ 1854 г. Подобно Неандеру, онъ началъ свою ученую дѣятельность съ монографическихъ работъ, а съ 1824 г. начала выходить его общая исторія христіанства. Она доведена до половины XIX вѣка. Изъ самыхъ было издано только 9 частей, исторія христіанства до конца XVIII вѣка. Остальныя изданы уже послѣ его смерти. Часть 10-я заключаетъ исторію христіанской церкви въ 1-ю половину XIX в., часть 11-я – исторію развитія христіанскихъ догматовъ въ разные вѣка. Относительно учености Гизелера можно поставить наравнѣ съ Неандеромъ и трудно даже сказать, кому изъ нихъ отдать преимущество. Но самый методъ изложенія его исторіи отличается отъ изложенія Неандера. Гизелеръ задался задачей достигнуть полнѣйшаго объективизма, такъ чтобы совершенно незамѣтна была личность самого историка. Для этого онъ принялъ такой методъ: самое изложеніе исторіи у него сжато, кратко. Этого текста встрѣчается по строкѣ или по двѣ на страницѣ, а подъ чертой чуть-ли не каждое слово поясняется ссылкой на источники. Здѣсь приводятся въ подлинникѣ отрывки греческихъ и римскихъ писателей, большею частью буквально. Отъ себя Гизелеръ дѣлаетъ лишь самыя краткія замѣчанія, гдѣ нужно, напр., какое показаніе слѣдуетъ предпочесть. Понятно, какой драгоцѣнный матеріалъ представляютъ эти примѣчанія. Правда, самый текстъ не важенъ и мало оригиналенъ. Поэтому эта исторія не годится для легкаго, популярнаго чтенія. Это слишкомъ сухая и краткая исторія. Это, такъ сказать, историческая хрестоматія, съ той только разницей, что отрывки излагаются здѣсь не по произволу, а послѣдовательно ведутся черезъ главнѣйшія эпохи древней христіанской исторіи; притомъ это очень небольшіе кусочки, которые непосредственно относятся къ факту, о которомъ говорится въ текстѣ. Новаго у Гизелера очень мало. Нѣтъ и живости, картинности, одушевленія. Затѣмъ, этотъ методъ приложимъ только къ древнимъ христіанскимъ вѣкамъ. Но напр. въ средніе вѣка число памятниковъ умножается; дѣлать извлеченія изъ всѣхъ этихъ памятниковъ невозможно, а между тѣмъ, памятники теряютъ оригинальный характеръ. Поэтому Гизелеръ часто отступаетъ отъ своего метода при изложеніи среднихъ вѣковъ. А въ исторіи XIX в. уже совсѣмъ другой методъ; это – живое, умное изложеніе событій протестантской исторіи XIX вѣка. Это показываетъ, что Гизелеръ могъ бы быть живымъ излагателемъ событій церковной жизни; но онъ себя

сдерживать, желая заставить говорить о себѣ самые памятники.

Вотъ два наиболѣе замѣчательныхъ и ученыхъ произведенія по церковной исторіи въ XIX в. Затѣмъ назовемъ другихъ ученыхъ, не столь самостоятельныхъ, но всетаки выдающихся.

Во-первыхъ, назовемъ базельскаго профессора Гагенбаха. Его труды относятся къ популяризаціи церковной исторіи. Онъ читалъ публичныя лекціи въ Базелѣ, и въ 1858 г. собралъ ихъ въ одинъ цѣльный трудъ, обозрѣвающій исторію христіанства съ первыхъ вѣковъ до половины нашего вѣка (въ 7 книгахъ). Его произведеніе замѣчательно тѣмъ, что онъ умѣлъ сочетать научныя требованія съ талантомъ популяризатора. Въ то время популяризація церковной исторіи была дѣломъ рѣдкимъ. Германскіе ученые писали тогда очень сухо. Гагенбахъ удачно популяризировалъ церковно-историческіе факты. Затѣмъ, Гагенбахъ отличается по благородству тона. Онъ примыкаетъ къ положительному направленію, но съ уваженіемъ относится и къ трудамъ отрицательнаго направленія. Также и въ вѣроисповѣдномъ отношеніи Гагенбахъ, хотя онъ и протестантъ, хотя и съ восторгомъ относится къ реформаціи, но съ уваженіемъ и сочувствіемъ говоритъ также и о другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ. Событія церковной исторіи разсмотрѣны имъ не изолированно, а въ связи съ событіями общей исторіи. Онъ касается даже исторіи народной литературы. Поэтому его исторія представляетъ талантливое и живое изложеніе. Для неспеціалиста эта исторія можетъ быть рекомендована болѣе какого-нибудь другаго сочиненія по церковной исторіи на нѣмецкомъ языкѣ.

Шафферъ, американскій нѣмецъ, сперва работалъ въ Германіи, а теперь въ Америкѣ, читалъ большую часть своихъ публичныхъ лекцій въ Нью-Іоркѣ. Еще въ Германіи онъ обратилъ на себя вниманіе апостольской исторіей. Затѣмъ, въ началѣ 50-хъ годовъ онъ издалъ 2 части дальнѣйшей исторіи: 1-я — до Константина, 2-я — до Григорія Великаго. Года 2 назадъ вышла 3-я часть — до Григорія VII. Это одна изъ самыхъ умныхъ, спокойныхъ и умѣренныхъ въ своихъ взглядахъ церковныхъ исторій, новаго времени. Въ этомъ отношеніи Шафферъ превосходитъ даже Неандера, котораго онъ ученикъ. Мѣстами Шафферъ даже глубже его. Исторія церковной іерархіи, управленія, обрядности, у него основательнѣе, чѣмъ у другихъ нѣмцевъ. Онъ смотритъ на

это не какъ на лишній нарость. Онъ всего ближе подходитъ къ православнымъ взглядамъ.

Курицъ, профессоръ Дерптскаго университета, давно уже работающій, добросовѣстный ученый. Кромѣ трудовъ по библейской исторіи ему принадлежатъ: 1) (краткое) Abriss der Kirchengeschichte; 2) для студентовъ — Lehrbuch der Kirchengeschichte — лучшій его трудъ съ точнымъ указаніемъ литературы; 3) Handbuch der Kirchengeschichte — попытка большихъ размѣровъ, остановившаяся на XII в. въ западной церкви и до половины XV-го въ восточной. Въ ней онъ обратилъ большое вниманіе на восточную церковь, къ которой западные историки до послѣдняго времени относились небрежно. У Курица же исторія восточной церкви, по раздѣленіи церквей, составляетъ особый отдѣлъ, хотя и не обнимающій всего содержанія, которое вообще еще мало разработано.

Между учебниками по церковной исторіи пользовался особой славой учебникъ Hase, по своему сжатому, ясному изложенію, а отчасти потому, что тутъ проведена нѣмецкая точка зрѣнія, а именно — дѣленіе церковной исторіи на 3 періода. Во-первыхъ, развитіе христіанства на почвѣ классическаго міра*; во-вторыхъ, христіанство въ жизни романскихъ народовъ до реформаціи; третій періодъ — развитіе христіанства въ духѣ новыхъ германскихъ народовъ. Это дѣленіе несправедливо въ томъ отношеніи, что тутъ развитіе христіанства пріурочивается къ народной исторіи; въ средніе вѣка исключительно разсматривается западная церковь, а въ новое время — протестантство.

Вёчіндеръ — швейцарскій нѣмецъ, сначала раціоналистъ, а потомъ онъ до того проникся положительными идеями, что сдѣлался почти мистикомъ. По внѣшнему изложенію его труды (болѣе 10 частей) представляютъ рядъ отдѣльныхъ монографій, изъ которыхъ нѣкоторыя составляютъ цѣлыя части.

Самый послѣдній — Нетцод, лишь лѣтъ 5 назадъ предпринявшій церковную исторію и доведшій ее до реформаціи. Во взглядахъ онъ болѣе узкій протестантъ, чѣмъ многіе изъ его предшественниковъ; но онъ замѣчательный знатокъ новой церковной литературы, на которую онъ даетъ подробныя указанія въ своемъ трудѣ.

Нетцод болѣе извѣстенъ своимъ другимъ трудомъ: Еще въ 40-хъ годахъ

---

*До Григорія Великаго.

онъ задумалъ издать богословско-исторический словарь. Такъ составилась богословская энциклопедія, составленная изъ трудовъ лучшихъ спеціалистовъ. Теперь она вышла 2-мъ изданіемъ.

Есть еще много замѣчательныхъ ученыхъ, извѣстныхъ по отдѣльнымъ изслѣдованіямъ. Изъ 30-40-хъ годовъ, назовемъ Ульмана, богослова и церковнаго историка, издателя извѣстнаго журнала Theologische Studien und Kritik – умнаго, гуманнаго ученаго. Его Das Wesen des Christenthums, написанное по поводу сочиненія Фейербаха подъ тѣмъ же заглавіемъ, развиваетъ философское воззрѣніе на христіанство, особенно на ученіе объ искупленіи. Другія его сочиненія: монографіи о Григоріи Богословѣ, о „Реформаторахъ до реформаціи", т.е. о средневѣковыхъ мистикахъ, подготовившихъ реформацію.

Дорнеръ – извѣстенъ особенно изслѣдованіемъ: „Развитіе ученія о личности Христа".

Ричардъ Роте, занимавшійся изслѣдованіемъ самаго образованія христіанской церкви, отчаянный гегельянецъ по своему изложенію и терминологіи, но весьма глубокомысленный и серьезный изслѣдователь. Онъ первый болѣе органически представилъ развитіе внѣшней организаціи христіанской церкви.

Марейнеке. Его „Исторія церкви" не особенно важна. Главный его трудъ – „Символика" т.е. сравнительное обозрѣніе христіанскихъ исповѣданій.

Герике – добросовѣстный изслѣдователь по христіанской археологіи и особенно по изслѣдованію судьбы книгъ Св. Писанія. Эта сторона богословія всегда имѣла большое значеніе для протестантовъ, особенно когда Тюбингенцы заподозрѣли Св. Писаніе.

Есть и русскій переводъ сочиненія его о книгахъ Св. Писанія, сдѣланный арх. Михаиломъ.

Ульгорнъ, ученый и популяризаторъ, изслѣдователь древнихъ вѣковъ христіанства. Замѣчательна его „Исторія развитія христіанской благотворительности".

Въ послѣднее время опять у германскихъ ученыхъ замѣчается новое направленіе. Вмѣсто общихъ трудовъ по церковной исторіи, вмѣсто развитія общихъ взглядовъ опять замѣчается въ германской наукѣ поворотъ къ старому, опять обращаются къ серьезному изученію и провѣркѣ самыхъ памятниковъ.

Этому положилъ начало профессоръ Тишендорфъ, нашедшій новый кодексъ Библіи, издавшій апокрифическія дѣянія, апостолъ, апокалипсисъ и нѣкоторыя неизвѣстныя доселѣ рукописи отцевъ церкви.

Изъ новѣйшихъ ученыхъ на этомъ поприщѣ назовемъ Lipsius'a, Harnack'a (издателя библіографической газеты – Theologische Literaturzeitung), Zahn'a и Hebhardt'a. Но вообще въ современной германской церковной исторіографіи замѣчается какъ бы ослабленіе прежняго увлеченія, склонность болѣе всего къ частнымъ, мелочнымъ работамъ.

2. Критико-раціоналистическое направленіе въ наукѣ церковной исторіи XIX вѣка.

Рядомъ съ положительнымъ направленіемъ въ наукѣ церковной исторіи, въ XIX вѣкѣ, развивается также направленіе раціоналистическое. Западно-европейскій раціонализмъ XIX в. есть, конечно, продолженіе того раціонализма, который зародился въ XVIII вѣкѣ. Но онъ отличается отъ него въ характерѣ и условіяхъ своего развитія.

Раціонализмъ XVIII в. уже къ 80-мъ годамъ дошелъ до крайности и сказался самыми рѣзкими теоретическими выводами и практическими примѣненіями. Но эти преувеличенія, крайности, скоро привели къ разочарованіямъ, къ возвращенію старыхъ формъ и вѣрованій. Это сказалось и въ богословской наукѣ. Многіе изъ прежнихъ раціоналистовъ обратились въ піетистовъ и католиковъ. Но эта эпоха продолжалась очень недолго и значительныхъ трудовъ въ церковной исторіи не произвела. Есть въ этомъ направленіи церковная исторія графа Штольберга, стерва протестанта, а потомъ перешедшаго въ католицизмъ; но этотъ трудъ неоконченъ. – Въ самомъ протестантствѣ въ 20-хъ годахъ произошли важныя событія, которыя возбудили болѣе положительное направленіе. Къ 20-мъ годамъ приближался 300-лѣтній юбилей реформаціи. Возникла мысль о соединеніи лютеранскаго и реформатскаго общества въ одну евангелическую церковь. Эта попытка осуществилась лишь отчасти: но юбилей реформаціи произвелъ сильное вліяніе на протестантское общество и литературу. Появилось множество проповѣдей и трактатовъ на тему о великомъ значеніи реформаціи. Всѣ эти условія способствовали отчасти тому, что хотя раціоналистическое направле-

ніе никогда не умирало вполнѣ, но въ началѣ нынѣшняго вѣка оно было сдержано въ области религіозной жизни и богословской и церковно-исторической науки.

Но съ 30-хъ годовъ раціонализмъ опять сталъ сильно развиваться. Дѣло въ томъ, что въ протестантствѣ уже давно была подкопана почва для положительнаго религіознаго развитія. Только на время сдержанный раціонализмъ въ германской богословской наукѣ во 2-й четверти нынѣшняго вѣка сталъ развиваться съ прежней силой.

Между иниціаторами, возбудителями этого скептическаго направленія всего болѣе замѣчателенъ Шлейермахеръ, профессоръ берлинскаго университета и придворный проповѣдникъ, котораго считаютъ самымъ знаменитымъ германскимъ богословомъ новаго времени. Шлейермахеръ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что отъ него досель ведутъ свое происхожденіе самыя различныя партіи протестантскаго богословія. Это замѣчательный типъ развитія германской богословской мысли въ началѣ нынѣшняго вѣка. Шлейермахеръ по своему чувству былъ человѣкъ религіозный, вѣрующій, но отличался умомъ скептическимъ, критическимъ. Правда, его скептицизмъ не достигалъ крайнихъ предѣловъ, но онъ заложилъ много началовъ для позднѣйшаго развитія германскаго скептицизма. Еще въ 32-мъ году онъ читалъ публичныя лекціи о жизни Христа, въ которыхъ уже заложены всѣ тѣ пріемы, какіе потомъ развилъ Штраусъ.

Но кромѣ вліянія этого богослова присоединилось еще нѣсколько условій, которыя дали раціонализму новый характеръ. Прежде всего укажемъ на вліяніе новыхъ научныхъ и философскихъ идей и системъ.

Сперва философское направленіе въ Германіи, въ нынѣшнемъ вѣкѣ, было не враждебно религіи. Первые изъ философовъ нѣмецкихъ XIX вѣка заявляли стремленіе возстановить религію, возстановить ея права, поруганныя прежними раціоналистами. Но потомъ выходило какъ разъ наоборотъ. Оказывалось, что всякая философская система, претендовавшая помочь религіи, падала съ какой-нибудь стороны подрывала ее.

Это началось съ философіи Кантовой. Ни одинъ философъ не нанесъ такого удара раціонализму, какъ Кантъ. Въ своей „Критикѣ чистаго разума" онъ показалъ, что разумъ въ высшихъ вопросахъ не надежный путеводитель (кантовскія антиноміи*). Въ „Критикѣ практическаго

*т. е. положенія, противорѣчащія другъ другу, но доказуемыя быть до-

разума" Кантъ указалъ и на исходъ для ума изъ этого положенія; онъ указалъ, что въ этихъ вопросахъ человѣкъ долженъ слѣдовать нравственному чувству. Но всѣ скоро замѣтили, что положительная часть его философіи слабѣе критической. Поэтому его антиноміи болѣе удержались, чѣмъ его практическіе выводы, которые онъ указалъ для выхода изъ религіознаго сомнѣнія.

Такое же направленіе было и у Фихте. Онъ отправлялся отъ крайне субъективныхъ основаній, но находилъ исходъ для своихъ религіозныхъ сомнѣній въ моральной области. Однако его этическія начала имѣли менѣе вліянія, чѣмъ его крайній метафизическій скептицизмъ.

Наиболѣе имѣли вліянія на богословскую область идеи Шеллинга и Гегеля. Они прямо заявляли, что желаютъ возвратить религіи ея права, и старались подкладывать философскій смыслъ подъ каждый догматъ христіанства. Но хотя это и имѣло вліяніе на возбужденіе богословской мысли, но скорѣе вліяніе отрицательное. Дѣло въ томъ, что сами эти философы держались не на твердыхъ основахъ въ области религіозной. Въ основѣ ихъ воззрѣній лежалъ пантеизмъ. А изъ пантеизма никакая положительная религія выйти не можетъ. Нельзя молиться тому богу, котораго считаешь самымъ духомъ человѣка и не ставишь выше себя. Поэтому эти философскія системы только отрицательно вліяли на богословскую мысль.

Такъ, хотя Гегель и указывалъ на великое значеніе религіи, но его убѣжденіе, что религія есть только представленіе истины въ неразвитомъ видѣ и что въ дальнѣйшую эпоху философія должна смѣнить религію, крайне неблагопріятно для религіи. Также Гегель признавалъ значеніе церкви христіанской и старался указывать на ея положительныя стороны, какія она выказала въ исторіи; но, съ другой стороны, по его мнѣнію, церковь есть только переходная форма развитія, и жизнь церковная должна уступить свое мѣсто развитію государственной жизни.

Какъ Гегель, такъ и Шеллингъ не ограничивались только общими выраженіями сочувствія къ христіанству: они пытались даже философски осмыслить различные догматы христіанства. Однако этимъ они не только не помогали укрѣпленію этихъ догматовъ, но

казанными съ равнымъ успѣхомъ.

лишь пріуготовили мысль къ самовольному обращенію съ ними. Такъ, догматъ о Троицѣ у Гегеля выходитъ не христіанскимъ, а совсѣмъ другимъ. Это только мысль въ извѣстныхъ стадіяхъ своего развитія или — бытіе въ себѣ, внѣ себя, для себя. Также Гегель давалъ великое значеніе идеѣ искупленія, воплощенія, но объяснялъ это своеобразно. Это, по его мнѣнію, есть процессъ развитія сознанія человѣческаго духа, когда онъ сознаетъ себя единымъ съ божественнымъ духомъ. Прежде духъ человѣческій представлялъ себя безконечно ниже божества, а вотъ, въ христіанствѣ по Гегелю онъ призналъ себя впервые тожественнымъ съ божествомъ. Но это ученіе повело лишь къ обоготворенію человѣка, провозглашенному Фейербахомъ, который объявилъ, что человѣкъ всегда поклонялся и поклоняется не всемірному Богу, а лишь идеальнымъ проявленіямъ своего же духа.

Равнымъ образомъ, Шеллингъ никогда не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ пантеистическихъ представленій. Его объясненіе христіанскихъ догматовъ носитъ пантеистическій характеръ и ставится наряду съ объясненіями языческихъ миѳовъ.

Мы сдѣлали уклоненіе въ виду того, что въ новой разработкѣ церковной исторіи сказались тѣ идеи, тѣ пріемы, которые перенесены изъ философскихъ системъ, особенно Шеллинга и Гегеля.

Нечего и говорить, что позднѣйшія философскія системы въ Германіи (пессимизмъ, матеріализмъ) еще менѣе могли дать благопріятныхъ условій для развитія богословской и церковно-исторической мысли. Также и развитіе другихъ наукъ, смежныхъ съ богословіемъ и церковной исторіей, давало не мало матеріала для критики.

Такъ стало сказываться болѣе критическое отрицательное направленіе, которое вскорѣ изъ чисто богословской области перенесено въ церковно-историческую.

Сказавъ о тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ развивалось новое богословіе и церковная исторія, мы укажемъ и на тѣ черты, которыми новый раціонализмъ отличался отъ стараго.

Вопервыхъ, раціонализмъ нашего вѣка носитъ болѣе серьезный, научный характеръ. Онъ развивается на философской подкладкѣ. Въ XVIII вѣкѣ нападки на религію и церковь дѣлались свѣтскими писателями. Въ XIX в. раціонализмъ вошелъ въ самую внутреннюю область

развитія богословской и церковно-исторической науки. Вслѣдствіе научнаго духа онъ сталъ сдержаннѣе. Онъ, повидимому, сочувственно относится къ религіи; онъ указываетъ на необходимость ея научнаго изученія; онъ менѣе самоувѣренъ, болѣе остороженъ въ своихъ выводахъ. Затѣмъ рационализмъ прошлаго вѣка любилъ нападать на слабыя стороны въ христіанской исторіи, но не касался основной сущности христіанства.

Рационалисты же XIX в. дѣлаютъ иначе. Рѣдко кто изъ нихъ позволяетъ себѣ глумленіе надъ христіанствомъ и нападки на наиболѣе слабыя стороны въ христіанствѣ. Для нихъ это очень старо. За то они стараются сосредоточить свои нападки на нѣсколькихъ основныхъ пунктахъ, касающихся самаго происхожденія христіанства, стараются, такъ сказать, подкопаться подъ самый корень.

Объяснимъ опредѣленнѣе главныя задачи новаго рационализма и темы для ихъ развитія.

Всѣ новые рационалисты задаются одной задачей: низвести христіанство съ его сверхъестественнаго пьедестала и представить его, хотя и выше другихъ религій, но на ряду съ ними; доказать, что оно есть только естественный продуктъ религіознаго развитія древняго міра.

Эта попытка не новая. Еще въ первые вѣка языческіе писатели начали свои нападки на христіанство съ того, что стали глумиться надъ нимъ, а потомъ начали относиться къ нему серьезнѣе, повидимому, съ сочувствіемъ; но они проводили ту мысль, что христіанство, хотя и выше другихъ религій, однако стоитъ на одной почвѣ съ ними. Это еще дѣлалъ неоплатоникъ Порфирій. Но затѣмъ эта попытка особенно проявилась и усилилась въ концѣ XVIII в., такъ какъ рационалисты стали особенно сильно стараться объяснить происхожденіе христіанства однимъ естественнымъ условіямъ.

Такъ какъ прежде всего ученымъ былъ извѣстенъ міръ классическій, греко-римскій, то прежде всего сдѣланы были попытки вывести христіанство изъ идей классическаго міра. Всего болѣе обратили вниманія на близость ученія христіанскаго съ философіей Платона и стоиковъ. Возвышенное ученіе Платона о Богѣ, о божественномъ Логосѣ, высшемъ божественномъ разумѣ, чрезъ который Богъ образуетъ видимый міръ, — все это показалось похожимъ на христіанское ученіе о Божествѣ. А въ стоицизмѣ нашли много нравственныхъ изреченій, сходныхъ съ изрече-

ніями евангелія. И вотъ, стали сближать христіанство съ платонизмомъ и стоицизмомъ и выводить его происхожденіе изъ этихъ системъ. Но скоро ученые замѣтили, что сходство тутъ очень слабое. Неоплатоническое ученіе о Логосѣ не то что христіанское ученіе о Логосѣ; а въ стоицизмѣ только частныя черты близки къ христіанству, но самый духъ нравственнаго ученія совершенно иной. Поэтому-то платоники и стоики явились, на первыхъ порахъ, противниками христіанства. Это показываетъ, что христіанское ученіе идетъ изъ иныхъ источниковъ; что сближать его съ этими ученіями было бы натяжкой; что на основателя и первыхъ учителей христіанства нельзя распространить вліянія платонизма и стоицизма, что исторически этого никакъ нельзя доказать.

Затѣмъ, въ концѣ XVIII в., европейскій міръ подробнее познакомился съ Востокомъ, съ его религіозными системами. Въ брамаизмѣ, буддизмѣ, зороастризмѣ, стали находить черты, схожія съ христіанскимъ ученіемъ. Поэтому стали, напр., выводить христіанское ученіе о Троицѣ изъ ученія брамаизма о Тримурти, христіанское ученіе о нравственности — изъ буддійской этики, а ученіе о духахъ, ангелахъ, демонахъ — изъ персидскаго дуализма. Но вскорѣ и тутъ убѣдились, что производить христіанство изъ брамаизма, буддизма или персидскаго дуализма невозможно.

Тогда явилась попытка искать начала христіанства въ тѣхъ ученіяхъ, идеяхъ, которыя развивались въ той-же самой средѣ, въ которой зародилось христіанство на палестинской почвѣ. Опять-таки съ XVIII в. начались попытки сблизить христіанство съ ветхозавѣтнымъ іудействомъ, показать, какъ оно развивалось изъ него. Этой попыткѣ способствовало то обстоятельство, что въ концѣ прошлаго вѣка много іудеевъ, особенно въ Германіи, обратилось въ христіанство. Поэтому стало нѣсколько иное отношеніе іудеевъ къ христіанству. Прежде іудеи относились къ христіанству крайне враждебно. У тѣхъ-же іудеевъ, которые, какъ мы уже сказали, перешли въ христіанство, явилась новая тенденція: возвеличивать національную религію іудейскую тѣмъ, что доказать, какъ христіанство произошло изъ самаго іудейства.

Изъ главной партіи іудейства, изъ партіи фарисейской, духъ которой выразился въ Талмудѣ, вывести христіанство, на первыхъ порахъ, не

рѣшались. Эта попытка явилась только позднѣе (Ренанъ и Гаусратъ). Сперва же противоположность между христіанствомъ и ученіемъ Талмуда показалась очень рѣзкой, чтобы возможно тутъ было какое-либо сближеніе. Но въ іудействѣ, кромѣ фарисейства и Саддукейства, было еще нѣсколько частныхъ направленій. Нѣкоторые писатели I^го вѣка (Филонъ, Флавій, Плиній), оставили нѣсколько неясныхъ свѣдѣній объ одной іудейской сектѣ, жившей по берегамъ Іордана, о сектѣ ессейской. Въ нихъ есть нѣкоторыя черты какъ бы сходныя съ христіанствомъ; особенно во внѣшнемъ бытѣ: Ессеи часто погружались въ воду, носили бѣлую одежду; наблюдатели за жизнью ессейской общины носили тѣ же имена, что теперь носятъ служители церкви (пресвитеры, діаконы). У ессеевъ были нравственныя понятія, схожія съ христіанскими: они отрицали рабство, клятву, проповѣдывали равенство въ религіозномъ отношеніи, мало давали значенія обрядности, а больше указывали на необходимость нравственной чистоты. Стали доказывать, что Іоаннъ Крестителъ, воспитывавшійся въ пустынѣ Іордапской, заимствовалъ свои нравственныя понятія у ессеевъ и передалъ ихъ Христу. Но опять такая гипотеза долго держаться не могла. Скоро сознали, что производить христіанство изъ ессейства нельзя уже потому, что это вовсе не научно, такъ какъ христіанство — общее-извѣстный фактъ, а ессейство — очень неясный, а наука требуетъ, чтобы менѣе ясный фактъ объяснялся изъ болѣе яснаго, а не наоборотъ. Затѣмъ ученые сознали, что сближеніе это возможно только со внѣшней стороны, но самый духъ ессейства совершенно противоположенъ христіанству. Ессеи отличались крайней нетерпимостью; даже и на фарисеевъ они смотрѣли высока: Между тѣмъ, христіанство съ самаго начала проповѣдывало любовь и терпимость ко всѣмъ. Наконецъ, христіанскіе догматы не имѣютъ для себя никакой почвы среди ессеевъ.

Тогда обратились къ одному іудейскому писателю I^го вѣка, жившему въ Египтѣ, извѣстному ученому Филону, который, желая сблизить іудейство съ языческой философіей, пришелъ къ нѣкоторымъ оригинальнымъ понятіямъ, которыя представляютъ нѣкоторую близость къ догматамъ христіанскаго богословія. Онъ развивалъ, между прочимъ, ученіе о Логосѣ, о посредникѣ между Богомъ и міромъ, ученіе, повидимому, схожее съ христіанскимъ ученіемъ о Сынѣ Божіемъ. Но опять такое сближеніе держаться долго не могло. Во 1-хъ, это философія хо-

сить характеръ совершенно противоположный христіанству. Во 2-хъ, она повліяла на развитіе не самаго христіанства, а сектантскихъ ученій. Да и ученіе о Логосѣ носитъ у Филона пантеистическій характеръ. Это не богъ, а производная сила, посредникъ между Богомъ и міромъ, какая-то отвлеченная идея. Между тѣмъ, Іисусъ Христосъ — вѣчный Богъ и истинный человѣкъ. Наконецъ, философъ дуализма, совершенно раздѣлявшій область матеріи и духа, не могъ дойти до ученія о воплощеніи.

Послѣ всѣхъ этихъ неудачныхъ попытокъ къ сближенію христіанства съ другими религіями въ отдѣльности стали задаваться такой попыткой: нельзя-ли представить христіанство какъ бы высшій сложный агрегатъ всего предшествовавшаго религіознаго развитія. Но не говоря уже о томъ, что христіанство, какъ и всякое жизненное явленіе весьма мало поддается такому механическому сочетанію разнородныхъ идей, исторически доказать христіанство и указанными ученіями нельзя. Главная же трудность заключается въ томъ, что хотя христіанство, правда, и представляетъ нѣкоторыя сходныя черты съ другими религіозными ученіями, но всѣ эти ученія, не только въ отдѣльности, но и во всей сложности, далеки еще отъ цѣльнаго, полнаго христіанства. Къ этому сознанію и долженъ былъ придти раціонализмъ уже въ концѣ прошлаго вѣка.

Поэтому, новые раціоналисты выбрали для себя другую почву. Они возбудили такой вопросъ: было-ли христіанство въ самомъ началѣ такимъ, какъ мы его знаемъ. Вѣдь первые полтора вѣка христіанства менѣе ясно представляются намъ, а между тѣмъ, нужно предположить, что христіанство, какъ и всякое жизненное явленіе прошло извѣстныя стадіи въ своемъ развитіи. Можетъ быть, первоначальное христіанство было весьма близко къ іудейству или какой нибудь древней языческой религіи, и только потомъ уже оно приняло свой настоящій видъ. У раціоналистовъ твердой почвы для этого вопроса не было. Правда, первые 1½ вѣка представляются менѣе ясно, такъ какъ отъ этой эпохи дошло мало источниковъ. Но все-таки у насъ есть нѣкоторые памятники. И мы видимъ, что въ нихъ христіанство представлено въ тѣхъ же самыхъ чертахъ, какими мы его знаемъ въ позднѣйшіе вѣка. Слѣдовательно, нельзя полагать, что христіанство въ первые полтора вѣка было иное, чѣмъ позже.

Новые раціоналисты поставили поэтому и другой вопросъ: дошли-ли

до насъ первые памятники христіанства въ первоначальномъ видѣ. Можетъ быть, они дошли лишь въ передѣлкахъ, въ искаженномъ видѣ.

И вотъ, всѣ частныя работы новаго раціонализма сводятся къ двумъ главнымъ темамъ: 1) о нѣсколькихъ періодахъ развитія христіанства; 2) о подлинности или передѣлкахъ первоначальныхъ христіанскихъ памятниковъ. Этими вопросами преимущественно занималась такъ наз. Тюбингенская школа, ибо новый раціонализмъ развивался главнымъ образомъ въ Тюбингенскомъ университетѣ. Новые вопросы, поставленные тюбингенцами, новые пріемы, примѣненные ими, новыя гипотезы ихъ произвели переломъ въ богословскомъ мірѣ, тѣмъ болѣе, что прежніе христіанскіе историки мало занимались эпохой самаго происхожденія христіанства. И хотя потомъ сами же тюбингенцы отказались отъ многихъ своихъ первоначальныхъ воззрѣній, однако ихъ идеи имѣли сперва огромный успѣхъ.

Представители германскаго раціонализма въ XIX в.

Главной почвой для распространенія раціоналистическихъ идей въ нашемъ вѣкѣ стала протестантская Германія. Отсюда уже онѣ проникли во Францію и Англію, т.е. обратно пропорціонально тому, что произошло въ прошломъ вѣкѣ.

Въ Германіи главнымъ центромъ для развитія раціоналистическихъ идей сталъ Тюбингенскій университетъ, прежде отличавшійся ортодоксальнымъ, консервативнымъ направленіемъ. Поэтому раціонализмъ XIX-го вѣка называется нерѣдко просто тюбингенскимъ. Въ его развитіи замѣчается 3 періода. Вопервыхъ, періодъ самаго бурнаго, разрушительнаго характера (подъ конецъ тридцатыхъ годовъ), ознаменованный именемъ Давида Штрауса. 40–50-е годы представляютъ болѣе положительное разъясненіе тюбингенскихъ идей; главнымъ дѣятелемъ тутъ является Бауръ. Съ 60-хъ годовъ начинается періодъ смягченія раціоналистическихъ тюбингенскихъ идей въ наукѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ большей популяризаціи этихъ идей въ обществѣ. Изъ представителей этого періода можно назвать Ренана, Гильгенфельда, Гауспрата.

Тюбингенская школа обратила на себя вниманіе въ 35 году, когда вышло сочиненіе о „Жизни Іисуса съ критической точки зрѣнія". Это

написано Давидомъ Штраусомъ (+1874), который и сталъ передовымъ бойцомъ тюбингенской школы. Онъ не принадлежалъ къ числу наиболѣе ученыхъ представителей этой школы, хотя въ своемъ сочиненіи о жизни Христа и высказалъ большое изученіе памятниковъ избранной имъ эпохи. Кромѣ этого, онъ написалъ еще сочиненія объ Юліанѣ Отступникѣ, объ извѣстномъ рыцарѣ Ульрихѣ-фонъ-Гуттенѣ и др.*

Это писатель горячій, тенденціозный. По своимъ идеямъ Штраусъ является ученикомъ Гегеля, отъ котораго онъ унаслѣдовалъ крайне небрежное отношеніе къ историческимъ фактамъ. Онъ также считалъ себя ученикомъ Шлейермахера. Онъ, несомнѣнно, стремился примѣнить къ исторіи христіанства тѣ пріемы, которые были выработаны Нибуромъ относительно римской исторіи.

Его сочиненіе о жизни Христа замѣчательно тѣмъ, что въ немъ замѣчается глубокій разрывъ съ христіанскими преданіями въ самыхъ основныхъ чертахъ. Въ этомъ сочиненіи самые источники евангельской исторіи объявляются неподлинными, а самые факты, въ нихъ записанные, недостовѣрными, а лишь созданными воображеніемъ позднѣйшихъ христіанъ. Пріемы, посредствомъ которыхъ Штраусъ развиваетъ свою тему, простые, несложные, но до крайности рѣшительные. Отрицая евангельскія сказанія, Штраусъ исходитъ изъ слѣдующихъ основаній. Во-первыхъ, до половины II-го вѣка нѣтъ вполнѣ твердыхъ и ясныхъ свидѣтельствъ о подлинности ихъ. Но самая непререкаемость и общность этихъ свидѣтельствъ со второй половины II вѣка показываетъ, что у христіанъ не сразу же созрѣлъ этотъ взглядъ. Правда, первыя свидѣтельства не такъ ясны и отчетливы. Но это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что христіанская литература въ тотъ періодъ была очень бѣдна, памятниковъ было мало. Во-вторыхъ, при распространеніи тогда между христіанами живого, устнаго преданія о жизни Христа, не обращалось такого вниманія на писанныя о Немъ сказанія. Самые памятники назывались иногда иными именами, напр. „воспоминанія апостоловъ", „изреченія Христа". Вотъ на основаніи всего этого Штраусъ дѣлаетъ такое заключеніе, что свидѣтельства о существованіи евангелій будто-бы не встрѣчаются въ первые полтора вѣка. Затѣмъ, онъ старается подорвать подлин-

*Христіанская религія", „Христосъ вѣры и Іисусъ исторіи", „Старая и новая вѣра".

ность евангелій указаніемъ на такъ наз. евангельскія противорѣчія. Собственно говоря, въ евангеліяхъ нѣтъ прямыхъ противорѣчій, но несомнѣнно есть разногласія. Такъ какъ Іоаннъ писалъ позднѣе другихъ евангелистовъ, то онъ хотѣлъ обратить на новыя стороны въ жизни и ученіи Христа незатронутыя другими евангелистами. Поэтому его евангеліе разнится отъ трехъ предшествовавшихъ евангелистовъ. Другія евангелія представляютъ больше сходства между собой, вслѣдствіе чего и называются синоптическими, т.е. совпадающими. Но и въ нихъ есть нѣкоторыя различія. Каждый евангелистъ описывалъ такой фактъ и съ такой стороны, на которую онъ считалъ нужнымъ обратить свое вниманіе. Поэтому евангелисты описываютъ часто разные факты или касаются разныхъ сторонъ одного и того-же факта. Эти разногласія уже давно были замѣчены христіанскими писателями, которые и старались пополнять ихъ, объяснять одно другимъ. Это не только не даетъ повода къ отрицанію евангелій, но, напротивъ, даетъ весьма выгодный матеріалъ для воспроизведенія историческаго факта. Тутъ историкъ имѣетъ предъ собой 4 документа въ главномъ согласныхъ между собой, но расходящихся въ частностяхъ, такъ что онъ можетъ сравнивать и пополнять ихъ одно другимъ. Но изъ всего этого Штраусъ и его послѣдователи вывели крайнее разногласіе выводовъ между евангеліемъ Іоанна и синоптическими, а также въ синоптическихъ евангеліяхъ между собой. Штраусъ приходитъ къ тому выводу, что Евангеліе писано не учениками Христа, не современниками, а гораздо позднѣе, и считаетъ самый евангельскій фактъ недостовѣрнымъ.

Къ этому, по мнѣнію его, присоединяется внутренняя недостовѣрность евангельскихъ фактовъ — чудеса. Какъ раціоналистъ, онъ считаетъ все, что выходитъ изъ обыкновеннаго порядка вещей, незаслуживающимъ вниманія, а слѣдовательно, и все сверхъестественное. И хотя Штраусъ критикуетъ отношеніе къ чудесамъ, высказанное раціоналистами прошлаго вѣка, но самъ онъ объясняетъ всѣ евангельскія чудеса и разсказы по своему. Всѣ они, по мнѣнію его, не дѣйствительные факты, а вымыселъ, миѳъ. Онъ въ этомъ случаѣ прилагаетъ тотъ пріемъ, который былъ тогда обычнымъ: объяснять начало исторіи всякаго народа миѳомъ. Но Штраусъ упустилъ изъ виду, что христіанство возникло не въ темную, не-

въ жественную эпоху, а въ то время, когда просвѣщеніе достигло высокой степени развитія между іудеями и язычниками, такъ что распространяться мнѣніямъ въ большомъ объемѣ едва-ли было тогда удобно.

Объясняя недѣйствительность евангельскихъ фактовъ, Штраусъ почти не даетъ отвѣта на то, каковы же были факты жизни Христа. Онъ говоритъ, что какова была дѣйствительная жизнь Христа, мы не знаемъ. Извѣстно только то, что на Него перенесены были черты іудейскаго Мессіи. Поэтому евангеліе представляетъ происхожденіе Христа отъ рода Давидова, хотя родъ этотъ, по Штраусу, въ это время долженъ былъ уже прекратиться. Также Христосъ долженъ былъ родиться въ Виѳлеемѣ, такъ какъ тамъ родился Давидъ и Зороастръ и другіе знатные люди. Рожденіе Христа окружено ореоломъ сверхъестественности, такъ какъ Іудеи любили окружать рожденіе своихъ знаменитыхъ людей таинственностью, чудеснымъ элементомъ (Самсонъ, Гедеонъ, Самуилъ). Но Штраусъ находитъ противорѣчіе въ томъ, что Христосъ родился въ Виѳлеемѣ, а воспитывался въ Назаретѣ. Будто человѣкъ не можетъ родиться въ одномъ мѣстѣ, а воспитываться въ другомъ! Затѣмъ Мессія долженъ былъ походить на древнихъ великихъ пророковъ и творить чудеса. Поэтому, по мнѣнію Штраусса, многія евангельскія чудеса напоминаютъ чудеса ветхозавѣтныя. Такъ, чудесное насыщеніе 5 тысячъ напоминаетъ насыщеніе народа еврейскаго въ пустынѣ синайской, превращеніе воды въ вино – изведеніе Моисеемъ воды изъ камня. Великіе пророки, по представленію древнихъ іудеевъ, были боговидцами. Моисей видѣлъ Бога на Синаѣ, Илья – на Хоривѣ. Поэтому Христу приписывается преображеніе на горѣ Ѳаворѣ, принадлежащей къ той-же горной цѣпи. Это перенесеніе на Христа чертъ, созданныхъ древними еврейскими пророками, началось между первыми его послѣдователями, которыхъ онъ собралъ среди бѣдныхъ и необразованныхъ Галилеянъ. Но когда эта идея перешла въ Іудею, то ученые іудейскіе раввины убили ее. Однако она опять воскресла въ болѣе довѣрчивыхъ Галилеянахъ. Отсюда возникли разсказы о страданіяхъ и воскресеніи Христа.

Книга съ такимъ содержаніемъ произвела замѣчательное впечатлѣніе и большой переполохъ. Она нашла много послѣдователей. Самъ Штраусъ, оставя христіанскую исторію, занялся христіан-

ской догматикой, въ которой переначалъ всѣ догматы христіанства. Къ нимъ онъ примѣнилъ философскія идеи Гегеля. Поэтому, напр., у него вѣра въ Троицу обращается въ миѳъ, воспроизводящій бытіе въ себѣ, внѣ себя, для себя. А христіанскій догматъ о воплощеніи является также лишь миѳомъ, воспроизведеніемъ въ миѳической формѣ идеи о единствѣ человѣческаго духа съ Божествомъ, вслѣдствіе чего Людвигъ Фейербахъ* въ своей „Сущности христіанства" провозгласилъ великой заслугой этой религіи, что будто она возвысила человѣчество, что никакого бога выше его нѣтъ, что богъ только идеализованное человѣчество. По Фейербахову взгляду, вселенная есть развитіе идеи, достигающей только въ человѣчествѣ сознанія; нѣтъ безконечнаго, кромѣ безконечнаго въ нашей мысли; религія есть только наиболѣе цѣлесообразное соглашеніе нашей жизни съ требованіями нашихъ инстинктовъ, сначала матеріальныхъ, а затѣмъ духовныхъ. Еще болѣе крайнихъ предѣловъ это направленіе достигло въ трудахъ Ферререра, Бруно Бауэра, Руге (hallische Jahrbücher). Они возстановили противъ себя все общество и послѣдовательностью своихъ выводовъ потеряли скоро вѣру даже среди тюбингенцевъ, такъ какъ они все разрушали, но ничего серьезнаго и положительнаго не давали, развѣ болѣе, что они остановили свои работы только на самомъ началѣ христіанской исторіи, но какъ объяснить ея дальнѣйшее развитіе, на это они не давали отвѣта.

Тогда выступилъ на дѣятельность глава другой фракціи тюбингенской школы — Фердинандъ Христіанъ Баурръ.** Онъ серьезнѣе и ученѣе Штрауссъ. Онъ имѣетъ то значеніе, что представилъ попытку положительнаго возсозданія христіанской исторіи по раціоналистическимъ идеямъ и провелъ ее до того времени, когда представители раціоналистической школы уже могли сойтись съ христіанскими представителями, т.е. до половины II-го в.

На мѣсто прежняго голаго отрицанія евангельскихъ фактовъ Баурръ проводитъ идею постепеннаго развитія христіанства въ пер-

---

*+1872 г., радикальный богословъ и философъ, профессоръ въ Эрлангенѣ. „Сущность христіанства" (1841), „Исторія философіи отъ Бэкона до Спинозы", „Что такое религія?" и др.

**Онъ старше Штрауссъ и раньше его выступилъ на ученое поприще, но въ развитіи Тюб. идей Штрауссъ прежде обратилъ на себя вниманіе.

вые полтора века. Онъ развиваетъ гипотезу о переработкѣ этихъ сказаній, хотя, по мнѣнію его, евангеліе первоначально было написано современниками. Онъ указываетъ нѣсколько періодовъ въ развитіи христіанскаго ученія. Сперва Христосъ выступилъ, какъ простой учитель нравственности, въ Галилеѣ, съ рядомъ возвышенныхъ поученій, образецъ которыхъ представляетъ нагорная проповѣдь. Затѣмъ, подъ вліяніемъ восторженнаго къ Нему отношенія учениковъ, у Него сложилась новая идея: онъ сталъ прилагать къ Себѣ всѣ пророческія сказанія о Мессіи, сталъ считать Себя Сыномъ Божіимъ, хотя и не въ прямомъ смыслѣ. Потомъ, встрѣтивъ преслѣдованіе, Онъ сталъ говорить о томъ, что Ему слѣдуетъ пострадать, погибнуть. По смерти же, между учениками Христа явилась вѣра въ Его воскресеніе. Бауръ относится къ евангельской исторіи не такъ рѣшительно, какъ Штраусъ. Онъ даже не отрицаетъ прямо воскресенія Христа. Но онъ говоритъ, что тутъ всего важнѣе не самый фактъ, а смыслъ этого факта. Онъ признаетъ, что вѣра въ воскресеніе Христа послужила основаніемъ христіанства. Но это первоначальное христіанство, вождемъ котораго были старшіе ученики Христа, не было похоже на позднѣйшее. Это просто была отрасль ветхозавѣтнаго іудейства. Первоначально и обряды у христіанъ были тѣ же, что у ветхозавѣтныхъ іудеевъ. Отличались они только вѣрой въ воскреснаго Мессію и крайней исключительностью, нетерпимостью. Но одинъ изъ первыхъ послѣдователей христіанской общины, Савлъ, перенесъ христіанство въ эллинскій міръ. Здѣсь оно получило новый характеръ; отрѣшившись отъ обрядности, замкнутости, и, принявъ духъ эллинизма, стало обще-человѣческой религіей, призывавшей къ себѣ всѣ народы. Понятно, что между этимъ новымъ и прежнимъ христіанствомъ оказалось противорѣчіе, что повело ко враждѣ этихъ двухъ направленій, іудействующаго и язычествующаго. Хотя памятники и не даютъ яснаго представленія объ этой борьбѣ, но Бауръ говоритъ, что двѣ секты, бывшія въ первоначальномъ христіанствѣ и отличавшіяся крайностями, Эвіониты—іудействующіе и Маркіониты—язычествующіе, были не просто отдѣльными сектами въ христіанствѣ, а остатками первоначальнаго христіанства Петрова (Эвіонитство) и Павлова (Маркіонитство). Затѣмъ эти два направленія стали сближаться между собой. Бауръ придумалъ

много перипетий, стадий этого сближения. Наконецъ, во вторую половину II-го в. эти партіи примирились и образовали то христіанство, которое мы уже встрѣчаемъ въ памятникахъ христіанскихъ.

Сообразно съ этой борьбой и самые памятники христіанскіе Бауръ располагаетъ по разнымъ стадіямъ. Болѣе ранніе для него памятники тѣ, которые указываютъ на борьбу партій въ христіанствѣ. Это — 4 посланія ап. Павла: къ Римлянамъ, къ Коринѳянамъ два, къ Галатамъ. Эти писанія, по его мнѣнію, указываютъ будто на борьбу петрова и павлова христіанства. Затѣмъ въ Николаитахъ, о которыхъ упомянуто въ Апокалипсисѣ, онъ видитъ христіанъ павлова направленія. Но тѣмъ больше единства во взглядахъ, тѣмъ, по Бауру, позднѣе памятники. Но выше всѣхъ памятниковъ Бауръ ставитъ Климентины. Дѣло въ томъ, что въ памятникахъ каноническихъ не оказалось слѣдовъ борьбы между христіанами въ такихъ размѣрахъ, какъ это ему было нужно. А въ Климентинахъ подробно описывается борьба между какимъ-то Симономъ Магомъ и Петромъ. Бауръ предполагаетъ, что Симонъ Магъ и есть самъ Павелъ. Поэтому баурова исторія христіанства представляется совершенно въ новомъ видѣ; такъ что трудно понять, что это говорится о христіанствѣ. Но все это обосновано на широкомъ изученіи памятниковъ, которыми Бауръ пользуется крайне произвольно.

Изслѣдованія свои Бауръ началъ съ 20-хъ годовъ, ранѣе Штрауса, но онъ осторожно раскрывалъ свое дѣло. Онъ началъ съ самыхъ общихъ вопросовъ: сперва онъ написалъ о миѳологіи въ религіи, гдѣ указалъ на развитіе миѳологическаго элемента въ древнихъ религіяхъ. Затѣмъ онъ представилъ сравнительныя характеристики Христа и Сократа, ап. Павла и Сенеки. Потомъ онъ написалъ сочиненіе о Христовой партіи въ Коринѳѣ, гдѣ взялъ стихъ изъ посланія къ Коринѳянамъ,* въ которомъ говорится о христіанахъ Павловыхъ, Аполлосовыхъ, Петровыхъ и Христовыхъ. По Бауру выходитъ, что христіанствъ было нѣсколько, хотя въ этомъ посланіи говорится только о томъ, что существенныхъ различій въ воззрѣніяхъ этихъ партій не было, но только одни предпочитали одного учителя, другіе — другого и т. д. Въ 40-хъ годахъ вышли изслѣдованія Баура о развитіи догматовъ Троицы, воплоще-

---

* „Я разумѣю то, что у васъ говорятъ: я Павловъ, я Аполлосовъ, я Кифинъ, а я Христовъ" (I посл. I, 12).

нія, искушенія, объ ап. Павлѣ и Климентинахъ, гдѣ онъ раскрываетъ ту мысль, что христіанство павлово – языческствующее было не то, что христіанство петрово – іудействующее. Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ издалъ общее сочиненіе по христіанской исторіи первыхъ 3-хъ вѣковъ, затѣмъ продолженное до XVIII в. Но въ этомъ продолженіи онъ уже больше сходится съ другими историками. Онъ же издалъ исторію догматовъ и церковную историографію, въ которой проводитъ ту идею, что всѣ прежнія исторіи христіанства вели къ тому, что затѣмъ было выработано Тюбингенской школой.

Вмѣстѣ съ Бауромъ въ 40-50 годахъ работало нѣсколько другихъ даровитыхъ писателей. Вопервыхъ, Швегперъ („Монтанизмъ", „Послѣапостольское время") и Целлеръ (объ источникахъ апостольской исторіи). Но они скоро оставили область церковной исторіи. Швегперъ перешелъ къ римской исторіи, Целлеръ – къ исторіи философіи. Альбрехтъ Ритчель разработалъ христіанскую исторію въ первые полтора вѣка по идеямъ тюбингенцевъ, но въ болѣе смягченномъ духѣ. Геррегеръ довелъ свою исторію христіанства до конца перваго тысячелѣтія. Сначала ярый тюбингенецъ, онъ кончилъ переходомъ въ католицизмъ.

Подъ вліяніемъ Баура воспитались позднѣйшіе тюбингенцы: Гильгенфельдъ, Гольцманъ, Кейлъ.

Со смертью Баура работы тюбингенцевъ ослабѣли; ученики его смягчили его выводы. Въ настоящее время самый серьезный представитель Тюбингенской школы – Гильгенфельдъ. Онъ рѣшительно заявилъ, что не 4, а 8 книгъ новозавѣтныхъ надо признавать подлинными. Онъ самъ отказался отъ мнѣческаго названія ап. Павла Симономъ Магомъ. Онъ также заявилъ, что марціонитство и евіонитство далеко не могутъ служить представителями первохристіанскаго христіанства, а между ап. Петромъ и Павломъ не было той крайней вражды, какъ это хотѣлось Бауру.

Кейлъ, занимавшійся особенно жизнью Христа, старался смягчить положенія Штрауса.

Еще болѣе старался ихъ смягчить Вейсе, который въ послѣднемъ своемъ трудѣ, которымъ занимался 20 лѣтъ, говоритъ, что хотя бы отвергнуть подлинность евангелій, къ тому же нужно однако воротиться на основаніи преданія, ибо изъ чего-нибудь оно же возникло.

Гаусратъ (S. Hausrath), теперь проф. въ Гейдельбергѣ, очень плодовитый и

талантливый представитель этой школы, признается, что первоначальное христіанство нельзя представлять въ видѣ споровъ, что, напротивъ, то было время живого увлеченія, одушевленія личностью Христа, а не доктринерства.

Но этотъ послѣдній періодъ замѣчателенъ тѣмъ, что тюбингенскія идеи все больше и больше распространяются изъ кабинетовъ ученыхъ въ публикъ. Ихъ популяризаціи оказалъ важную услугу французскій писатель Эрнестъ Ренанъ,* который въ 63 году издалъ сочиненіе о жизни Христа и затѣмъ продолжилъ христіанскую исторію почти до конца II вѣка. У него своего очень мало. Онъ только популяризируетъ тюбингенскія идеи, смягчая ихъ. Его художественный тактъ чувствовалъ, что если представить эти идеи во всей рѣзкости, то они скорѣе оттолкнутъ отъ себя читателя. Поэтому онъ воспользовался романическими пріемами. Отрицая евангельскіе памятники, онъ однако широко черпаетъ изъ нихъ для описанія личности Христа, котораго онъ, конечно, не считаетъ Божествомъ, но геніемъ, великимъ человѣкомъ, не чуждымъ, впрочемъ, человѣческихъ слабостей, даже специально французскихъ. Интересу разсказа особенно способствуетъ яркое изображеніе картинъ Палестины (гдѣ Ренану самому удалось побывать??). Онъ иногда фактовъ, самъ Ренанъ пускается въ разсужденіе о томъ, что должны были чувствовать его герои. Такимъ образомъ онъ сходитъ на романическую почву.

Ренанъ нашелъ себѣ послѣдователей и среди нѣмцевъ. Гаусратъ, хотя они серьезные и ученые Ренана, но пользуется иногда тоже романическими пріемами.

Заслуга тюбингенской школы заключается въ томъ, что она обратила вниманіе на нѣкоторые вопросы, мало до тои времени затронутые, хотя собственныя ея построенія и не имѣютъ положительной цѣны.-

Католическая разработка церковной исторіи въ XIX вѣкѣ.

Въ XVII и первой половинѣ XVIII в. церковно-историческая наука въ католическомъ мірѣ стояла выше протестантской. Но потомъ отно-

*Его „Жизнь Іисуса", „Апостолы", „Св. Павелъ" и др. сочиненія по церк. исторіи составили 7-томную коллекцію, подъ заглавіемъ „Les Origines du Christianisme" (1863-83).

шенія измѣнились и особенно въ XIX вѣкѣ протестантская наука стала гораздо производительнѣе католической.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы не являлись значительныхъ церковно-историческихъ трудовъ между католиками въ концѣ XVIII и въ XIX в. Есть очень многотомныя католическія исторіи Дарраса, Дарембергера, Фарбиксра. Въ нихъ много матеріала, но пріемы историческіе очень отсталые. Эти историки сильно проникнуты ультрамонтанскими тенденціями. Болѣе значенія имѣютъ труды той партіи въ католицизмѣ, которую можно назвать либеральной. Она создалась и развивалась преимущественно въ Германіи. Въ 30 год. явился въ Германіи очень трудолюбивый и даровитый католическій ученый, который имѣлъ большое вліяніе и на протестантское богословіе. Это Мёлеръ, бывшій (съ 30-38 г.) проф. Тюбингенскаго университета на католическомъ богословскомъ факультетѣ. Онъ заявилъ себя весьма значительными церковно-историческими трудами. Онъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ церковно-историческихъ монографій: объ Аѳанасіи Великомъ, Ансельмѣ Кэнтерберійскомъ, о гностицизмѣ, Монашествѣ, Лже-Исидоровыхъ Декреталіяхъ. Самые значительные его труды по патрологіи (исторіи церковной литературы) и по символикѣ.

Символика, т.е. сравнительное изученіе разныхъ христіанскихъ исповѣданій, возникла во 2-ю четверть нынѣшняго вѣка. Она развилась изъ обличительнаго богословія, которое носило очень тенденціозный характеръ. Каждый ученый, разбирая догматы другаго исповѣданія, старался ихъ опровергнуть, разбить. Затѣмъ, эти догматы изучались безъ всякой связи и весьма отвлеченно, внѣ исторической почвы. Только со 2-й четверти нынѣшняго вѣка это положеніе дѣла измѣнилось. На мѣсто полемики явилась уже настоящая символика. Каждый отдѣльный пунктъ извѣстнаго вѣроисповѣданія сталъ теперь разсматриваться не отвлеченно, а въ связи съ историческими условіями, а также въ связи съ другими пунктами той же вѣроисповѣдной системы и основнымъ ея принципомъ. Наконецъ, символика старается быть болѣе безпристрастной, объективно выяснить смыслъ каждой отдѣльной идеи того или другаго вѣроисповѣданія.

Первый ученый, который положилъ начало этому новому методу сравнительнаго изученія вѣроисповѣданій, и былъ Мёлеръ. Его систе-

рія западныхъ христіанскихъ исповѣданій досель лучшая. По его слѣдамъ пошли и протестанты. Прежде всего, Бауръ издалъ свои чтенія о протестантствѣ и католичествѣ. Тирлъ, написавшій, между прочимъ, исторію апостольской церкви, издалъ „Лекціи о католицизмѣ и протестантизмѣ", гдѣ авторъ говоритъ, что тотъ и другой слишкомъ односторонни и далеки отъ идеала древне-христіанской церкви. Потомъ Тирлъ вдался въ мистику и сталъ крайнимъ ирвингіанцемъ.* Въ протестантскомъ духѣ писалъ символику Марейнеке. У насъ, въ Россіи 1-й опытъ сравнительнаго представленія исповѣданій сдѣлалъ въ своихъ брошюрахъ Хомяковъ.

Мёлеръ произвелъ большое возбужденіе. Онъ критически относился къ слабымъ сторонамъ католицизма. Но съ другой стороны онъ старался идеализировать католическую идею строгаго церковнаго единства. Но эта идеализація оказалась неприложимой къ католицизму. Это хорошо сказалось въ томъ направленіи, которое слѣдовало Мёлеръ'у и пришло къ разрыву съ католицизмомъ.

Подъ вліяніемъ его, воспитались образцовые католическіе церковные историки въ Германіи: Риттеръ, Альзогъ, котораго „Всеобщая исторія церкви" одна изъ лучшихъ. Это полное и спокойное изложеніе фактовъ.

Къ 60-мъ годамъ въ томъ же направленіи выступило много ученыхъ въ католической Германіи. Самый выдающійся изъ нихъ — Doellinger, мюнхенскій профессоръ. Онъ извѣстенъ нѣсколькими большими монографіями, лишь косвенно относящимися къ церковной исторіи: „О состояніи языческаго міра предъ христіанствомъ", „О магометанствѣ и его отношеніи къ христіанству", „объ іудействѣ", „о внутреннемъ развитіи протестантства" и др. Будучи сначала ревностнымъ приверженцемъ католицизма онъ написалъ не очень значительную, но талантливую церковную исторію, подъ заглавіемъ „Kirche und Kirchen, гдѣ идеализируется исторія католицизма. Но Дёллингеръ не долго удержался въ союзѣ съ католицизмомъ. Когда въ 72 году у іезуитовъ созрѣла мысль созвать такъ наз. Ватиканскій соборъ, чтобы провозгласить на немъ догматъ о папской непогрѣшимости, тогда одни пошли на сдѣлку, а другіе отдѣлились отъ папизма и образовали такъ наз.

*Шотландская секта, основана въ 1830 г. Эдуардомъ Ирвингомъ.

старо-католическую церковь. Этому помогали и политическія обстоятельства. Въ Германской имперіи, тогда только что созданной, утвердилась политика, непріязненная къ папскому двору. Бисмаркъ хотѣлъ отдѣлить германскихъ католиковъ отъ папы и поддерживалъ тѣхъ, кто возставалъ противъ догмата о папской непогрѣшимости. Поэтому большая часть германскихъ католическихъ ученыхъ образовала особую церковь. Во главѣ ея сталъ Дёллингеръ. Къ нему примкнули: Фридрихъ, издавшій исторію Ватиканскаго собора, Шульте, Рейшъ, Михелисъ, экзегетъ Лангенъ, историкъ „Философіи отцевъ церкви" Губеръ, которому приписываютъ сочиненіе „Папа и соборъ". Прусское правительство дало право собраться старо-католикамъ и избрать своего епископа. Епископомъ избранъ былъ Рейнкенсъ. Но конечно наше время вообще неблагопріятно для образованія новыхъ церковныхъ формацій. Большая часть католиковъ не пошла за этими учеными. Да и сама старо-католическая церковь имѣла успѣхъ лишь пока ее покровительствовало прусское правительство. Теперь она потеряла всякое значеніе. Одни изъ ея послѣдователей стали сближаться съ англиканствомъ, другіе съ православной церковью. Но все-таки эта старо-католическая церковь замѣчательна тѣмъ, что въ нее ушла большая часть католическихъ германскихъ ученыхъ.

Но есть въ Германіи нѣсколько очень серьезныхъ ученыхъ, принадлежащихъ и къ старой римско-католической партіи. Гефеле — самый серьезный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый безпристрастный изъ католическихъ ученыхъ новаго времени. Онъ извѣстенъ своими изслѣдованіями по археологіи. Но главный его трудъ — „Исторія соборовъ". Она доведена до Констанцскаго собора.

Кромѣ него, есть среди католиковъ, въ настоящее время, очень ученый, но далеко не безпристрастный историкъ. Это — кардиналъ Герлехрёттеръ, бывшій проф. боннскаго университета. Ему принадлежитъ большое изслѣдованіе о патріархѣ Фотіи и его временѣ. Затѣмъ онъ предпринялъ полную церковную исторію — трудъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный. Это очень подробная церковная исторія, съ подробнымъ указаніемъ на литературу этого предмета. Но въ тѣхъ особенно частяхъ, гдѣ Герлехрёттеръ касается исторіи другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій онъ является слишкомъ тенденціознымъ.

Затѣмъ, назовемъ еще одного, который также сталъ извѣстенъ съ 60-хъ годовъ, Пихлера, извѣстнаго своимъ 2-томнымъ трудомъ о раздѣленіи церквей и попыткахъ ихъ соединенія. Трудъ этотъ также пристрастный, но въ немъ онъ обнаружилъ большой талантъ и знаніе нашей восточной, особенно византійской исторіи. Но въ этомъ трудѣ замѣтна не только вѣроисповѣдная тенденція, но рядомъ съ замѣчательными изслѣдованіями встрѣчаются прямо выдумки, намѣренные подлоги. Пихлеръ написалъ также нѣсколько статей большею частію по исторіи восточной церкви.*

Церковная историіографія нынѣшняго вѣка во Франціи, Англіи, Италіи.

До сихъ поръ мы говорили больше о Германіи. И не безъ основанія. Въ нынѣшнемъ столѣтіи она стояла впереди другихъ странъ во многихъ отношеніяхъ, между прочимъ, въ церковно-исторической наукѣ. Изъ другихъ странъ назовемъ нѣсколько именъ ученыхъ во Франціи, Англіи, Италіи. Всѣ они шли по слѣдамъ германскихъ ученыхъ.

Французскіе ученые замѣчательны не столько ученостью и самостоятельностью, сколько талантомъ популяризаціи. Въ этомъ отношеніи замѣчательны: Д'Обинье, Прессансэ („Histoire des trois premiers siècles de l'Église chrétienne nouv. éd. 1887), аббатъ Местраль. Но во Франціи выдаются не столько спеціалисты богословы и церковные историки изъ среды лицъ духовныхъ, а большая часть замѣчательныхъ свѣтскихъ писателей касалась также исторіи церкви. Такъ, Гизо писалъ по церковной исторіи и по богословію. Мишле писалъ о началѣ реформаціи, Кинэ – объ Іезуитахъ, Монталамберъ – о монашествѣ, Брольи – о Константинѣ и Юліанѣ, Амедей Тьерри – о Златоустѣ и бл. Іеронимѣ, Боасье – о состояніи католической церкви въ началѣ XIX в., Обэ (юристъ) – о гоненіяхъ на христіанъ и христіанскихъ мученикахъ, также Лоранъ. Многіе пришли къ выводамъ отрицательной тюбингенской школы. Ренанъ и Реусъ, писатель серьезные и ученые Ренана, послѣдователь Баура и Гильгенфельда.

*Вызванный въ Россію, онъ получилъ мѣсто въ Публичной библіотекѣ, но за кражу книгъ сосланъ въ Сибирь.

Въ Англійской церковно-исторической литературѣ, какъ и во французской своего мало. Но англійскіе церковные историки замѣчательны: 1) стремленіемъ популяризировать труды нѣмецкихъ ученыхъ; 2) идти среднимъ путемъ между положительнымъ и отрицательнымъ направленіями. У англичанъ издавна въ характерѣ все сглаживать, примирять. Они не столько оригинальны, сколько практичны. Ихъ сочиненія практичны, жизненны; въ нихъ нѣтъ отсталости и крайностей либерализма. Въ этомъ направленіи писали церковную исторію Мильманъ, Робертсонъ, изъ новыхъ — Stanley (отдѣльныя монографіи).

Изъ англійскихъ писателей надо особенно упомянуть тѣхъ, которые занимались исторіей восточной церкви. Въ Англиканской церкви есть издавна стремленіе къ церкви православной. Это сказалось и въ наукѣ. Англичане больше другихъ занимались исторіей восточной церкви.

Между профес. Оксфордскаго университета явилось, въ половинѣ нынѣшняго вѣка, особ. направленіе (Пьюзеизмъ), возникшее подъ руководствомъ Пьюзея. Пьюзеисты — Ньюманъ, Пальмеръ, Нилль, написали сочувственныя изслѣдованія о восточной церкви и искали сближенія съ нашей церковью. Но дѣло это кончилось ничѣмъ.

Въ Италіи замѣчательны изданія нѣкоторыхъ церковно-историческихъ памятниковъ. Такъ какъ Римскія библіотеки богаты древними памятниками, то тамъ и явился цѣлый рядъ ученыхъ по изданію памятниковъ. Изъ этихъ издателей замѣчательны: во 2-й половинѣ XVIII в. Муратори, въ нынѣшнемъ столѣтіи — Тейнеръ, Петра, Росси.

Издательская дѣятельность аббата Міgne.

По изданію и изслѣдованію памятниковъ церковной литературы слѣдуетъ также назвать одного француза, аббата Міgne. Онъ извѣстенъ не самостоятельными изслѣдованіями или открытіями, а попыткой собрать и обобщить всѣ прежде изданные памятники.

Онъ завелъ типографію близъ Парижа и сталъ переиздавать отцовъ церкви. Это изданіе составило Theologiae cursus completus. Въ него вошло больше 220 т. отцовъ западной церкви до XII в. и до 160 т. — церкви восточной, до половины XV в. Издано около 30 т. однихъ указателей къ этимъ памятникамъ.

Затѣмъ онъ предположилъ было сдѣлать серію изданій сирійскихъ на-

мятниковъ. Но пока они задумали другое предпріятіе: дѣлать выборки изъ изданныхъ ими памятниковъ для разныхъ богословскихъ наукъ, составлять разныя богословскія энциклопедіи. Бралось какое-нибудь слово и на него подыскивалось возможно большее количество относящихся къ нему мѣстъ въ памятникахъ церковной литературы. Издано 3 серіи такихъ словарей, каждая отъ 30 до 50 томовъ.

Всѣ эти работы велись нѣсколько поспѣшно. Поэтому въ нихъ недовольно обработки, много поверхностнаго. Но во всякомъ случаѣ это очень полезное и огромное издательское предпріятіе. Въ теченіе немногихъ лѣтъ было выпущено свыше 500 т. Это очень дорогое пособіе для всѣхъ, занимающихся богословіемъ и церковной исторіей.

Къ несчастью, въ 67 г. типографія сгорѣла и Мідне должена была прекратить свою издательскую дѣятельность.

Церковная исторіографія у Румынъ и Ново-Грековъ.

Ново-Греки сдѣлали для церковной исторіи больше другихъ православныхъ народовъ Балканскаго полуострова.

У нихъ есть исторіи отдѣльныхъ патріаршествъ. Въ новѣйшемъ времени между греками ново-греческаго королевства и византійскаго патріархата стало выказываться научное побужденіе. Явилось много ученыхъ, которые особенное вниманіе стали обращать на разысканіе древнихъ памятниковъ греческой духовной литературы, которыхъ и до сихъ поръ много найдено. Изъ этихъ издателей замѣчательны: Константинъ и Софроній Экономосы, Филофей Вріенній, Анастасіадесъ, Симонидесъ, Поподополо Керамеусъ и др. – У Румынъ можно указать на церковно-историческіе труды митр. Шагуны. – Вообще-же, церковно-историческая наука на православномъ Востокѣ еще впереди.

Наука церковной исторіи въ Россіи.

У насъ церковно-историческая наука находится въ слабомъ состояніи. Этому способствовало нѣсколько условій. У насъ вообще наука стала развиваться поздно и мѣшкомъ на Западъ. Мы стали работать на этомъ поприщѣ, когда Западъ уже далеко ушелъ отъ насъ. Труды западныхъ писателей отличаются извѣстными тенденціями, такъ-

что въ этой наукѣ намъ неудобно прямо идти по ихъ слѣдамъ. Намъ необходимо самимъ переработать тотъ матеріалъ, который они переработали. Наконецъ, состояніе науки духовн. у насъ досель далеко не свободное, такъ что и при вполнѣ православномъ направленіи, относясь къ дѣлу прямо, можно попасть въ непріятность. Поэтому у насъ досель мало сдѣлано по этой наукѣ.

Наши предки не знали церковной исторіи, Въ древней Россіи не знали даже древнихъ историковъ христіанскихъ: Евсевія, Сократа. Знали только нѣкоторыхъ византійскихъ хроникеровъ. Со времени-же развитія духовныхъ школъ, въ нихъ сообщались кое-какія свѣдѣнія по церковной исторіи. Главнымъ образомъ она изучалась по византійской исторіи Никифора Каллиста.- Въ началѣ XVIII в. по приказанію Петра I переведена церковная лѣтопись Баронія, но не съ подлинника, а съ какого-то польскаго сокращеннаго перевода. Въ концѣ прошлаго вѣка переведена византійская хроника Кедрина, доводившая исторію восточной церкви до XI в. и дополненная до начала XV в. Со 2й половины XVIII в. Русскіе стали знакомиться и съ трудами протестантскихъ ученыхъ: Мозгейма, Вейсмана.

Въ началѣ нынѣшняго вѣка были преобразованы духовныя заведенія. Профессорамъ поручено было писать курсы по разнымъ предметамъ, между прочимъ, по церковной исторіи. Этимъ была вызвана „Библейская исторія" Филарета Дроздова,* и „Церковная Исторія" Иннокентія Пензенскаго. Первая изложена по Буддею, вторая — по Мозгейму и Вейсману. Но въ нихъ много и самостоятельнаго. Авторы провѣряли по источникамъ и противопоставляли собственныя воззрѣнія. Эти исторіи и до настоящаго времени остаются самыми замѣчательными. Въ 60 г. профессоръ петербургской духовной академіи Чельцовъ сталъ писать церковную исторію по Неандеру, но издалъ только 1-ю часть. Не такъ давно Терновскій, профессоръ кіевскаго университета, издалъ 2 книжки по церковной исторіи („Первые 3 вѣка христіанства", исторія вселенскихъ соборовъ). Послѣдняя занимательно написана, но не особенно серьезно.

Перейдемъ къ переводамъ. Соколовъ перевелъ церковную исторію Гассе, сухо написанную. Кн. Волконскій сталъ было переводить съ

---

*Проф. С.Петерб. академіи, потомъ митр. Московскій.

французскаго церковную исторію аб. Владиміра Гэттэ*, перешедшаго въ православіе и состоящаго нынѣ священникомъ православной церкви въ Парижѣ; но вышло только 4 части (до V в.). Матвѣевъ издалъ часть (до VI в.) церковной исторіи Робертсона, а также перевелъ сочиненія Фаррара: „Жизнь Христа",** „ап. Павелъ".

Между популярными исторіями церкви лучшая принадлежитъ А.Н. Бахметьевой.

Отдѣльныхъ монографій много появилось въ послѣднее время, когда въ 60-хъ годахъ введенъ былъ новый уставъ духовныхъ академій. Появилось много выдающихся произведеній, напр. „Исторія древнихъ религій" еп. Хрисанѳа, „Восточная аіологія" арх. Сергія и др. Они показываютъ, что и у насъ было сдѣлано довольно для церковной исторіи, если бы были благопріятныя внѣшнія условія. Много цѣнныхъ статей находится въ духовныхъ журналахъ. Такія статьи, какъ, напр., статьи проф. Горскаго объ Аѳанасіи Великомъ и Ѳеодоритѣ Кирскомъ (въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. Отцовъ") сдѣлали бы честь любой западной литературѣ.

Едва ли не лучшее, что дѣлается для развитія нашей науки, это переводы церковно-историческихъ памятниковъ, дѣлаемые главнымъ образомъ въ Духовныхъ академіяхъ и при редакціяхъ духовныхъ журналовъ. Петербургская духовная академія перевела христіанскихъ историковъ IV–V вѣка и до 8 книгъ византійскихъ хроникъ XII–XIII в. Московская духовная академія занимается переводомъ твореній Отцовъ греческой церкви IV–V в. и теперь уже дошла до Кирилла Александрійскаго. Издано болѣе 80 книгъ. Кіевская духовная академія переводитъ западныхъ учителей церковныхъ. Казанская духовная академія печатаетъ, въ Православномъ Собесѣдникѣ, древне-русскіе церковные памятники, а также акты соборовъ. Изъ частныхъ журналовъ, Православное обозрѣніе перевело писанія мужей апостольскихъ, апологетовъ Иринея и часть Философумена; Чтенія въ московскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія печатаютъ каноническія правила съ толкованіемъ на нихъ средневѣковыхъ византійскихъ комментаторовъ. Такимъ образомъ все болѣе и болѣе подготовля-

---

* Издаетъ L'Union chrétienne, Revue orthodoxe.

** Другой переводъ Лопухина (болѣе полный и точный).

ется матеріалъ для нашей науки.

Успѣшнее идетъ разработка исторіи отечественной церкви. Тутъ выдаются труды московскаго митрополита Платона (въ концѣ XVIII в.), кіевскаго – Евгенія, Филарета Черниговскаго („Исторія русской церкви", „Житія русскихъ Святыхъ", „Исторія русской духовной литературы".) и митрополита Макарія („Исторія русской церкви") и проф. Голубинскаго и Знаменскаго. Съ 60-хъ годовъ начались изслѣдованія по расколу. Изъ этихъ изслѣдователей болѣе извѣстны: Ильинскій, Субботинъ, Щаповъ, Ивановскій – профессора духовныхъ академій, а изъ свѣтскихъ ученыхъ – Мельниковъ и др.

Филаретъ Черниговскій много сдѣлалъ и для общей церковной исторіи въ своихъ „Житіяхъ западно-славянскихъ святыхъ" и др. соч.

Но въ его многочисленныхъ трудахъ, вслѣдствіе поспѣшности, встрѣчаются ошибки.–
